

«ВОПРОСЫ ИСТОРИИ»

Александр Иванович
ГУЧКОВ
рассказывает...

**ВОСПОМИНАНИЯ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
И ВОЕННОГО МИНИСТРА
ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА**

Александр Иванович Гучков
рассказывает...

Воспоминания Председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства

Автор предисловия В. И. Старцев
Авторы комментариев и примечаний
С. Ляндрес и А. В. Смолин
Художник В. Ю. Новиков

Александр Иванович Гучков рассказывает... М.: ТОО
Редакция журнала «Вопросы истории», 1993. 144 с.

Александр Иванович Гучков — лидер партии октябристов, председатель Государственной думы, военный министр Временного правительства вспоминает о своих встречах и беседах с императором Николаем II, П. А. Столыпиным, военными деятелями предреволюционной России.

ISBN 5-86397-001-4

© ТОО Редакция журнала «Вопросы истории»

Предисловие

Публикуемые ниже стенограммы рассказов бывшего лидера партии октябристов А. И. Гучкова (1862—1936) о его участии в освободительном движении и двух русских революциях, об экспедиции в Псков, где он вместе с В. В. Шульгиным принимал отречение от престола императора Николая II, о своей деятельности на посту военного министра Временного правительства представляют собою уникальный источник. Картины переговоров с Николаем II и П. А. Столыпиным, отзывы о многих событиях, портреты политических деятелей с конца XIX в. вплоть до начала 30-х годов — все это теперь достояние читателя.

Я впервые заинтересовался А. И. Гучковым в середине 60-х годов, когда занялся предысторией Временного правительства. Источники рисовали фигуру яркую, страстную, порывистую и увлекающуюся, человека, у которого слово и дело, идея и ее воплощение всегда шли рядом. Эти свойства личности Гучкова и помогали ему жить и добиваться своих целей, и осложняли его отношения с политическими союзниками и друзьями. За границей вышло уже несколько биографий Гучкова, в советской литературе его жизнеописание практически отсутствует. По традиции его долгое время рисовали одной черной краской — как октябриста, империалиста и врага пролетариата.

Политическая биография Гучкова поучительна и современна. Он один из немногих русских буржуазных деятелей, считавших своим долгом для спасения страны испробовать компромисс с исторической властью. Переговоры с Витте и Столыпиным о возможности вхождения в коалиционное правительство, затем реальное сотрудничество между Столыпиным и Гучковым как председателем Государственной думы. Наконец, ссора со Столыпиным после насилия правительства над конституционными основами отношений между исполнительной властью и законодательными учреждениями — все это не может не вызвать аналогий с современностью.

Гучков в 1905—1917 гг. обладал сам по себе, пожалуй, не меньшим влиянием, чем вся партия октябристов, одним из основателей которой он являлся. Сын московского купца-старообрядца, он был крупным домовладельцем и промышленником, директором Московского учетного банка, членом правления товарищества газеты «Новое время». Гучков окончил историко-филологический факультет

Московского университета. Еще совсем молодым человеком он совершил рискованное путешествие в Тибет, посетил далай-ламу. Служил в Забайкалье, в пограничной страже, дрался на дуэли. Во время англо-бурской войны мы видим Гучкова на юге Африки, где он сражается на стороне буров; побывал в плену у англичан. В 1903 г. — Гучков в Македонии, где вспыхнуло восстание против турок. Во время русско-японской войны он снаряжает санитарный поезд и отправляется на Дальний Восток в качестве уполномоченного Красного Креста, попадает в плен к японцам при Мукдене. После освобождения вернулся в Москву, когда страна приближалась к высшей точке революционного движения.

Крайние формы революции в это время претят ему. На ноябрьском земском съезде 1905 г. он порывает с либералами-кадетами и их лидером П. Н. Милюковым и вместе с Д. Н. Шиповым основывает «Союз 17 октября». С его помощью его брат, Н. И. Гучков (в те дни московский городской голова), провел резолюцию городской думы, осуждающую декабрьское вооруженное восстание. На выборах в I Государственную думу А. И. Гучков терпит поражение. В конце августа 1906 г. наперекор мнению либералов он открыто приветствует введение Столыпиным военно-полевых судов. Именно Гучкову принадлежит изобретение выражения «пламенный патриотизм», которое было использовано и сталинской пропагандой в довоенное время (с добавлением слова «советский»). Он считал, что именно патриотизм объединит большинство нации, партию октябристов, часть националистов и царское правительство.

С этого началась дружба Гучкова, ставшего председателем III Государственной думы, и Столыпина, возглавившего царское правительство и исполнявшего должность министра внутренних дел. Гучков внес свой вклад в усмирение России после первой революции. Но он же содействовал и тому, что в стране постепенно установилась политическая стабильность, способствовавшая промышленному и экономическому подъему, соблюдались скромные права человека, вошедшие в русскую действительность после первой революции. Гучков обеспечивал правительству Столыпина устойчивое большинство в Государственной думе, своим личным влиянием помогал укреплению третьеиюньского режима.

Но когда в 1911 г. Столыпин прибег к искусственному перерыву в работе законодательных учреждений, чтобы в порядке чрезвычайного правительственного законодатель-

ства (ст. 87 Основных государственных законов) провести проваленный в Государственном совете закон о земстве в западных губерниях, Гучков отказался в знак протеста от поста председателя Думы, отошел на время от политической деятельности и уехал на Дальний Восток. Однако он считал необходимым присутствовать на похоронах Столыпина, а в первую годовщину его убийства (сентябрь 1912 г.) приехал в Киев, чтобы почтить его память. Гучков первый разоблачил скандальную роль Григория Распутина при царском дворе и сказал об этом с трибуны Государственной думы, чем заслужил ненависть императорской четы. По указке правительства Гучков путем ряда махинаций не был допущен в IV Государственную думу.

Еще в 1913 г. Гучков уловил первые признаки новой революции и предрек близкую гибель царского строя. Он призвал представителей умеренных политических кругов российского общества перейти в оппозицию правительству и царской семье, чтобы к моменту неизбежного падения Николая II не выпустить из рук контроль за формированием новой власти. Летний кризис 1915 г. вновь вывел Гучкова на авансцену политической борьбы. В июле этого года он становится председателем Центрального военно-промышленного комитета, затем избирается, вопреки давлению царской семьи, членом Государственного совета. Осенью 1916 г. Гучков становится центральной фигурой группы (он, М. И. Терещенко, Н. В. Некрасов), планировавшей военный переворот.

Но переворот запоздал: мощная народная революция 23 февраля — 1 марта 1917 г. свергает царский строй, упреждая заговорщиков. Именно Гучков вместе с Шульгиным вызывается поехать в Псков к царю, чтобы вырвать у Николая II акт отречения от престола. Ему видится в этом пик его политической карьеры. Но спасти монархию не удастся. Начинается недолгая эпопея Гучкова как военного министра. После апрельской демонстрации он предлагает вооруженным путем бороться с Петроградским Советом, но большинство министров отказывается от этого. Гучков выходит в отставку. Мы видим его затем в стане буржуазных противников развивающейся революции. В августе он с корниловцами, затем среди врагов Советской власти...

Обо всем этом читатель подробно узнает из уст самого Гучкова, рассказ которого стенографировался по инициативе Н. А. Базили. Мемуары Гучкова у нас известны довольно давно, по крайней мере с 60-х годов, по публикации их в парижской газете «Последние новости» осенью 1936

года. Обнаружение в архиве Гуверовского института войны, революции и мира подлинных стенограмм рассказов Гучкова дает в руки исследователей еще более ценный источник. Подготовили их к изданию два историка, в научной добросовестности и исследовательской скрупулезности которых я совершенно уверен. Один из них — А. В. Смолен — около четырех месяцев работал в архиве Гуверовского института. Историк и источниковед, он сделал своей специальностью изучение русской мемуаристики о гражданской войне. Семен Ляндрес — аспирант исторического факультета Стэнфордского университета в США. Уже несколько лет он изучает богатейшие фонды архива Гуверовского института. Составленные Ляндресом биографические материалы о многих деятелях русской эмиграции, а до этого — политических и военных деятелях дооктябрьской России пригодятся для будущего биобиблиографического словаря российской политической жизни XX века.

Запись беседы А. И. Гучкова с Н. А. Базили

Суббота, 5 ноября 1932 г.

Базили. I пункт (читает) «Генезис недоверия А. И. к левым». С этим в связи стоит второй пункт. В период, предшествующий революции, вы практически от левых отграничились. Как у вас наметился совершенно определенный курс в другую сторону? Затем у меня тут третий пункт: когда вы окончательно разочаровались в Николае II? Потому что у вас одно время было взаимное понимание.

Гучков. Лучше рассказать о моем отношении к нему с самого начала.

Базили. Тут очень интересная вещь — с Алексеевым. У Львова, у вас были сношения с Алексеевым...

Гучков. Моя связь с Алексеевым заключалась в том, что я его знал, встречался с ним, когда он был начальником штаба Киевского военного округа, потому что я его знал до японской войны и, так как я был в добрых отношениях с Ивановым, то я тогда несколько сошелся и с Алексеевым. Иванов и Алексеев были в числе тех высоких чинов нашей армии, которые понимали очень слабое состояние нашей обороны и предвидели, что приближается момент, когда нам придется мериться с противником первоклассным — Германией. Они отдавали себе отчет, что, если нас Германия застанет в беспомощном состоянии, мы будем разгромлены вконец.

Видя во мне человека, желающего восстановить нашу военную мощь после этого ослабления, созданного японской войной, они, в очень, правда, дискретной форме, помогали мне ориентироваться в военных вопросах, указывая главные потребности. Они не были в числе главных моих осведомителей, они мне язвы военного ведомства не раскрывали, а просто давали те или другие советы. Вот отсюда это началось. Это было в годы 8, 9, 10, 11, а затем война и, так как мне пришлось одно время обслуживать в смысле помощи Красного Креста фронт, которым командовал Иванов, а начальником штаба был Алексеев, то это еще больше меня с ними свело. С Алексеевым еще ближе мои отношения сложились, когда он сделался главнокомандующим Северо-Западного фронта. Этот фронт как раз

обслужен был Красным Крестом моим, и у нас с ним были добрые простые отношения. Я к нему заезжал, докладывал о санитарных вопросах, о вопросах медицинской помощи и затем всегда говорил о своих впечатлениях от фронта. Я его очень высоко ценил. Человек большого ума, большого знания. Недостаточно развитая воля, недостаточно боевой темперамент для преодоления тех препятствий, которые становились по пути. Работник усердный, но разменивающий свой большой ум и талант часто на мелочную канцелярскую работу — этим убивал себя, но широкого государственного ума человек...

Затем он в Ставке, я уже не на фронте, а председателем Центрального [военно-] промышленного комитета и, как председатель этого комитета, член Особого совещания по обороне. Там я и мои ближайшие друзья пытаемся влить какую-то жизнь в это совещание, толкаем на принятие больших решений, на ускорение темпов заготовки, но часто встречаем непонимание, косность, робость, иногда неискренность некоторых представителей военного ведомства, которые не решались обнаружить нужды и язвы, и тогда, в такие минуты я пытаюсь [действовать] через фронт, через Алексева.

Некоторые свои горькие наблюдения и советы я излагаю письменно и посылаю их Алексеву. Посылаю не по почте, не ожидаю ответов и не получаю их. Одно из таких писем без моего знания и против моей воли попало, однако, в широкую огласку — оно напечатано в каких-то изданиях. Тогда я был настолько возмущен тем, что военный министр Беляев такую ужасную вещь, как недостаток винтовок, скрывает от нас, обманывает нас, и я тогда написал Алексеву письмо очень резкого характера. Во главе правительства в это время уже Штюмер...

Базили. Это было поздно летом 1916 года.

Гучков. Я свой обвинительный акт обобщаю обвинительным актом против всего правительства, которое не выполняет свой долг против армии. Московский городской голова Челноков¹ был в Петербурге, и я ему показал копию этого письма. Он просил меня на один день, кому-то хотел показать, и это было непростительно с его стороны, потому что я знаю, как письма эти опасны для самого дела, которому служишь. Это письмо было Челноковым или теми, кому он передал его, размножено и получило широкое распространение в военных кругах. Этот документ получил распространение на фронте, в то время как я имел в виду только Алексева. Это было использовано как агитационное

средство против строя: армия свой долг выполняет, а вот что делается в тылу! Это мне было очень неприятно, потому что я в то время пытался с этой властью столкнуться и считал, что не время расшатывать ее. Этим, собственно, мои сношения с Алексеевым ограничиваются.

Базили. Алексеев знал о том, что могут быть в известных кругах известные замыслы, — это я не только допускаю, я имею даже с некоторых намеков Алексеева определенное убеждение, что он мог подозревать, но я почти уверен, что не было практических разговоров с ним на эту тему.

Гучков. Я тоже склонен думать, что это так. Он был настолько осведомлен, что делался косвенным участником.

Базили. По своему характеру он мог быть только тем, что вы говорите, — пассивным свидетелем. Были какие-то письма Львова к Алексееву.

Гучков. Я их не видел, но я думаю, что они касались просто общего положения о недопустимости, об опасности внутреннего положения. Об этом Алексеев много думал. Я часто с ним на эту тему говорил и имею полное основание думать, что он получал письма. Он, я думаю, Львову ничего не писал, потому что тут его корректность... Он был корректен, он бы себе не позволил. Получить — да... До революции мои отношения этим ограничиваются, а затем, после отречения, когда состоялось назначение великого князя Николая Николаевича, по нашему настоянию, и когда в первые же дни мы встретили в Петербурге сильнейшее сопротивление этому из левых кругов в правительстве Керенского (тогда он еще не был главой правительства — *Ред.*), но надо сказать, я, поддерживая кандидатуру великого князя, не был никем поддержан в составе правительства. Я считал долгом поддерживать, потому что всегда хотел связь, преемственность сохранить. Затем, я считал что у него хорошая военная репутация создалась. Мне казалось, что с наименьшими потрясениями... Во всяком случае, это не было тем большим местом, которое надо изъять

Я настаивал, но когда я увидел, что встречаю слабую поддержку в самом правительстве, то согласился предупредить великого князя, чтобы он сам отказался, и тогда я тотчас выдвинул кандидатуру Алексеева. Я был в этом довольно одинок, потому что против этого был Родзянко (у него был свой кандидат в лице Брусилова) и почти весь думский Комитет. Они делегировали целую группу, которая пошла на заседание Совета министров, и там они резко

настаивали, чтобы назначен был Брусилов. Я был очень низкого мнения о Брусилове как о человеке, как о стратеге. У него были большие свои успехи, которые я приписывал не столько ему, сколько обстановке и хорошим сотрудникам. Так что тут уже я проявил большое упорство и решительно отверг кандидатуру Брусилова, тем более, что к моим впечатлениям присоединились еще за первые дни революции просто определенные справки о том, как он в первые дни повел себя. Раболопно прополз он на брюхе перед солдатской демагогией, в то время как Алексеев вел себя с большим достоинством. Тогда я настоял. Алексеев был назначен, хотя сделал попытку отказаться от этого...

Базили. Первая встреча была ваша поездка в Ставку, вторая — я был у вас 5, 6, 7, и потом, я помню, вы должны были поехать в Ставку...

Гучков. Отдавая себе отчет не только в положительных сторонах Алексеева, но и в его слабых сторонах, я задумал какого-нибудь крупного военного с решительным характером в противоположность Алексееву, близко соприкасающегося с армией, назначить начальником штаба [верховного главнокомандующего]. В этих кругах было такое безлюдие, что какого-нибудь кандидата, который сам напрашивался [бы] на это, не было. Личного знакомства у меня не было с Деникиным, но был хороший надежный отзыв о нем, но ни разу не видал его. Я переговорил об этом с Алексеевым, потому что все делается с его согласия, он возражал, потому что он Деникина мало знал, затем иерархически это был большой скачок, в то время только что командовал дивизией или корпусом, так что у него стажа такого не было.

Я все-таки настоял на назначении Деникина. Деникин был вызван в Петербург, я ему объяснил, что от него ожидается, считал, что очень высоко надо держать знамя. Мы вынуждены будем на какие-то компромиссы идти, но должны опираться на непримиримость и настойчивость военного командования. Надо сказать, что Деникин тоже неохотно принял назначение, предвидя, какая это будет адская работа; его тянуло к фронту, к войскам, но он согласился. Таким образом, с согласия обоих этих людей состоялось назначение. Каково было мое удивление, когда, приехав в Ставку, я застал, что Деникина и Алексеева еще не видали.

Базили. У меня было впечатление, что он не вошел в эту организацию, а остался чем-то висящим.

Гучков. Я не мог так судить, но я готов поверить. В

одном я не ошибся, это что он на своем посту вел себя независимо. Военное мужество — это одно, другое мужество — гражданское. У него и это было — чувство достоинства. Он не поклонился новым силам. Вот так с Алексеевым кончилось.

Базили. Алексеев приезжал несколько раз в Петроград. Алексеев карьеру любил.

Гучков. Меня это удивляет, потому что другой любопытный эпизод был. После апрельского революционного движения в Петербурге я видел, что в правительстве не найду поддержки для того, чтобы начать борьбу, а одному начать было просто легкомысленно. Я думал уже уйти, не отказываясь от дальнейшей работы, потому что мой план был таков: бросить центр и помочь на фронте образоваться какой-нибудь вооруженной силе, которая могла оздоровить самый фронт. Мысль о Корниловском походе тогда возникла. Это мое решение пойти совпало с решением Корнилова. Его попытка оздоровить гарнизон петербургский, образовать известное ядро, надежное [как опора] правительству, увенчалась очень слабым успехом; по-видимому, у него тоже было чувство, что он не находит у правительства той поддержки, которая ему нужна, и он стал отпрашиваться на фронт.

В таких условиях нельзя заставить человека остаться. Надо человека, который охотно бы взялся за эту задачу. Я согласился, но подумал о том, чтобы использовать тот капитал, который накопился вокруг Корнилова; он за эти полтора месяца командования завоевал в революционном гарнизоне высокое моральное положение. Против него бунтовали, но с ним считались. Человек он большого мужества, [не] считали, что он есть агент реакции, расправы, верили, что он новый строй признал воистину, так что он не вызывал против себя той злобы, тех подозрений, которые мог бы другой генерал вызвать, ему подтягивание гарнизона давалось легче, чем другому. Главное дело, у него был моральный авторитет.

Так как я ждал после апрельских дней повторения этих дней в более общей форме, полагая, что дойдет дело до вооруженных мятежей, то мне казалось, что надо было сохранить Корнилова на таком посту, где он в нужный момент мог бы быть использован в силу этих данных, которые в нем были. Мне пришло в голову, что, если его назначить командующим Северо-Западным фронтом на место ген. Рузского, которого я думал удалить, потому что он проявлял невероятную бездеятельность, апатию и, кроме того,

находился в какой-то вечно брюзжащей саботирующей оппозиции Алексееву, то я думал, что если одновременно с назначением Корнилова в Псков еще произвести некоторую реформу в смысле подчинения Петербургского округа командованию [фронта,] тогда все события, которые происходили в Петербурге, были бы под высокой рукой псковского командования. Значит, [предположим, начинается] мятеж в Петербурге; в его компетенцию входит послать войска, произвести какие-то замены, словом, распоряжение петербургским гарнизоном и всякие события ведались бы Корниловым.

Поэтому я написал тогда Алексееву, что предполагаю уступить Корнилову командование Петербургским округом, перевести его на фронт и по таким-то соображениям думал его перевести в Псков. Алексеев ответил мне, что на уход Рузского согласен, но вместе с тем указал, что считает недопустимым назначение Корнилова на этот пост, и с той обстоятельностью, с которой он всегда излагал свои мысли, этот отказ был мотивирован целым рядом пунктов. Я даже помню, какие пункты были. Во-первых, Корнилов не прошел все стадии, которые необходимы для занятия этой должности. Его служебная карьера была такова — он в боях командовал только дивизией; командование корпусом, откуда я взял его в Петербург, происходило в условиях отсутствия вооруженных столкновений. Поэтому такой скачок от командования корпусом до командования фронтом считался недопустимым. Он не обладает стажем, который нужен. Во-вторых, есть в пределах фронта много генералов, которые старше его по производству и которые имеют весь необходимый стаж, и, предвидя мою настойчивость, Алексеев закончил эту программу последним пунктом, где было сказано, что, если тем не менее вы не найдете возможным со мной согласиться, прошу принять мою отставку.

Я ответил ему, что он не отдает себе отчета в опасности Петербургского фронта, что какие бы вы победы ни одерживали на внешних фронтах, но если Петербург провалится — все провалится. Алексеев мне ответил, что он остается при своих прежних предположениях и настаивает на увольнении его, если я буду настаивать. Я собирался сам уходить, так как знал, что на мое место будет назначен Керенский и что среди некоторых элементов высшего командования развился некоторый демагогический карьеризм и были люди, которые, играя своей революционностью, преданностью новому строю, могли бы через Керенского попасть на такой высокий пост. Так как я предвидел.

что в таком случае будут назначения не лучше, а хуже, то я сказал себе, что при таких условиях расставаться с Алексеевым нельзя. Если бы я сам остался, я настаивал бы на назначении Корнилова, но я не доверял, чтобы приемником мог руководствоваться этими соображениями, и по этому я написал Алексееву, что отказываюсь от кандидатуры Корнилова.

На место Рузского был назначен Др[агомиров], а Корнилову после поисков какого-нибудь высокого поста нашёл на Юго-Западном фронте 8-ю армию, куда он был назначен и совершенно отрезан от Петербургского гарнизона. Это была ошибка. Вот это меня настроило горько по отношению к Алексееву, и я увидел, что не ошибался в том, что за все время работы с ним я не видел, чтобы он понял всю грозность положения в том смысле, что в такое грозное время надо к неординарным мерам прибегать. Назначение Корнилова нарушало известную обычную градацию, и польза была ясна, у Алексеева еще была привычка действовать в пределах старых узаконений, немножко рутинная была. Он пишет мне так, что есть старше, чем Корнилов и, если Корнилов будет назначен, многие обидятся, и мне особенно горько было... Тут вся Россия гибнет... Все соображения, которые были в нормальных условиях, они все присутствовали, когда нужно было принять решение.

Базили. У меня следующий пункт: генезис Временного правительства. Как само Временное правительство создавалось. Откуда Некрасов, Терещенко, Керенский. Как оно мало-помалу кристаллизировалось еще до революции. Вначале образована группа людей, которые никогда не думали, что они станут Временным правительством, и как постепенно они сознавали, что подходят к ответственной роли.

Гучков. Тут, я думаю, Милюков мог бы дать более исчерпывающие сведения, чем я, так как я в этих переговорах не участвовал, они меня не видели и даже меня не осведомили об этом. Я никогда не присутствовал ни на каком совещании.

Базили. Вы не были на разговорах у Федорова?..

Гучков. Я был.

Базили. Это же и есть генезис Временного правительства.

Гучков. Юридически генезис таков: это соглашение между солдатскими и рабочими депутатами.

Базили. Интересно, как постепенно образовалась эта группа людей?

Гучков. Некоторые почему-то вошли в состав правитель-

ства, причем на совещании у Федорова не были. Кто произвел этот триаж...

Базили. Этот триаж произошел в последнюю минуту. Милюков играл большую роль.

Гучков. Я думаю, что он главный. В сентябре 1916 г. в Особом совещании по обороне Н. В. Сав[ич]³ сказал мне, что намечается одно совещание по политическим вопросам, что устраивает это совещание Милюков, что его, Савича, тоже звали, но он отказался, и он знает, что имеют в виду позвать меня...

Базили. Почему отказался?

Гучков. Он чувствовал, что пахнет революцией, и все, что могло его поставить в контакт с этими элементами, встречало с его стороны отпор. Он не боролся потому, что считал почти неизбежным, но уклонялся от какого-нибудь участия.

Базили. La peine de responsabilité? [Время ответственности?]

Гучков. Он так с самого начала не верил в успех, что приобщаться к этому не было смысла. Так вот, он меня предупредил. Одно время он был в составе Особого совещания по обороне.

Базили. Милюков не считал эту затею безнадежной, а наоборот.

Гучков. Мы собрались. Там были Родзянко, Милюков, Шидловский, Шингарев, Годнев, Влад. Львов, Некрасов. Из не членов Думы был только Терещенко — я сам не отдавал себе отчета, почему, и объяснял это тем, что с ним был очень близок и высоко ценил его Родзянко. Инициатива совещания шла, очевидно, от Милюкова и его кадетской группы, но влияние на это совещание и видную роль в нем играл, несомненно, Родзянко; с ним, как с председателем Думы, очень считались. Там был поставлен вопрос о тревожном положении, очень ясно определившейся линии развития событий в сторону какого-нибудь большого народного движения, уличного бунта. Затем вопрос был поставлен не о том, нужно ли мешать этому либо содействовать. Предполагалось, что эти события пройдут независимо от воли и желания собравшейся группы, они сами собой разовьются. Вопрос был поставлен: что нам делать, когда это все наступит.

С другой стороны, было ясно: правительство, к которому мы все относились очень пренебрежительно (потому что чувствовалось какое-то отсутствие воли, разума, убеждения в своей правоте), не в состоянии будет дать отпор и пода-

вить это движение, и произойдет одно из двух. Либо это движение будет иметь успех и власть свалится, либо правительство в своей беспомощности обратится к общественным кругам, у которых есть известный авторитет, которые готовы взять на себя [ответственность] и справиться с этим кризисом. Обратится к нам, к людям, которые в составе законодательных учреждений выделялись. И было решено, как нам отнестись к этому моменту. Поскольку мы беспомощны в этой подготовительной стадии, стоим в стороне, все наши предположения не приняты в расчет, остановить это движение мы не можем, а присоединиться не хотим. Но когда это все совершится, мы не можем оставаться в стороне.

И тут была некая ошибка, в которую впадали некоторые участники совещания, предполагая, что после того, как дикая стихийная анархия, улица, падет, после этого люди государственного опыта, государственного разума, вроде нас, будут призваны к власти. Очевидно, в воспоминание того, что здесь был [как бы] 1848 год: рабочие свалили, а потом какие-то разумные люди устроили власть. Так что тут был известный элемент иллюзии. Затем, другая возможность, что правительство, почувствовав свое опасное положение, прибегнет к нашей помощи, осуществляются 1905—1906 годы. Верховная власть имела в виду призвать кадетов к власти.

Базили. Этот факт мало освещен до сих пор.

(Несколько минут разговор, который просят не заносить в стенограмму.)

Гучков. Принятие на себя этой ответственности. Либо мы будем вынесены революционной волной наверх, либо [последует] призыв самой верховной власти. Мы, конечно, уклониться не можем, но мы отдаем себе отчет, что умиротворение стихии возможно лишь при одном условии, что тот, кто являлся главным ответственным лицом, т. е. государь, он должен уйти. С самого начала было ясно, что только ценой отречения государя возможно получить известные шансы успеха в создании новой власти. Притом тут были люди республикански настроенные, как кадеты, но вопрос о режиме никем не затрагивался, потому что в душе у каждого было решено, что строй должен остаться монархическим. О возможности замены монархии другим строем речи [и] потом не было, но отречение государя давало возможность укрепить строй.

...У Федорова оказался свод Основных законов. Нашли закон, который предусматривает отстранение носителя верховной власти, и нашли статью, говорящую о регентстве,

кто входит в состав регентства. То, что было вскоре осуществлено, оно было тогда ясно, отречение государя в пользу сына, а дальше по закону. У всех было ясно желание возможно меньше трясти основу.

Базили. Это было до произнесения Милюковым его речи⁴.

Гучков. После.

Базили. Милюков шел в то время напролом.

Гучков. Он не учитывал последствий, потому что у него страх или, вернее, боязнь, осознание всей опасности революционной вспышки, оно у него было крепкое. Он был сотрудником [сторонником. — А. С.] революционных актов, как и раньше. За время войны он понял, что это не момент.

Базили. Я одного только не понимаю, ведь речи Милюкова были одним из крупных факторов в революционизировании общественного мнения. Как он сам на это смотрел? Ведь, если он боялся взрыва, то с этим не вяжется характер его речи.

Гучков. Он потряс основы, но не думал свалить их, а думал повлиять. Он думал, что это прежде всего потрясет мораль там, наверху, и там осознают, что необходима смена людей. Борьба шла не за режим, а за исполнительную власть. Я убежден, что какая-нибудь комбинация с Кривошеиным, Игнатьевым, Сазоновым вполне удовлетворила бы. Я мало участвовал в этих прениях, не возражал, а только сказал одну фразу, которая послужила исходной нитью для некоторых дальнейших шагов и событий: мне кажется, мы ошибаемся, господа, когда предполагаем, что какие-то одни силы выполняют революционное действие, а какие-то другие силы будут призваны для создания новой власти. Я боюсь, что те, которые будут делать революцию, те станут во главе этой революции. Вот эта фраза, которая не означала призыва присоединиться к революции, а только указывала, что из этих двух возможностей, о которых мы говорили (возможность, так сказать, катастрофы власти под влиянием революционного напора [либо] призыва государственных элементов), я видел только вторую. Я был убежден, что, если свалится власть, улица и будет управлять, тогда произойдет провал власти, России, фронта.

Этих совещаний было два. Еще раз мы как-то собрались, а затем я был болен, лежал, и вдруг мне говорят, что приехал Некрасов, который никогда не бывал у меня. Приехал ко мне и говорит: из ваших слов о том, что призванным к делу создания власти может оказаться только тот,

кто участвует в революции, мне показалось, что у вас есть особая мысль... Тогда я ему сказал, что действительно обдумал этот вопрос, что допустить до развития анархии, до смены власти революционным порядком нельзя, что нужно ответственным государственным элементам взять эти задачи на себя, потому что иначе это очень плохо будет выполнено улицей и стихией. Я сказал, что обдумую вопрос о дворцовой революции — это единственное средство.

Среда, 9 ноября 1932 г.

Гучков. Из беседы с Некрасовым выяснилось, что и он пришел к той же точке зрения о полной невозможности нормальными путями добиться коренной перемены правительственного курса, о неизбежности насильственного переворота, [явился] страх, что выполнение этой задачи возьмут на себя слепые стихийные силы улицы, рабочие, солдаты, тыл, и отсюда определенное сознание, что эту задачу должны принять на себя спокойные государственные элементы. Мысль о терроре по отношению к носителю верховной власти даже не обсуждалась — настолько она считалась неприменимой в данном случае. Так как в дальнейшем предполагалось возведение на престол сына государя — наследника, с братом государя в качестве регента на время малолетства, то представлялось недопустимым заставить сына и брата присягнуть через лужу крови. Отсюда и родился замысел о дворцовом перевороте, в результате которого государь был бы вынужден подписать отречение с передачей престола законному наследнику. В этих пределах план очень быстро сложился. К этой группе двух инициаторов в ближайшие дни присоединился по соглашению с Некрасовым Михаил Иванович Терещенко, и таким образом образовалась та группа, которая взяла на себя выполнение этого плана. Это было почти одновременно с совещанием у Федорова.

Базили. Конец сентября, начало октября... Федоров не был в курсе.

Гучков. Он не был в курсе...

Базили. Это было после последнего совещания у Федорова; два, три дня спустя.

Гучков. Наша тройка приступила к детальной разработке этого плана. Представлялись три конкретные воз-

возможности. Первая — захват государя в Царском Селе или Петергофе. Этот план вызывал значительные затруднения. Если даже иметь на своей стороне какие-нибудь воинские части, расположенные в резиденции государя, то было несомненно, что им будет оказано вооруженное сопротивление, во всяком случае предстояло кровопролитие, которого хотелось избежать. Другая возможность была произвести эту операцию в Ставке, но это требовало если не прямого участия, то во всяком случае некоторого попустительства со стороны высших чинов командования. Не хотелось вводить этих лиц в состав заговора по многим причинам. Не только потому, что мы не были совсем уверены, найдем ли там сотрудников, но мы не хотели, чтобы эти лица, которые после переворота будут возглавлять русскую армию, чтобы они участвовали в самом перевороте.

Базили. По соображениям военным, патриотическим. Опасность раскола армии.

Гучков. Требовалось, чтобы лояльные элементы им подчинились... В этой комбинации — в Ставке — мы встречали те же сомнения. Части могли быть на стороне [правительства]. Значит, опять гражданская война в пределах фронта. Если б царубийство... но мы были против этого. Третья возможность — и на ней мы остановились — это захват царского поезда во время проезда из Петербурга в Ставку и обратно. Были изучены маршруты, выяснено, какие воинские части расположены вблизи этих путей, и остановились на некоторых железнодорожных участках по соседству с расположением соответствующих гвардейских кавалерийских частей в Новгородской губ., так называемых Аракчеевских казармах. Вот эта последняя комбинация нам представлялась технически более простой. Надо было найти единомышленников среди офицерского состава этих полков. Имелось в виду совсем не трогать солдат, а сосредоточиться только на том, чтобы получить единомышленников в самом офицерском составе. Мы крепко верили, что гвардейские офицеры, усвоившие отрицательное, критическое отношение к правительственной политике, к правительственной власти гораздо более болезненное и острое, чем в каких-нибудь армейских частях, мы думали, что среди них мы в состоянии будем найти единомышленников.

Базили. Тут соображения социального характера.

Гучков. В то время примкнул к нашему кружку ценный сотрудник в лице кн. Вяземского⁵ (не помню, как это случилось). Я с ним лично сблизился во время войны потому,

что он был уполномоченным одного санитарного отряда великого князя Николая Николаевича, отряда, сооруженного на средства Бегового Общества. С великолепным оборудованием, отличным составом. Отряд этот почти все время войны был мне подчинен, так что я знал этих людей, их работу первоклассную, наиболее трудную и опасную работу. Они сами рвались туда. Там был интересный человек, княгиня Волконская.

Базили. Я с Вяземским был дружен 10 лет.

Гучков. Несмотря на некоторые у него физические признаки вырождения, он сам духовно был чрезвычайно высок, большого душевного благородства, широкого понимания. Так что, очевидно, он через меня проник в этот кружок. Мы не раз говорили на эту тему раньше. Он сам пришел ко мне. У него интересна была регламентация того круга, к которому он принадлежал. Мы привилегированный класс, мы участвуем в правлении, пользуемся большими привилегиями, большими благами, поэтому на нас лежит сугубая обязанность в отношении России и данного строя, поэтому мы должны взять на себя выполнение тяжелых задач, очистить сам строй... Этой регламентации для него было совершенно достаточно, но у него была регламентация, вытекающая из этого мирозерцания, специально приуроченная для людей его класса. Им она говорила в случае крушения режима о дикой расправе стихийных масс. Кто прежде всего и больше всего потерпит? Мы. Поэтому если у вас не хватает побуждений патриотических, то [хотя бы] это должно заставить вас предотвратить катастрофу.

Как мне представляется картина. Всякие гомеопатические средства внутренние не принесли ничего. Оставалось одно: хирургическая операция в смысле революционного акта воздействия на государя, в смысле отречения. Надо было это сделать со всей политической антисептикой для того, чтобы это сразу не разрослось в гангрену. Это должны были сделать люди государственного ремесла, они этого не сделали. И пришел мясник, резанул даже не по тому месту, где нужно... Отсюда заражение крови, смертельная болезнь.

К нам присоединился Вяземский. Он был ценен тем, что не находился под наблюдением, как мы все; затем, в силу его общественного положения, семейных и других связей он был близок к гвардейским офицерским кругам. На него была возложена миссия завести те связи, которые могли бы выразить настроение офицества среди этих запасных частей, затем, может быть, привлечь к нашему заговору

каких-нибудь более высоких чинов, чем те офицеры запасных эскадронов, что были там. Мы высоко не шли — нам нужны были командиры полков из частей, которые на фронте, для того, чтобы эти командиры полков могли в порядке отпусков, командировок мало-помалу образовать группу единомышленников в этом деле.

Через некоторое время к нашей группе присоединился один тоже очень ценный сотрудник. Знаю, что он был ротмистром одного из гвардейских кавалерийских полков, не то Кавалергардского, не то Конного полка. Вяземский и этот ротмистр взялись нащупать настроение этих эскадронов и привлечь нужных участников, а затем Вяземский должен был проехать в тот район, где был гвардейский корпус, чтобы уже в самих полках, у которых был эскадрон запасный, выразить настроение.

Базили. В район Аракчеевских казарм, где стояли запасные части гвардейских кавалерийских полков...

Гучков. О некоторых успехах в этом направлении они нам докладывали, но все это были единичные присоединения и присоединения молодых, невысоких чинов. С одним из командиров гвардейских полков была беседа у Вяземского. Я его лучше не назову. Он играл некоторую роль в движении и был близок к монархическим кругам. Это важно только для характеристики настроения некоторых военных верхов по отношению к этому делу. Ему, в силу отношения Вяземского к нему, было раскрыто все, весь план, задача, способ осуществления. Он как порядочный, умный человек оценил все это правильно. Он был в большом отчаянии относительно всего, что совершалось и в стране и на фронте, он считал почти неизбежным положение развала власти, страны, фронта, со всеми последствиями. Он выразил большое свое сочувствие нашему плану, но одновременно наотрез отказался участвовать в его выполнении: то ли чувство тяжелой ответственности, страх кары, то ли просто известная лояльность (это было нарушение присяги) сказала. Чувствовалась атмосфера сочувствия и [встречался] отказ от прямого ответственного участия. Тем не менее работа шла, и еще один шаг должен был быть сделан... Терещенко был свободен. Был отряд, сооруженный его матерью, обслуживающий часть гвардейского корпуса, он должен был ехать туда, у него были знакомства среди офицеров. Командир полка мог мало-помалу подобрать людей.

Базили. Часть подготовки была на фронте.

Гучков. Ротмистр был в запасном эскадроне, он там ра-

ботал. Терещенко и Вяземский — на самом фронте, и быстрее можно было бы достигнуть, если бы кто-либо из командиров частей... Сам план рисовался таким образом. Значит, захват этой воинской частью фронтового поезда; затем, мы крепко верили, что нам удастся вынудить у государя отречение с назначением наследника в качестве преемника. Должны были быть заготовлены соответствующие манифесты, предполагалось все это выполнить в ночное время, наиболее удобное, и предполагалось, что утром вся Россия и армия узнают о двух актах, исходящих от самой верховной власти, — отречении и назначении наследника.

Базили. У вас не было сомнения, что Михаил согласится быть регентом?

Гучков. Это был бы указ государя. Незаконным было бы только моральное насилие, которое мы делали. Дальше вступал в силу закон.

Базили. Был бы Совет Регентства, в который назначались лица?

Гучков. Лица не намечались. Претензий на захват власти не было. Просто крепко верили, что новая власть, в основе которой лежал бы некоторый революционный акт, при образовании правительства была бы вынуждена считаться с иными элементами, чем старая власть. Поэтому у нас не было ни списка министерства, ни лиц совсем не намечалось, по крайней мере у меня не было. Имели ли в виду другие — не знаю, но мы были убеждены, что если бы даже эта новая власть строилась на старых бюрократических элементах, то среди бюрократии было много людей государственного понимания и вполне чистых в смысле общественном, так что составить хороший государственный и технически подготовленный и приемлемый для широкого общественного мнения кабинет можно было даже не прибегая к элементам общественным. Это были бы Кривошеин, Сазонов... Мы не хотели придать характер захвата какой-то кучкой, а пускай в порядке Основных законов образуется, но мы были убеждены, что [в правительстве] не могли иметь место ни Штюрмеры, ни Голицыны, ни Протопоповы...

Базили. Это был бы возврат к чистой бюрократии.

Гучков. Это была попытка не самим захватить власть, а очистить другим путь к власти. Я всегда относился весьма скептически к возможности создания у нас в России (по крайней мере в то время) общественного или парламентского кабинета, был не очень высокого мнения... не скажу — об уме, талантах, а о характере в смысле приня-

тия на себя ответственности, того гражданского мужества, которое должно быть в такой момент. Я этого не встречал. Я скорее встречал это у бюрократических элементов. Я осторожно относился к проведению на верхи элементов общественности; так, некоторые элементы ввести — это еще туда-сюда, но избави Бог образовать чисто общественный кабинет — ничего бы не вышло. У всех этих людей такой хвост обещаний, связей личных, что я опасался (особенно у людей, связанных с партиями). Меня очень подбадривала вот такая мысль. Мне казалось, что чувство презрения и гадливости, то чувство злобы, которое все больше нарастало по адресу верховной власти, все это было бы начисто смыто, разрушено тем, что в качестве носителя верховной власти появится мальчик, по отношению к которому ничего нельзя сказать дурного.

Базили. Меня очень интересует то, что вы говорите, потому что тот ход мыслей, который развернулся в Ставке перед отречением, он был параллелен вашему ходу мыслей.

Гучков. Скажем, Михаил человек чистый, хороший, но безвольный, под влиянием каким-то. Выйдет ли из него хороший государь? Вряд ли. Во всяком случае тот личный элемент, который так важен в монархическом строе, женский элемент, был неблагоприятен. Всякое другое лицо, которое своим удельным весом превышало всех остальных, — такого [лица] не было.

Базили. Николай Николаевич?

Гучков. Отношение к Николаю Николаевичу тоже было в целом ряде [пунктов] критическое, но личность маленького наследника должна была бы обезоружить всех. Отречение я считал актом несколько вынужденным, но все же вместе с тем полудобровольным, известной жертвой, которую государь приносит на благо отечества. В отношении к старой власти тоже [ожидалось] некоторое примирение, а носителем вновь созданной власти является маленький наследник, и я очень рассчитывал, что если не все разбушевавшиеся волны, то некоторые улягутся.

Базили. Симпатии к мальчику были бесспорны.

Гучков. Я до сих пор глубоко убежден: если бы удалось провести технически все это до конца, мы избегли бы всего последующего, но трудность заключалась именно в технике дела и в том, что не только в низших, но и в средних слоях военного командования, если даже встречалось понимание [происходящего], то не встречалось жгучего чувства долга, повелевающего, что нельзя остаться в стороне, надо взяться.

Базили. Энтузиазма...

Гучков. О Крымове я скажу. Терещенко был неправ, что он ставил Крымова в связь с этим делом. Крымов в этом не участвовал⁶. Относительно Крымова (я его знал по японской войне) можно сказать: очень сильный, волевой, с большим талантом, большим политическим умом, с пониманием положения и чувством ответственности за себя, своих людей. Если бы он командовал конногвардейской частью, которая могла бы технически быть использована для нашей задачи, то я не сомневаюсь, что он бы к нашему заговору примкнул. Но он просто технически не мог быть нами использован потому, что он в то время командовал сводной казачьей дивизией на Юго-Западном фронте. Я его хорошо знал. Когда он бывал в Петербурге, мы с ним беседовали, и я видел, что он сам полон жгучей тревоги за исход войны, и за состояние страны, и за исход всего русского дела. Капитаном Генерального штаба Крымов в штабе 3-го армейского корпуса был блестящим помощником у Иванова, играл большую роль в действиях корпуса, в создании славы этого корпуса. После Японской войны он пережил разруху нашей армии. Воспоминанием о демобилизованной армии, идущей оттуда, он был полон до последнего момента. Вот что он говорил: избави Бог нас еще войну. Может быть, [ее] мы как-нибудь выдержим при этом гнилом порядке, но вот когда демобилизация... Он говорил, что оздоровления надо добиться во время войны, потому что как только мы дойдем до демобилизации, то все падет.

Я лично его в наши планы не посвящал, просто потому, что я не хотел, чтобы в случае раскрытия заговора были скомпрометированы лишние люди, но я думаю, что он был больше в курсе дела, чем я хотел, потому что с ним был близок Терещенко, он обслуживал один отряд. Терещенко был плохой заговорщик. Мое правило было вводить в заговор необходимый минимум, так что я склонен думать, что он знал, но отрицаю, что он участвовал. В сущности, на этом весь заговор кончился, потому что эта поездка Терещенко на фронт — он должен был ехать туда — это обсуждалось, в половине февраля, и все это стряслось...

Базили. Если бы не было революции, это могло разыграться весной, в марте, апреле. События обогнали нас. Конечно, довольно большой период времени нужен для того, чтобы это все скомбинировать.

Гучков. Желая выяснить, готовы ли мы были на какой-нибудь кровопролитный акт, меня кто-то спрашивал: а если бы государь не согласился, если бы он отказался подписать,

что бы вы предприняли? Просто мы этого вопроса не обсуждали, просто мы были крепко убеждены. (Предпринимая какой-нибудь акт, надо крепко верить, что цель должна быть выполнена и что средства приведут к цели.) Я отвечал: нас, вероятно, арестовали бы, потому что, если бы он отказался, нас, вероятно, повесили бы. Я был настолько убежден в этом средстве спасения России, династии, что готов был спокойно судьбу поставить на карту и, если я говорил, что был монархистом и остался монархистом и умру монархистом, то должен сказать, что никогда за все время моей политической деятельности у меня не было сознания, что я совершаю столь необходимый для монархии шаг, как в тот момент, когда я хотел оздоровить монархию.

Вы знаете, как после III Думы, когда были выборы в IV Думу под сильнейшим давлением администрации, тогда была выбрана Дума со значительным уклоном вправо. Я был забаллотирован, потому что там было соединение правых элементов и кадетских и социалистических элементов при участии местной администрации, которой были даны указания из Петербурга. Соединились правые, левые и самая администрация, поскольку она могла влиять против меня, так что я в IV Думу не был избран, а попал потом во время войны в Государственный совет. Тогда у нас, как полагается перед сессией, был партийный съезд в Петербурге за несколько дней до открытия Государственной думы. Там мне пришлось говорить речь, где я пытался подвести итоги той работе, которая была совершена за 4 года, и [оценить] те перспективы и задачи, которые открывались перед IV Думой. Речь была довольно меланхолическая, потому что мы вынуждены были признать, что не сделали того что должны были сделать, и потому что та обстановка, в которой начинала работы IV Дума, обещала меньше результатов по сравнению с III Думой. Я говорил о положении в котором находится наша октябристская партия.

Я говорил: «Легко нашим радикальным или социалистическим элементам в их борьбе с существующим строем потому что они штурмуют его целиком, и темные стороны, и злоупотребления, и самая основы строя подвергаются критике и нападкам, а трагическое положение таких партий, как наша, которую я назвал либерально-консервативной, консервативной потому, что она стояла на исторических основах, и была либеральной потому, что она пыталась, исходя из этих основ, вести к широким реформам которые должны были обновить русскую жизнь. И я говорю даль-

нейшее положение социальное наше, где нам приходится бороться за монархию и против монархии, за армию и против ее военачальников (я имею в виду Сухомлинова) и за церковь и против иерархов (Питирим)...»

Базили. Кто был председателем Совета министров?

Гучков. Коковцов. И вот в данном случае пришлось спасти монархический строй, надо было быть лояльными монархическому строю. Многие вполне патриотические люди не сумели вовремя изменить одной лояльности, чтобы осуществить вторую, высшую лояльность. Тем, собственно, и кончился заговор, разве только маленький эпизод.

Произошел переворот, я объезжал разные фронты; был во Пскове у генерала Рузского. Он задал некоторые вопросы, я отвечал — о тех мерах, которые мы предпринимали для того, чтобы предотвратить стихийную революцию. И он мне тогда сказал: ах, Александр Иванович, что же вы раньше мне этого не сказали, я бы стал на вашу сторону. Я Рузского ценил как умного генерала, одного из более способных, но я не верил в чистоту его характера и его жергвенный патриотизм. Я может быть не сказал, но подумал: голубчик, если бы я раскрыл план, то ты нажал бы кнопку, пришел бы адъютант и ты сказал бы — арестовать.

Базили. Ведь Рузский был совсем другого направления до революции. Он карьеру делал на дворцовых связях, не страшился даже таких отношений, как с Распутиным. В этом отношении он шел до крайнего уничтожения.

Гучков. Во время самого отречения он вот какую роль играл. Он присутствовал при беседе Шульгина и моей с государем.. [я тогда говорил]: вспыхнул бунт уличный, солдаты, тыл, рабочие. гут, казалось бы, надо подавить это движение. а потом выдвинуть те реформы и меры, которые диктует потребность. Я думаю, что нет сил, которыми можно это движение подавить сейчас. Я убежден, что на фронте есть очень много вполне, казалось бы, надежных и лояльных воинских частей — пока они на фронте, но если вы их двинете по направлению к Петербургу, если попадут в их среду агитаторы, они разложатся. Выйдя отсюда лояльными, они придут туда революционизированными. Я просто как-то чувствовал, что просто так, военными, полицейскими силами нельзя было подавить. Я увидел, что дрогнули и революционизировались самые надежные устои существующего строя, вроде конвоя. Это произвело на меня сильное впечатление. Поэтому, я думал, пришлют с фронта, а в Гатчину пришли — разложились. Доказывать это очень трудно. Меня в этом отношении Рузский поддер-

жал, он говорил: «Ваше Императорское Величество, я должен подтвердить то, что сказал А. И.: нет такой части, которая была бы настолько надежна, чтобы я мог послать ее в Петербург».

Базили. Я на эту тему с Ивановым говорил в его вагоне.

Гучков. Другое дело, какая была обстановка в военных кругах. После того, как мы кончили беседу. Я боялся, что будет провозглашено низложение [власти царя] Советом солдатских депутатов, и тогда вопрос [кого] «признавать», будет предоставлен отдельным воинским частям. Мне хотелось поторопиться сохранить нить [преемственности]. Рузский меня и Шульгина позвал в вагон, был ген. Савич, очень толковый человек, бывший командир корпуса жандармов. Я помню, меня тогда возмутило безудержное ликование Савича, что все кончено. У нас было глубокое чувство всего трагизма, а у него: ах, слава Богу, кончено это все.

Базили. Это вопрос, который постоянно мне ставят иностранцы, которые интересуются, как это могло случиться, не нашлось ни одного человека, который сделал бы шаг для спасения старой монархии. Это непонятно для чуждых этой обстановке лиц. В этом отношении интересно дать меру того полного отвращения, отчуждения, которое создалось в России по отношению не к монархии, не к режиму, а к тем лицам, которые были воплощением этого режима в этот период.

Гучков. Материал, с которым приходится иметь дело, чрезвычайно разнообразен. Прямые выводы невозможны, надо чутьем действовать. Какие-то флюиды действуют в числе тех элементов, которые подействовали на созданиис этой оценки положения — безнадежности для этого строя отстоять себя, бороться за себя, отсутствие у него таких убежденных крепко, фанатически сторонников. Это у меня сложилось отчасти под влиянием одного эпизода. 1910 год, как будто все благополучно. Столыпин у власти, за несколько месяцев до его убийства. Приезжает в Петербург, как это обычно бывает, депутация от одного из казачьих войск — Кубанского казачьего войска. Они приезжают представляются государю, привозят какие-нибудь подарки. Очень почтенные всегда люди, атаманы округов, пожилые люди. Они начинали свой обход с того, что представлялись государю, военному министру, высоким чинам, а затем ходили по тем министерствам, в которых их дела делались. Заходили они и ко мне, потому что я был председателем

Комиссии государственной обороны, а через эту комиссию все казачьи дела, не только военные, но и гражданские ведались, Главному управлению казачьих войск разные асигнования шли от нас. На этот раз тоже пришли ко мне. «Ну что, были у государя?» — «Были»... Никакой каверзы не было в моем вопросе.

Я в свои молодые годы московского житья помнил, что казаки считаются оплотом существующего строя, когда надо какую-нибудь толпу или демонстрацию разогнать. А когда я теперь в Государственной думе соприкоснулся с казаками, я увидел, что они революционизировались до последней степени. Мы были слишком умеренная партия, они все сидели у кадетов, либо у прогрессистов — это меня поражало. А затем, когда я познакомился с казачьими делами, я увидел, что этому есть основания. Отношение к казачьим вольностям, к казачьим интересам в Петербурге было своекорыстное, жесткое. Казачьи области считались местами для кормления, это было местом назначения людей угодных. Плохое управление казачьими областями и казачьими интересами вызывало там недовольство и революционные настроения. У них требования были более высокие, чем у основного населения.

Базили. И даже известное материальное благополучие, независимость...

Гучков. Я спрашиваю: «Как сошло?» Жмутся. Потом один говорит: «Ах, Александр Иванович, лучше было бы и не рассказывать. Знаете, сошло так, что хуже и не может быть. Нас там выстроили. Вышел государь; один из нас произнес слово. Затем государь обошел всех нас, поздоровался и каждого из нас спросил, какой он станицы, а потом поклонился и ушел». Все-таки приехали они за тысячи верст не только представиться, но у них разные нужды, просьбы, надо было показать им человеческое участие. Их особенно возмутил вопрос — «какой станицы» — другими словами — убирайся, ты мне надоел. Потом [спрашиваю:] «Были у военного министра?» — «Были». Смеются. «Это еще вышло хуже. Сухомлинов спросил каждого из нас, какой станицы и сколько в станице жителей». Он даже мозгами не повернул, чтобы казачьи интересы затронуть и пообещать — я генералу такому-то сообщу. Я в это время старался строить мосты от старой России к новой, и, думаю, так нельзя, таких людей нельзя назад отсылать. Это же ведь хуже, чем эсэровские агитаторы, а почтенные люди — атаманы. Спросят [их в станицах]: как наши вопросы? Они скажут. Нельзя допускать. Я сказал: «Были ли

вы у Столыпина?» — «Нет». — «Я вам устрою». Пошел. Как раз П. А. оказался в кабинете. Я говорю: «К вам просьба, приехала одна казачья депутация, собирается скоро назад, она представлялась государю и военному министру. Они в таком настроении, что в таком виде их отпускать домой нельзя. Примите их, ублажайте их как умеете, и тогда пускай они едут...» Он говорит: «Может быть, государь был очень занят?» — «Не знаю». — «Они у меня не очень много времени отнимут? Хорошо, завтра в таком-то часу пускай ко мне придут». Я с ним простился, а они были у Столыпина и сочли долгом ко мне зайти. Я спрашиваю их. «Ну, это совсем другой человек. Он нас посадил, сам спросил, по каким делам приехали, какой был урожай, затем казачьи вопросы. Словом, показал некоторый интерес».

Зная П. А., я убежден, что он им ничего не обещал, он скорее сделает это, но наперед не скажет. Просто показал человеческий интерес — это совсем другое. Вот главное, к чему я веду. В конце этой беседы с казаками один из них мне и говорит: «После приема у государя нас наши станичники [из его охраны] позвали домой. Такой пир устроили, ну и чего я там не наслышался. Эх, Александр Иванович, ежели на них полагаться — ошибиться могут. Это конвойцы — в красном бешмете стоят у дверей гостиных, делают глупые лица, что ничего не видят. Они возвращаются из казарм, служба легкая, языки начинают плести, разговоры начинаются, Распутинщина...» У ближайших слуг виделось брезгливое, пренебрежительное отношение. В этих кругах конвойских больше знали и более болезненно переживали... и когда во второй или первый день революции, еще до отречения государя, я захожу в комнату думского ... [одно слово не расшифровано] Родзянко, Энгельгардт; докладывают, что пришла депутация из Петергофа и хотят видеть нас. Мы видим человек 25 конвоя Е. И. В., затем несколько чинов Сводно-гвардейского полка, подобранные один к другому, представители петербургской дворцовой полиции и чины 1-го ж.-д. батальона. Они говорят, что уполномочены заявить, что они передаются в распоряжение новой власти. Они выработали такую формулу: «Мы только просим разрешения, чтобы нам предоставили охранять тех лиц, имущество которых нам вверено». Когда они это говорили, я вспомнил сцену 1910 года. Поэтому я быстро поверил в неизбежность крушения — не потому что революция сильна. Если бы хорошие части, они могли бы расчехловаться...

Я пытался связать себя с некоторыми лицами, которые могли бы стать проводниками известных мыслей и сведений на самые верхи, вплоть до государя. Между прочим я все-таки же очень верил в патриотизм и порядочность великого князя Николая Николаевича и в его мужество, тем более что на нем ответственность лежала. Поэтому я очень дорожил, чтобы он знал, что я знаю и чего он мог не знать.

Базили. До 1916 года.

Гучков. Да. Вышло случайно, что один человек, который в добрых отношениях был с одним из Лейхтенбергских, он моим почитателем был, он этого принца убедил, что ему полезно было бы иметь свидание время от времени со мной. Мы часто с ним видались. Это все было сделано под покровом тайны. Произошел такой эпизод за несколько месяцев, какая-то волна забастовочная прошла по петербургским заводам, особенно заводам, работающим на оборону. Разумеется, требования были выставлены экономические. Чувствовалась тут какая-то посторонняя рука — уже политическая агитация. Местные власти и правительство в Петербурге, видимо, правильно учли, что большой надежды на петербургский гарнизон для подавления таких движений нет, и тогда было решено некоторые воинские части привести с фронта, и был дан приказ некоторым гвардейским полкам прислать по роте или по две в Петербург под предлогом отдыха. Должны были быть приведены люди с фронта. Им было указано, для какой цели это делается.

Вот эти роты, так передавали: офицеры (среди них герцог был очень популярен) приходили к нему взволнованные, со слезами на глазах, говорили: «Мы знаем, из-за чего нас сюда прислали, мы не можем дать приказ стрелять в народ — это не сражение». Это офицеры хороших полков, проделавшие большую войну. Они так были проникнуты отрицательной оценкой строя, считали, что для революционного движения есть основание. «Мы не можем стрелять». И тогда я государю говорил: «Нет тут воинских частей». И я убежден, что был прав, и Рузский меня поддержал.

Базили. Вы только что затронули вопрос, что чувствовалась посторонняя рука в этих забастовках 1915 года. Этот вопрос тесно связан с вопросом о том, как вообще взорвалась улица. Революцию сделали социалистические круги. Буржуазные партии в России, главным образом кадеты, расшатали престиж власти, но они в революции не ответственные, и совершенно правы большевики, когда говорят, что революцию с самого начала сделали они. Для нас, конечно, эта работа была не видна. Но вот, А. И., вы были

близки к военной промышленности и вообще к городской промышленности. Когда для вас стало ясно, что это движение проникает и разрастается, все больше идет и вглубь? Первое впечатление у меня в этом смысле было летом 1916 года. Я уехал на короткий отпуск на юг, где у меня было имущество в разных местах, видел очень много народа и вернулся оттуда совершенно пораженный тем, что мне там рассказывали о распропагандировании масс уже социалистическими партиями. Я тогда об этом рассказал Алексею. Думаю, что у него были другие сведения из других источников, потому что особого удивления мой рассказ в нем не вызвал. Мы теперь приходим к пункту об опасности левых, отграничении от них... Когда у вас эта опасность левых партий, угроза, ясно встала перед глазами?

Гучков. Я тоже летом и осенью 1916 г. стал ощущать эту нарастающую опасность в настроениях городского населения и рабочих. Может быть, я был мало осведомлен, но я не столько приписывал это искусной работе социалистов (я не отрицаю ее наличности), сколько общему падению престижа власти. Я считал, что наибольшее влияние на массы имеет не прямая социалистическая агитация, а поведение верховной власти. Мне казалось, что помимо социалистов и их агитации, разрыхляется та почва, на которой они могут посеять свои посевы.

Базили. Говоря об агитации, приходит мысль: на какие средства велась агитация?

Гучков. В этом отношении есть рассказ, он, кажется, проник и в печать, это рассказ Хатисова⁷, бывшего городского головы гор. Тифлиса, один из выдающихся городских деятелей военного времени, затем был главой армянского правительства. Здесь он глава армянской делегации. Это в связи с настроением, господствующим в отношении дворцового заговора, и эпизод о том, что сами социалисты не предполагали, что они так близки к успеху. Хатисов едет из Тифлиса в Москву, а потом в Петербург, потому что в Москве шел съезд деятелей Земского и Гор. Союзов — это декабрь 1916 года. Он едет из Петербурга в Москву. Член Государственной думы, глава социал-демократической партии Чхеидзе, который впоследствии играл большую роль, видит Хатисова и говорит ему: «В Петербурге вы увидите некоторых из наших социал-демократов. (Хатисов человек умеренных взглядов, но, как армянин, он был связан с Дашнакцутюн и был в добрых отношениях со всеми, которые могут быть использованы для политических и общественных дел, он был близок со всеми заместителями, с Воронцо-

вым-Дашковым, получил большое доверие со стороны великого князя Николая Николаевича, когда тот был на Кавказе, и с дашнаками, и с Чхеидзе.) Вы увидите некоторых из наших эсдеков, скажите им, никаких надежд в ближайшее время на какую-нибудь удачную революционную вспышку нет. Я знаю, что полиция пытается инсценировать такие вспышки, вызвать наших людей на улицу для того, чтобы подавить. Скажите там, чтобы остерегались таких провокаций и не допускали». О положении в России, об общем положении, что нет шансов на успех какого-нибудь движения.

Базили. Другими словами, Чхеидзе говорит через него своим коллегам: «В Петербурге никакой возможности нет делать какое-нибудь революционное выступление». Иными словами, Чхеидзе не верил.

Гучков. Но самое любопытное в рассказе Хатисова заключается в следующем: он в Москве, на этом съезде. Среди заседания съезд (так как он выходит из рамок) закрывается, по распоряжению из Петербурга, московской администрацией. Съезд переходит в подполье. Между прочим [собирается] совещание у князя Львова, и там Хатисову кн. Львов излагает план переворота, тоже дворцового, но у них план использовать широкую популярность и патриотизм великого князя Николая Николаевича и убедить, чтобы во главе этого движения встал сам Николай Николаевич. Хатисову Львов в составе очень маленького кружка об этом говорит и поручает ему осведомить великого князя по возвращении в Тифлис, причем рисуется и дальнейшая картина: великий князь должен сделать этот переворот.

Базили. Он поддержал бы кого-нибудь другого.

Гучков. Больше дефектов в этом плане, чем в военном. Мы хотели правильную преемственность.

Базили. Этот план был бы осуществим, если бы у Николая Николаевича была бы другая психология.

Гучков. Неправильная ставка на человека и неправильная постановка всего. Великий князь, сам садящийся на трон... Мы в стороне, мы делаем революционный акт. Затем, говорится дальше, Львов ему сказал, что предполагается образование правительства при великом князе, что Львов входит в состав и я вхожу. Без меня меня женили. Они меня считают, как будто я вошел в состав группы. Хатисов возвращается в Тифлис. Он приезжает туда к годовому приему у великого князя во дворце наместника. Великий князь говорит ему: «Я хотел вас попросить, чтобы вы зашли ко мне. Расскажите, что делается в Петербурге».

Хатисов ему рассказывает, что делается в Петербурге, а затем ему все это излагает. Великий князь внимательно выслушивает. Не делает жеста нажать кнопку, а говорит: «Ну, вот что, я прошу вас прийти завтра, я обдумаю, мы поговорим». Хатисов подходит на другой день, его князь принимает не один, а с великой княгиней и начальником штаба Янушкевичем, просит повторить, что говорил накануне; представляет его великой княгине, которая скорее сочувствует этому, и Янушкевичу, который не высказывает своего сочувствия или несочувствия, а высказывает свой скептицизм (по вопросу, последует ли армия и ее вожди, может быть, это вызовет мятеж на фронте) — только с точки зрения техники успеха.

Так кончился этот эпизод. Ничего не вышло. Затем революция. Великий князь спешно вызывает к себе Хатисова и говорит: «Вот какие сведения получены из Петербурга», и просит его, чтобы он ему помог утихомирить те общественные элементы, которые могут подняться, вызвать беспорядки, и говорит: «Вот теперь я согласен был бы», и поручает Хатисову вместе с кем-то из высоких чинов тифлиского штаба объехать казармы, там объявить, что произошло в Петербурге и о том, что великий князь на стороне нового порядка. Это все до его назначения Верховным главнокомандующим — уже в разгар событий. Видите, даже он — во главе очень крепкой армии, старший представитель династии — как-никак не почувствовал ни решимости, ни моральной силы противодействовать петербургским событиям. Насколько [ненадежны были] те устои, на которых строилась старая власть...

Базили. Интересно было бы повидать Хатисова. Вы с Ник[олаем Николаевичем] никогда не были в близких отношениях?

Гучков. Я его видел только на Кавказе, когда я там был. Я знал, как ко мне относятся там. Я не хотел ставить его в положение, [вынуждающее] отказать мне, и в то же время не хотел компрометировать и знал, что его подозревали, что он претендент и вдруг он будет снюхиваться с революционными элементами.

Базили. Я очень внимательно прочитываю письма императрицы, и она там высказывает подозрения относительно ваших отношений с ним.

Гучков. Мое первое соприкосновение с ним было в Тифлисе. Я получил лично от него большое впечатление благородства.

Базили. Тут мы подходим к теме, каким образом у

императрицы сделалось такое определенное отношение к вам, как к величайшему противнику династии; когда у вас совершенно этого не было. Вы были для нее каким-то пугалом.

Гучков. Я на войне японской был помощником Главноуполномоченного Красного Креста при Маньчжурской армии и вместе с тем я был уполномоченным гор. Москвы, который большие средства отпускал, и Уполномоченным Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны, который также очень много делал. С великой княгиней у меня была корреспонденция, шифр, я ей писал о нуждах Красного Креста, о нуждах санитарных и время от времени ее осведомлял о положении там. Очевидно, эти письма показывали государыне.

Базили. Это был период хороших отношений...

Гучков. И вот я этим объясняю. Предчувствуя, что на фронте наступает очень продолжительный застой, я решил поехать в Москву, чтобы осведомиться, что там делается. В Москве секретарь Думы Астров мне говорит: «Городская Дума выбрала вас одним из своих делегатов, которых она посылает на съезд городских и земских деятелей». Там я увидел нарастание революционных настроений в земской среде; там произошел окончательный откол таких элементов, как Стахович, Гейден и Шипов: умеренный либеральный центр, мы отмежевались от революционно настроенных элементов. Уже Милюков играл роль, Родичев, Петрункевич, бр. Долгорукие, Челноков. Мы там разошлись и скрестили шпаги. В Петербурге учили, что там какой-то зарождается государственный умеренный элемент, которым стоит заинтересоваться.

Вопрос о польский автономии возник. Я выступил против, указывая, что мы должны сделать уравнивание в правах, значит, и городские учреждения. Я был против политической автономии только потому, что это был зародыш для сепаратизма. Я знал, что заинтересованность политическая была у верхов и не отвечала настроению польских масс. Это особенно меня, как какую-то силу, противоборствующую революционным течениям, отметило. Я получаю из Петербурга письмо, что меня вызывают к государю. (Это май 1905 года.) Это был тот съезд, который постановил послать депутацию к государю. Я был на этом съезде. Там был польский вопрос, снятие всех ограничений. Закончился съезд постановлением о посылке государю депутации. Я в эту депутацию не попал, потому что я был правый, а депутация была левее. Меня тогда вызвали в Петербург. Я это

приписываю тому, что великая княгиня обо мне писала.

Я был у государя в Петергофе — государь, государыня и я. Два с половиной часа вечером просидели. Государь спрашивал про Маньчжурию. Я говорил о Красном Кресте и об общем положении. О том, что армия плохо поддержана Петербургом в смысле снабжения, удовлетворения всяких требований Главнокомандующего — это я знал от Куропаткина. Я государю говорил, что ежели так дело пойдет, то там кончится поражением, но из этого не надо делать вывода, что нужно делать мир, потому что заключать мир при таких тяжелых условиях — это отразится на общем нашем внутреннем положении. Такого нашего унижения не только революционные, но и патриотические круги не простят. Поэтому, говорю, несмотря на все плохие условия, я считаю, что надо войну продолжать, но при одном условии — изменить всю обстановку внутри страны и этим воздействовать на настроение армии. Я только что с Земского и Городского съезда — очень революционное настроение.

Это настроение расплзается по всей стране. Мне кажется, что Вашему Величеству надо сделать шаг. Созовите Земский Собор. Не теряйте времени, не утруждайте себя выработкой какого-нибудь сложного избирательного закона. Возьмите закон, который существует. У всех групп есть известное представительство — у дворянства, городского населения и крестьянства, есть свое самоуправление, возможно скомбинировать. Созовите Земской Собор. Если вы лично явитесь туда, скажете слова, которые должны быть сказаны, что в прошлом были известные ошибки, что это не повторится, но скажете, что сейчас не момент давать реформы, что надо довести войну до конца, я убежден, В. И. В., что вам ответят взрывом энтузиазма, и что этот энтузиазм передастся в армию и это почувствует и наш противник — японцы. Японцы находятся в тяжелых условиях. В то время, когда силы их приходят к истощению, они чувствуют, что у их противника другое, и тогда не мы, а они будут искать мира. В. И. Величество — это последний шаг. Он очень внимательно слушал, говорил: «Вы правы».

Государыня задала несколько вопросов, не политических. Затем, когда он прощался со мной, я говорю: «В. И. Величество, имейте в виду, сейчас наступил последний момент, когда вы можете таким шагом умиротворить страну». Когда я уезжал из Москвы, на этом съезде был выработан вопрос о депутатии. И говорю: «Имейте в виду, что это [решение] принято против крайних элементов, потому что те избегают найти общий язык или примирение с истори-

ческой верховной властью. Очень ждут, что вы откажетесь принять эту депутацию».

Базили. Крайний левый был кто?

Гучков. Сама депутация была государственного характера. От Петербурга кадеты были: Федоров, Гейден, Шипов, кн. Трубецкой. Несмотря на левизну съезда, они послали туда приличных людей. Помнится, что тогда Трубецкой произнес благородную и красивую речь. Я государю все это сказал. Кроме того, я видел там Трепова Д. Ф., который был московским градоначальником. В это время он был генерал-губернатором петербургским и товарищем министра внутр. дел. Мы с ним были в добрых отношениях по Москве. Я его убеждал, чтобы он убедил государя, чтобы депутация была принята. Это была моя первая встреча с государем. На другой день было некоторое разочарование. Я получаю записку от московского городского головы Рукавишникова⁸, он был очень хороший общественный деятель, очень консервативного образа мыслей. Этот Рукавишников пользовался большим доверием со стороны великой княгини Елизаветы Федоровны и великого князя Сергея Александровича, которые ему верили, любили и составили блестящую репутацию в глазах государя и сестры.

Через день или два после свидания с государем получаю записку от Рукавишникова, он пишет: «Зайдите ко мне». Я пошел к нему. Он мне говорит: «Меня вызвали под предлогом разговора об эвакуации больных и раненых, потому что Москва считалась распределительным центром, но я убежден, что государь этим пользуется для того, чтобы со мной беседовать на другие темы. Я знаю, что вы были у государя, расскажите». Я ему рассказал все. Он был совершенно противоположного мнения. Он считал, что положение такое отчаянное и революционное движение в стране столь грозно, что ~~продолжать~~ войну — это значит вести страну к гибели. Он стоял какой угодно ценой за мир, а против моей мысли о созыве Земского Собора он возражал, исходя из того, что это может стать зерном для развития дальнейшего революционного движения. Я его просил, чтобы он меня тоже осведомил. Он был у государя, говорил против того, что я говорил. Тогда я спросил: «Государь что говорил?» Он улыбнулся, не то горько, не то иронически. Что же государь... Он сказал: «Вы совершенно правы. Так нужно поступить»

11 ноября 1932 г.

Базили. Вы описывали, как начались ваши отношения с Николаем II.

Гучков. Это была моя первая встреча — июнь 1905 года. Затем в Москве продолжают эти съезды земские и городские, которые становятся все более и более бурными. Затем выработана в Петергофе на совещании под председательством Николая II так называемая Булыгинская конституция, которая предоставляет законодательным учреждениям роль совещательную на земских съездах. Это не вызывает никакого удовлетворения и успокоения, и революционная волна идет все выше и выше. Я пытаюсь убедить, что все уже достигнуто, но голоса благоразумия не принимаются во внимание, требования растут. Это было в августе — Булыгинская конституция. Декабрьское восстание в Москве — это 1905 год... Мы хронологию потом тоже установим. Затем смена министерства — Витте призван. Под влиянием роста революционного движения по настоянию кн. А. Д. Оболенского⁹, который играл большую роль, Витте убеждает государя сделать какую-то общественную манифестацию, которая свидетельствовала бы о том, что верховная власть решила идти на широкие реформы. Появляется манифест 17 окт[ября], и затем начинается выполнение этого манифеста; составлен проект избирательного закона и проект положения Государственной думы и Государственного совета. В самом конце ноября — начале декабря 1905 г. в Петергофе созывается совещание для обсуждения того проекта избирательного закона, который выработан был министерством. Совещание это под председательством государя состоит из Совета министров, некоторых членов Государственного совета, специально приглашенных, и туда же приглашены четыре со стороны независимых общественных деятелей: Шипов — председатель губ. управы московской, бар. Корф — от Петербургского земства, граф Владимир Алексеевич Бобринский и я.

Базили. Было в Петергофском дворце?

Гучков. Да. В Большом дворце. Это была моя вторая встреча с государем. Она не имела никакого значения. Меня просто представили ему. Он несколько слов ласковых сказал. Мы считались как бы экспертами, приглашенными дать свои показания. Вот эти четыре лица, которые там были, они по одному вопросу, основному — должно ли быть положено в основание закона представительство про-

фессиональное или национальное — разделились на две группы. Бар. Корф и Бобринский стояли за представительство профессий, исходя из того, что эти выборы дают возможность избирателям более сознательно выбрать своих представителей: они выбирают людей своей группы. Шипов и я, мы стояли за общее представительство. Технически, может, те были правы, но мы считали, что дело касалось известного умиротворения, сословное же представительство могло бы вызвать большие брожения и протест оппозиции. Потом, в этом вопросе большую роль играет не дозирование представительства групп, а какое количество голосов вы тем и другим группам дадите.

Базили. Это решение не удовлетворило бы левых?

Гучков. Мы с Шиповым, не предрешая вопроса о всеобщем избирательном праве, допускали известные преимущества, которые были бы даны тем и другим избирателям. Мы предполагали, что известный ценз должен быть. В требованиях не доходили до всеобщего избирательного права, а допускали известные цензовые ограничения.

Одну любопытную черту надо отметить. Тогда мы были приглашены в Петербург на три совещания. Остановились мы все четверо в одной и той же гостинице «Франция» на Морской, и Шипов и я; мы получили записку от графа Витте, приглашающую нас к нему зайти вечером накануне совещания. Он тогда жил в Зимнем дворце, в одном из флигелей. Очевидно, он знал заранее, как у нас распределены течения. Шипова вместе со мной позвал и спросил, какие у нас основные взгляды? Мы ему изложили. Он сказал, что разделяет наши взгляды, не обещал их поддерживать, но я помню, в виде аргументации он дал такой совет: «В числе аргументов, которые вы будете приводить, вы не указывайте на то, что манифест 17 октября уже предрешает введение конституционного образа правления в России и что этот манифест уже связывает верховную власть, как что-то уже сделанное». Значит он уже в то время заметил, что у государя было некоторое колебание.

Когда мы возвращались от Витте поздно вечером домой, по дороге мы встретили бар. Корфа и графа Бобринского, которые тоже получили приглашение к Витте — позднее, чем мы. Мы условились, что поделимся нашими впечатлениями. Они рассказали нам, что Витте то же самое с ними говорил, что и с нами. Он не возражал против их схемы и тоже дал ряд советов, как они должны себя вести. Отсюда я заключаю, что сам Витте не выработал в то время для самого себя определенного взгляда на этот важнейший во-

прос.

На другой день было совещание, и меня тронула одна черта, которая очень характеризует Бобринского, человека искреннего. Мы говорили в таком порядке: сперва Шипову было предоставлено слово, потом я говорил, горячо, убежденно. Поэтому когда после меня Бобринскому было предоставлено слово, то он взволнованно сказал, что пришел на это совещание вот с какими мыслями, но моя речь, мои доводы его совершенно поколебали и он думает, что действительно следует стать на эту позицию. Я указывал на то, что неравенство, классовые деления вызывают всеобщее осуждение, и если мы эти остатки прошлого закрепим, предоставим представительство этим классам, то не будет удовлетворения, которого жаждет нация; что акт великой справедливости должен совершиться, и только тем путем, что [избирательное право] предоставляется всем без различия языков и сословий.

Базили. Этот проект и был введен в силу, который вышел из этого Совещания?

Гучков. Он и был введен. При самом обсуждении мы [до конца] не присутствовали. После нас было предоставлено слово кое-кому из остальных (или: основных — не расслышала. — *Прим. стеногр.*) участников. Я помню только речь Дурново Петра Николаевича. Он тогда был членом Государственного совета. Он возражал против самой идеи народного представительства. Очень умно, резко говорил, предостерегал против этого строя, находя, что он — как ни строить сам избирательный закон — будет большой фальсификацией народного и общественного настроения: предполагается, что народ, а на самом деле это разные самозванные вожаки — учительницы, фельдшера. Об этом революционном третьем элементе.

Базили. Возьмет народ в опеку...

Гучков. И угрожал всякими бедами, если власть станет на этот путь. Что будет с народом в руках революционных элементов? Тут его старый опыт бывшего министра внутренних дел сказался, потому что донесения Департамента полиции свидетельствовали о сильном революционизировании этих кругов. Но в прочих выступлениях я чувствовал большое колебание. Когда после одной или двух речей членов Государственного совета государь объявил перерыв и позвал нас завтракать, то подошел ко мне граф Алексей Игнатьев, который был киевским генерал-губернатором, член Государственного совета. Он говорил, что тоже очень колебался, но моя речь его убедила. Ему показалось, что

можно на этих началах построить наши новые представительные учреждения по типу старых земских соборов, и так как вся семья Игнатьевых со славянофильскими традициями, ему представилось, что это не будет такой разрыв с прошлым. Насколько в кругах, которые должны были решаться, не было плана; они были в поисках.

Затем перерыв был, нас благодарили и отпустили, потому что с нас как с экспертов сняли допрос. Государь ничего не сказал во время завтрака, он подошел и все. Это было в декабре. Кто-то меня спросил: «Что, вы еще остаетесь в Петербурге?» Я говорю: «Нет, я тороплюсь в Москву, потому что там назначено вооруженное восстание». Насколько мы знали, гласные думы по городскому управлению, что там подготавливается вооруженное восстание! А брат Николай и я, мы по долгу гласных и общественных деятелей считали необходимым быть там.

Базили. Кто вел это вооруженное восстание?

Гучков. Оно было хаотическое. Я не думаю, чтобы там было правильное руководство. У меня не было впечатления, что был какой-то революционный комитет, объединяющий действия всех. Были отдельные вспышки. Был московский гарнизон и потом туда был приведен Семеновский полк (хотели какие-нибудь чужие войска ввести). Семеновцы выполнили все то, что им было приказано, но в общем без очень больших потерь это движение было подавлено.

Базили. В Петрограде Хрусталева¹⁰ играл очень большую роль, а там не было такого Хрусталева? Из Петрограда руководили?

Гучков. Возможно. Но внутри Москвы не чувствовалось плана.

Базили. Но это была социал-демократическая затея?

Гучков. Да, да, в это время рабочее население было распропагандировано, какое-то влияние было. Следующим эпизодом из этой области был съезд, тоже очень бурный, и вот я получаю из Петербурга приглашение от графа Витте приехать к нему. Одновременно туда приглашены: Шипов, В. А. Стахович, князь Евгений Трубецкой, который был в то время профессором в Киеве, талантливый, но менее значительный, чем брат. Тот был чистый философ, а этот — философ в области юриспруденции. Витте созывает нас и говорит, что по поручению государя он нас пригласил для того, чтобы нам войти в состав министерства. В Зимнем дворце ряд вечерних заседаний. Мы, сговорившись между собой, даем согласие, но ставим условие. Условие заключа-

ется в том, что одновременно с призывом нас к власти должна быть если не обнародована, то выработана для нас самих общая программа тех мер, которые это правительство должно было бы провести.

Мы говорим: имена наши что-то такое дают, потому что всем известно наше прошлое, это имеет что-то за себя, но это слабо; если верховная власть и граф Витте хотят привлечением новых людей вызвать успокоение общественного мнения, которое, так сказать, авансом готово поверить новому правительству, то имен недостаточно, а надо программу. Относительно программы у нас в общих чертах как будто складывалось. Больших разногласий в конце концов не было бы, потому что у высшей власти в лице Витте была как бы безграничная готовность идти на самые большие уступки. Распалась вся эта комбинация на вопросе личном. Какие портфели предполагалось распределить между этими лицами? Граф Гейден — Государственный контроль, значит, пост мало влиятельный; Шипов — земледелие, тоже техническое министерство...

Базили. Об аграрной реформе тогда не говорили еще?

Гучков. Нет, не говорили. Мне — чисто техническое Министерство торговли и промышленности, в силу моего происхождения из этой среды; Стаховича имели в виду на должность обер-прокурора Синода; кн. Трубецкого — на пост министра народного просвещения.

Базили. Но предполагалось создать Совет министров, так что идея была?

Гучков. Основное — борьба с революционными течениями, отношение к городам и земствам, деятельность полиции — это все сводилось к центральной фигуре министра внутренних дел. Кто же министр внутренних дел? Витте очень неохотно разъяснил нам, что его кандидат — Петр Дурново, который в то время был товарищем министра внутренних дел. У Дурново была репутация определенная, а у некоторых из нас были личные впечатления неблагоприятные. Трудно было придумать человека, менее отвечающего задачам, которые ставили себе верховная власть и ее представитель — Витте, и если нужно было составом министерства успокоить общественное мнение, то это отпадало.

Мы возражали против этой кандидатуры, и я сказал Витте: «Могу вас уверить, что все то впечатление, на которое вы рассчитываете, будет начисто смыто, раз после опубликования списка министров окажется, что мы согласились войти в состав того же министерства, в каком и

Дурново. Мы будем в этом отношении бесполезны, потому что тот капитал, на который вы рассчитывали, будет в пять минут растрочен, если противник всякой общественности становится во главе министерства». Витте сказал, что он в своих руках держит весь узел борьбы с революционными течениями. Даже, как сейчас помню: «Если государь в безопасности и жив, если мы с вами спокойно обсуждаем эти вопросы, то только благодаря ему, потому что на нем все держится».

В один вечер мы пришли к Витте, застаем там князя Урусова Сергея Дмитриевича, быв. московского губернатора. Кн. Урусова я знал хорошо. Так, человек средний был, но он считался представителем либеральных течений в нашей бюрократии и был специально приглашен туда, чтобы убеждать нас, что Дурново вполне приемлем, что он совсем не такой страшный реакционер, как его рисуют, и очень горячо его отстаивал. Конечно, в этой защите был один слабый пункт: при этой комбинации Урусов предназначается на должность товарища министра внутренних дел. Эта защита, однако, не подействовала на нас, и мы в конце какого-то из вечерних заседаний заявили, что если только Витте настаивает на Дурново, то мы отказываемся от участия в этой комбинации. В этот же день предполагалось последнее наше совещание по этому вопросу. Хотя у нас [произошел] как бы разрыв, но Витте сказал: «Обдумайте и затем вечером еще раз сойдемся».

У меня в этот вечер был родственник, брат моей жены — Зилоти, который был старшим адъютантом Морского штаба, но он был гораздо влиятельней, гораздо больше знал, чем полагалось по должности, которую он занимал. Он имел влияние на министров и очень близкую связь с адмиралом Ниловым. Я обедал у Зилоти, и я ему объяснил. Надо сказать, что Зилоти очень сочувствовал этой комбинации. Он был с Витте хорош, так что во всей этой интриге был очень в курсе. Очень огорченный этой неудачей, казалось, уже окончательной, он мне ничего не сказал, но после обеда куда-то уехал. Когда мы поздно вечером в назначенный час пошли к Витте, то встретили какого-то человека, который спускался от него. Кто-то спросил, кто это такой, и нам объяснили, что это Рачковский.

Базили. Он кто был тогда?

Гучков. Начальник сети иностранной агентуры. Когда Витте нас принял, мы его застали взволнованным. Он сказал: «Да, господа, я обдумал, вы, пожалуй, правы. Я решил отказаться от кандидатуры Дурново» Оказывается, Зилоти

поехал к Витте и сказал, что ему известен целый ряд темных сторон из жизни и деятельности Дурново; история с обыском у испанского посланника (Высочайшая резолюция по этому поводу: убрать и никуда не пускать); незадолго до всех этих событий разоблачение и травля Дурново в левой прессе по поводу каких-то поставок овса. Так вот, Зилоти сказал Витте, что, как ему известно, в левой прессе — тогда была газета «Русь» — уже заготовлены статьи и одновременно с опубликованием нового министерства все эти разоблачения Дурново будут обнародованы — и насмарку все расчеты на успокоение. Тогда Витте вызвал Рачковского, и тот подтвердил, что это имело место. Отсюда этот вольт-фас.

Когда утром мы пришли, то Витте за ночь передумал и нам заявил, что, по-видимому, наша комбинация не состоится, потому что он вынужден вернуться к кандидатуре Дурново. (Значит, какое-то воздействие было?) Во время этих переговоров я тоже был вызван к государю. Он сказал, что не удастся составить полуобщественный кабинет, [произнес] несколько добрых слов. Я единственный был приглашен из этого совещания, так как был раньше ему представлен. Так вот, вторая встреча осталась без какого-нибудь следа.

Базили. Вы тогда какую должность занимали в Москве?

Гучков. Я был гласным городской думы и Московского губернского земства.

Базили. А партия была уже составлена?

Гучков. Партия уже состоялась. Центральный Комитет Октябристской партии.

Базили. Значит вы и шли туда как лидер октябристов?

Гучков. Я думаю, что едва ли этот пост играл роль.

Базили. Предполагалось опираться на октябристов. Ставка была на октябристов.

Гучков. Казалось, что представителями и защитниками нового строя являемся мы — октябристы. Эта комбинация не состоялась.

Базили. Ведь был момент в 1905 году, когда предполагалось призвать кадетов. Когда это было?

Гучков. Это было до созыва I Думы.

Базили. Значит после этого...

Гучков. После этого — это уже 1906 год. Значит, выборы в I Думу, большая победа кадетов. Мы в очень маленькой группе. Я лично не прошел, прошли другие, как Стахович, Гейден, предводители дворянства, председатели губернских управ, два десятка, три десятка, а кадетов

большинство. Вот тогда обнаружилась некоторая растерянность, и тогда, в попытке приручить некоторые радикальные элементы, и явилась идея составить кадетское министерство.

Базили. У того же Витте.

Гучков. У того же Витте. Большим сторонником такого кадетского министерства был генерал Трепов. Эта мысль встретила личное нежелание, сопротивление самого государя. Обнародован закон о положении Думы. Выборы. Выборы дают победу кадетам. Затем очень быстро [состоялся] роспуск I Думы после того, как один из ее членов, Кузьмин-Караваев¹¹, предложил Государственной думе сделать какое-то обращение к населению. В этом усмотрели известное нарушение положения и прав Государственной думы и убедились, что она неработоспособна в том смысле, что никакого соглашения между этими элементами и исторической властью не может быть. Она была распущена, затем [предпринималась] попытка на основе избирательного закона произвести вторые выборы, которые дали еще более плачевные результаты. Умеренные правые остались на своих позициях, кадеты потеряли в пользу более левых элементов во II Думе.

Базили. Были введены в России общие выборы, они определенно пошли влево. На это, казалось, один ответ, что программы умеренных были совершенно чужды массе, что масса поддавалась демагогическим обещаниям — очень простым, близким, касавшимся материального интереса, а все культурные лозунги, которые выдвигались умеренными, были массам абсолютно непонятны.

Гучков. Еще большую роль играло непримиримое отношение к власти и к правительству. Призыв к сотрудничеству встречал мало сочувствия, а призыв к борьбе привлекал. Что касается крестьянства — расширение земельной площади, а городское население и интеллигенция увлекались не столько этими отдельными обещаниями, сколько своей боевой ролью по отношению к существующему строю.

Базили. Чем это объяснить?

Гучков. Накопление многих претензий к старому строю и наивная вера, что добиться новых основ жизни можно в порядке насильственном, революционном, а попытка компромисса не приведет ни к чему серьезному. Общее революционное настроение было. Сотрудничество с властью — это значит человек предает себя. Потом перемена пришла

со Столыпиным. Сотрудничество можно было наладить с правительством Столыпина... Через некоторое время после роспуска II Думы, ухода Горемыкина, назначения Столыпина я получаю из Петербурга [приглашение] явиться к Столыпину. Вызваны туда были два лица — Львов Н. Н. и брат его Владимир, [будущий обер-]прокурор [Синода]. Николай Николаевич был прогрессистом. Несмотря на левый уклон этой группы, он в первых Думах держал себя очень сдержанно. Видно, что он не был увлечен этим революционным потоком. Лично был известен Столыпину, потому что Львов был предводитель дворянства в одном из уездов Саратовской губернии, где губернаторствовал Столыпин. Значит, Столыпин к нему относился с доверием и симпатией.

Перед этим у меня со Столыпиным была одна только встреча, тоже довольно своеобразная. Придется передвинуться немножко назад. Вскоре после московского вооруженного восстания было введено положение о военно-полевых судах. Подавление восстания [прошло] без особых эксцессов, но иногда эксцессы все же имели место. Отдельные воинские отряды озлоблялись сопротивлением мятежников, которые из-за угла, из окон подстреливали солдат, озлобление охватывало не только офицеров, но и нижних чинов, они чувствовали обиду и вражду. Когда кого-то заподозревали, на месте расстреливали. Указ о военно-полевых судах встретил у меня полное одобрение, потому что в условиях гражданской войны ждать медленно работающего судебного аппарата — это значит ослабить власть и ослабить то впечатление, которое репрессии должны вызвать. В качестве правильного решения между этими двумя крайностями я видел военно-полевой суд, который давал известную гарантию, потому что все-таки был суд. Такое решение достигало и того и другого.

Но в тех условиях этот приказ о военно-полевых судах был встречен криком негодования. Ко мне зашел один из журналистов от «Нового времени», Ксюнин¹², с просьбой дать мой отзыв по этому делу, и я совершенно определенно высказался одобрительно, и вообще высказался о необходимости суровыми мерами подавить революционное движение, которое мешает проведению у нас назревших либеральных реформ. Травля в либеральной прессе поднялась невероятная против меня. Очень даже заколебались такие столпы, как Шипов, граф Гейден, Стахович. Шипов после этого заявил об уходе из октябристской партии, Гейден имел очень суровое объяснение со мной, после которого

объявил себя удовлетворенным, но они оба остались в рядах октябристского комитета.

Вот любопытный штрих безвоольности, дряблости общественных элементов. Ко мне пришел граф Гейден. Он был выше остальных, потому что он был, во-первых, нерусского происхождения, у него не было той сентиментальности, а было положительное отношение к вопросам, как у западноевропейских людей, и он не был чистым продуктом общечужденности, а был в свое время чиновником. Для него чувство ответственности, долга, понимание необходимости власти, инстинкт власти не были пустые слова. Когда я пришел, мы имели с ним разговор, и я ему говорю: «Как же иначе власти быть в такие времена, когда нужно подавлять такие движения?» И для того, чтобы усилить мою позицию и отнять у него известное оружие, я ему привел случай борьбы двух групп населения и говорю: «Представьте, что вы как министр внутренних дел получаете телеграмму, что в Баку готовится борьба между армянами и татарами (азербайджанцами. — *Ред.*). Как вы будете действовать? В конце концов вы должны будете ввести исключительное положение либо осадное положение, если все не утихомирится. А что такое осадное положение? Предоставление военным властям права распоряжения. Ну, как же граф, вы поступили бы в данном случае?» Вы знаете, что он мне сказал, когда я его спросил? Он взял себя за голову: «Я вышел бы в отставку». Вот вся эта дряблость, а я еще говорил, что он был одним из лучших.

Поэтому я говорил, что все время был проникнут недоверием к государственным способностям общественности. Я считал, ее надо проучить (приручить? — *Прим. стеногр.*). Я был против парламентского принципа, против парламентского кабинета и даже Столыпину не рекомендовал отдельных лиц вводить туда. В Петербурге это мне создало репутацию человека энергичного, не боящегося ответственности перед общественным мнением. И вот моя первая встреча с П. А. Столыпиным. Она произошла при таких условиях. Я был в Петербурге в день созыва I Думы.

Базили. Вероятно, это заявление и вызвало ваши невзгоды в I Думу?

Гучков. Конечно. Я был у Столыпина А. А. — одного из основателей октябризма. Мы все видели из окна, как членов Государственной думы везли куда-то на прием в Зимний дворец. Из Зимнего дворца приехал к своему брату П. А. Столыпину, там мы и познакомились. Он говорит, что аплодировал мне по поводу того гражданского мужества

которое я проявил, взяв под свою защиту такую непопулярную вещь.

Во время одного из земских съездов я опять получаю приглашение Столыпина приехать, и мы приняты Столыпиным на Аптекарском острове в том самом здании, которое через несколько недель после нашей беседы было взорвано. Так что вот II и III Думы до взрыва на Аптекарском острове и до обнародования нового избирательного закона от 3 июня с ограничениями, куриальная система.

Базили. Ценз был выше и только для известных категорий.

Гучков. Он нас убеждает войти в министерство, он всю свою государственную работу строит на аграрной реформе, на умиротворении крестьянского моря, на целом ряде начинаний, которые должны крестьянство культурно и материально поднять: аграрная реформа, экономическая реформа, введение волостного земства, общественных школ для крестьян — все его внимание на крестьянах. Он говорит: «Если мы и на этой реформе провалимся, то гнать нас надо всех». Он считал, что будущее России надо строить на этом он убеждает Н. Н. Львова стать во главе Министерства земледелия. «Нет предела тем улучшениям, облегчениям которые я готов дать крестьянству, — говорит он, — для того, чтобы его вывести, я даже не так уже расхожусь с кадетской программой, я только отрицаю массовое отчуждение, я считаю, что нужно другими мерами этого достигнуть, в смысле увеличения крестьянского землевладения. Я только не могу теми путями идти, которые указаны в кадетской программе».

Я опять-таки предназначаюсь на должность министра торговли и промышленности. Он очень желал, чувствовал необходимость ввести в бюрократическую среду новые элементы и не только дорожил личностью Львова и моей, но самым принципом чего-то нового. Он чувствовал, что это произведет впечатление. Мы, однако, сказали ему то, что говорили Витте: мы готовы идти, но только при двух условиях — программа, которая должна была бы связать правительство и характеризовать новый его состав в глазах общественного мнения, и затем, мы настаивали на значительном расширении состава людей со стороны, которые должны были быть введены, т. е. ввести и других общественных деятелей в министерство, потому что [если] нас двое, что же мы смогли [бы]. «Вы это сделайте, — говорил я Столыпину, — потому что, если бы мы вошли вдвоем, мы встретили бы оппозицию. Если мы через некоторое

время будем вынуждены уйти, это вам худший урон будет — лучше не начинать».

Он стал поддаваться. У меня было впечатление, что он готов идти на расширенный состав, но сверху не получил согласия. Мы не шли очень далеко, о министре внутренних дел не было речи, но [требовалось] введение туда еще кого-нибудь. Я назвал такие имена, как Кони, человек, который с восторгом был бы принят и общественным мнением и судебным персоналом. Водворение у нас не только правосудия, но и человека, который являлся бы гарантией бескорыстного укрепления правосудия — это произвело бы сильнейшее впечатление. Он только говорил «я подумаю» — значит должен был просить согласия. Потом выяснилось, что он получил согласие на Кони, но было нелегко, потому что придворные круги припомнили ему председательствование в окружном суде по делу Засулич.

Затем взбудораженное море профессуры и студенчества, надо кого-нибудь министра, который импонировал бы, и я тогда рекомендовал бывшего московского профессора П. Г. Виноградова, который был в Англии. У Виноградова были следующие достоинства: он был выдающимся ученым, знал хорошо среднюю школу, потому что принадлежал к педагогической семье и до профессуры давал уроки в классической гимназии; как председатель училищной комиссии в Московской городской думе знал начальную школу городскую. Хотя он был человек либеральных взглядов, но очень решительный, трезвый, а главное не связан никакими партийными связями, свободен от обязательств. В качестве проректора Московского университета он потерпел за правду, потому что, когда после каких-то студенческих беспорядков Ванновский издал приказ (указ) о взятии на военную службу исключенных студентов, тогда он резко против этого выступил и за это потерпел. Не помню, добровольно ли он ушел или его удалили, но после этого ему пришлось уйти. В то же время я близко знал его, знал, что он приблизительно таких же взглядов, как и я. Он был приглашен в Лондон сейчас же по окончании этого конфликта, потому что его специальность была общественные учреждения и хозяйственная история Англии в средние века.

Затем я очень настаивал на графе Гейдене. Виноградов прошел свободно он телеграммой мне ответил, что согласен но ставит некоторые условия, и между прочим одно условие — снятие ограничений для еврейской молодежи, процентного отношения. Я думаю, что это тоже было правильно, потому что ничем не угрожало, а как первый при-

знак равноправия произвело бы впечатление на революционные элементы.

Вот, значит, состав приблизительный определился, а что касается выработки программы, то тут мы не встретили со стороны Петра Аркадьевича большой готовности идти в этом направлении сколько-нибудь далеко. Аграрную программу он нам изложил, мы с ней соглашались, но он не был сторонником сколько-нибудь разработанной общей программы, которая, может быть, связала бы это правительство более практически. Он был прав, но для воздействия на общественное мнение — мы на этом настаивали. На этом мы разошлись, и комбинация почти готова была рухнуть, когда он нам в одну из бесед сказал, что государь хочет лично переговорить с Львовым и со мной и назначил такой-то день. Это было в первые дни после роспуска II Думы. Было опасение, как бы на роспуск II Думы не ответили бунтами. В Кронштадте было несколько матросских вспышек. В Петергофе полный комфорт и благоухание, а рядом с этим во что... Мы были приглашены туда. Государь принял Львова; помню, час с четвертью продолжалась беседа, потом меня — тоже час с четвертью.

Я был поражен полным спокойствием и благодушием государя и, как мне показалось, не вполне сознательным отношением к тому, что творится, — не отдавал себе отчета во всей серьезности положения. Он был, как всегда, обворожительно любезен, сказал, что хотел бы, чтобы я вошел в состав правительства. Я сказал, что я согласен, но говорил то же, что Столыпину, что для того, чтобы вступление Львова и мое было бы эффективным, нужно, чтобы новые люди вошли и [была] программа. Я сказал, что мы полагали ввести в декларацию. Там был один любопытный пункт — это вопрос еврейский. Я государю сказал: «Я не охотник до евреев, лучше, если бы их у нас не было, но они у нас даны историей. Надо известный модус вивенди установить. Надо создать нормальные условия, как бы к ним ни относиться, но надо сказать, что все мероприятия с еврейским засильем никуда не годятся. Есть цензовые ограничения в школах — это, казалось бы, должно было нас оградить от еврейского засилья в духовной области, а на самом деле посмотрите: в области печати — евреи там все-таки сильны; художественная, театральная критика — в руках евреев. Это все ничего не дает, между тем озлобления без конца. Надо снять черту оседлости».

Я сказал, как это развращает администрацию, говорю: «Это все надо уничтожить, это произведет сильное впечат-

ление на общественное мнение в России, во всем мире. Только в одном отношении я согласен сохранить ограничения в отношении к еврейству — не допускать евреев в состав офицерства (но они и не хотят) и ограничить их права в приобретении земель вне городов (их не тянет и на роль помещиков)». Я считал долгом эти ограничения сохранить, потому что я понимал, что морально мы при этом теряли, но этим путем избегали противодействия в тех кругах, которые были антисемитски настроены; а сохраняя их, мы могли бы эти еврейские реформы провести без потрясений. Государь ответил мне на эту часть моей программы следующим образом: «А не думаете ли вы, что такие меры расширения прав евреев могут вызвать сильное противодействие, могут повести к громадному всероссийскому погрому. Ведь была такая аргументация, якобы правительство ослабело...»

Базили. А остальные пункты программы?

Гучков. Он не возражал, но несмотря на милый, ласковый тон, несмотря на то, что у него было желание образовать правительство, но в это время какое-то ощущение спокойствия, безопасности там начинало крепнуть, революционная волна не так грозна и можно без новшеств обойтись. Насколько Столыпин хотел введения новых элементов, настолько государь перестал этим дорожить. Затем мы вышли с Николаем Николаевичем, был поздний вечер, наступила ночь. Столыпин ждал результатов нашей беседы и просил, чтобы мы заехали к нему. Мы поехали туда. Он принял нас. Мы передали ему нашу беседу, сказали, что мы чувствуем, что наши предложения не будут приняты, и я помню, между прочим, что я так сказал Столыпину: «Вот иногда, когда мы предлагаем то или другое лицо, вы ссылаетесь, что государь не хотел; как будто считаетесь не только с серьезной волей, но и с капризом...» Помню, я тогда получил какую-то чрезвычайно глубоко пессимистическую оценку и государя и его окружения. Я сказал Столыпину: «Если спасти Россию, самого государя, ее надо спасти помимо его, надо не считаться с этими отдельными проявлениями его желания, надо настоять». Самое тяжелое впечатление [оставило то], что у него было полное спокойствие.

Вторник, 15 ноября 1932 г.

Гучков. У Николая Львова и у меня было страшно тяжелое чувство, потому что мы видели, что государь не

отдает себе отчета, в каком положении страна. Поэтому он не решается принять какой-нибудь решительной меры в смысле нового политического курса. И когда мы, Львов и я, вышли из дворца, сели в коляску, стали обмениваться впечатлениями, и наши впечатления совершенно совпали — один ужас, полное непонимание. Мы ночью попали к Столыпину и сказали: «Нет, мы при таких условиях совершенно бесполезны». И не то что был страх за себя и боязнь ответственности — у меня было чувство: я среди них ничего не сделаю, а в стране, что касается организации общественных групп, надо было собрать умеренно-либеральную группу. Я чувствовал, что в стране такие элементы есть, но в то время как левые хорошо организовались — социал-демократы, эсеры, кадеты, — остальные казались рассыпаны. Я думал: лучше буду в этой области работать, по организации общественного мнения. Столыпин был ужасно удручен, рассчитывал на наше сотрудничество и на тот эффект, который нужно было вызвать в известных общественных кругах. Я ему сказал: «Вы ссылаетесь на государя. Если спасти Россию, и династию, и самого государя — это надо силой делать, вопреки его желаниям капризам и симпатиям». Он сам видел, как трудно этого достигнуть. Это было летом после роспуска II Думы

Затем произошло изменение избирательного закона, и тогда выборы дают большое преобладание умеренных элементов, самой сильной партией оказывается партия октябристов — 170 человек. Это приблизительно немножко больше трети, но все же таки нет большинства, а остальные секторы — те скорее направо от нас. Некоторая бесформенная масса правых, среди которых чувствуются различные течения, причем чувствовалось, что там были вполне хорошие элементы, а верхи в лице Маркова 2-го, Пуришкевича, Замысловского — и не государственные и не почтенные элементы. Бобринский — фигура чистая, но, по-видимому, не он имел там влияние. А затем налево от нас — сектор левый, там Ефремов, Львов, кадеты, потерявшие на выборах благодаря введению нового ценза, социал-демократы, поляки, магометане, мелкие группы

Как при таких условиях вести парламентскую борьбу — нет большинства. И тогда у Столыпина и у меня явилась мысль найти это большинство в расколе правого сектора: нельзя ли нам подобрать более пригодный для этой работы элемент, а крайних отбросить совсем. П. Н. Бала-

шов, очень чистый, благородный человек и тоже консервативно-либерального направления, но человек мало подготовленный для этой роли. Надо сказать, что эти группы националистов и октябристов [шли] вместе. Во всяком случае это группа, с которой можно было. Главное дело, в то время как у нас была своя самостоятельность, эта группа всецело приняла Столыпина. Целиком за ним шла — это была самая верная ему группа. Мы иногда расходились с ним, но в основных линиях столыпинской политики можно было строить...

Я еще хочу подойти к государю. Я был выбран в III Думу. Брат Николай в то время был уже московским городским головой. Часто приходилось бывать в Петербурге и ему приходилось представляться государю. И как раз брат представлялся государю и государыне, и он сказал: «Я узнал, что брат ваш выбран, как мы счастливы». Размолвка началась в 1907 г. (27 мая 1908 г.— *Ред.*) с моей речи по военному бюджету в III Думе. Первый бюджет регулярный, который проходил через Государственную думу, бюджет военный и морской прошел через комиссию государственной обороны, где я был председателем. Когда собралась III Дума, надо было организовать работы, и в нашей среде было чувство большой боли за то поражение и тот позор, который мы понесли на Дальнем Востоке. Было немало офицеров запасных, предводителей дворянства, председателей земских управ, и они в эту Думу принесли жгучее чувство боли за то, что они перенесли. В нашей фракции обсуждалось, какие комиссии образовать, и очень дружно прошло предложение образовать комиссию государственной обороны. Государю это не понравилось, он говорил Родзянко: «Надо, чтобы это переименовалось». Ему не нравилась эта комиссия, потому что во время войны было образовано особое совещание (Совет государственной обороны — *Ред.*), где председательствовал великий князь Николай Николаевич, под предлогом, что могли слышать [лишнее]. Для нас это была мысль отдаленная — мы даже не знали о существовании этой комиссии.

Была выбрана такая комиссия — первым делом была военно-морская смета. Я докладчик по военной смете. При первом соприкосновении с военными делами мы подвели итоги всему прошлому и наметили себе план, причем надо сказать что мы с самого начала в самые дружеские отношения встали с Военным министерством, во главе которого стоял Редигер — очень умный, знающий и благородный человек и я не сказал бы — безвольный, но все-

таки не отличавшийся особой энергией по устранению препятствий. Он нам раскрыл всю картину, ожидал нашей помощи в смысле кредитов. Все прошло, как предлагало Военное министерство, но за этот краткий период, который протек со времени созыва Думы и обсуждения сметы в Государственной думе, наша группа в одном убедилась, что есть совершенно непреодолимое препятствие для возрождения нашей военной мощи и для поднятия ее на ту высоту, чтобы представлять Россию, — это участие великих князей в военном управлении, на хозяйственно-административных должностях, и у нас у самих было такое чувство, что в этой области неблагополучно. А когда мы несколько углубились, когда удалось по душам поговорить со всеми крупными представителями военного ведомства, то мы увидели, что это такая болячка, которая давно там засела и для самого военного ведомства — болезнь непреодолимая, они сами не могут справиться. Очень ярко сказалось хозяйничанье великих князей в морском ведомстве, но также и в военном ведомстве в смысле глубокого застоя, невозможности провести новую мысль и новых людей.

Базили. Вы имели в виду злоупотребления и застои вокруг них?

Гучков. Я не обвиняю их самих. Даже когда великие князья были сами по себе неплохие знатоки данной отрасли (таким был Сергей Михайлович), то все равно был окружен неподходящими людьми, потому что были особенные приемы сделаться угодным великому князю, и чистые люди гнушались этих приемов, и значит как-то фатально, органически вокруг великого князя, который сам по себе был бы не плох создавалось окружение совершенно невозможное.

Базили. Кто были великие князья?

Гучков. Вот какие места они занимали. Во главе всей обороны (потому что там были не только сухопутные, но и морские дела) стоял великий князь Николай Николаевич. Правда, это были вопросы общего характера. Там не было хозяйственных, финансовых, административных дел а только общие вопросы, но тоже чувствовалось, что там застой. Военный министр, который хотел бы ввести там новые порядки должен [был] преодолеть средостение, где сидели люди прежних взглядов; у него не было такой возможности, и сам Николай Николаевич — потом его война многому научила, а в то время он тоже скорее представлял из себя рутину — не было у него настоящего понимания нужд армии, что нужно очень круто переменить подбор

людей и порядки, чтобы поставить нашу военную мощь на должную высоту. Главным препятствием для военного министра был Совет государственной обороны. Во главе отдельных главных управлений стояли: во главе учебного ведомства — великий князь Константин Константинович; во главе Главного артиллерийского управления — великий князь Сергей Михайлович; Военно-инженерного управления — Петр Николаевич. Эти люди, во-первых, мешали, а затем, они снимали с военного министра ответственность, и не было известно, кто начальник. С Редигером я не раз говорил на эту тему. Первое время с Сухомлиновым тоже. Они [говорили] очень лояльно, не выдавая секретов ведомства. Я убедился, что они тяжело страдали от этой организации.

У меня создалось твердое убеждение: если только не реорганизовать верхи военного ведомства, если не будет предоставлена военному министру полнота управления, свобода действия, зато и полная ответственность, то ничего не выйдет и мы будем барахтаться в мелких реформах. Я знал, что трудно найти мне в этом отношении союзников, и даже не искал их себе, чтобы не заставить других делить ответственность за тот шаг, который я надумал, ни с кем не советуясь. Вообще говорили в нашем кружке, что великие князья являются препятствием.

Убедившись, что другими способами нельзя удалить это влияние, как публичным очень ярким выступлением в Государственной думе, я задумал в качестве такого шага свою речь в защиту сметы Военного министерства. Я ее закончил указанием на эти слабые пункты. Для того чтобы не делать ответственными других, я своему близкому товарищу Хомякову¹³ ничего не сказал. Он должен был председательствовать, и я не хотел, чтобы он был моим соучастником. Свою речь — деловую, обоснованную, где я предлагал целый ряд мер, предлагал принять все ассигнования, — я закончил призывом к великим князьям.

Я задумал это поставить таким образом. Основная проблема — восстановление нашей военной мощи; еще предстоят нам впереди очень тяжелые испытания, и Россия не вправе позволить себе роскошь нового поражения, новое поражение — окончательный развал России. Дальше я говорил, что народное представительство готово решительно на все жертвы, но жертвовать должны все, и указал, что поперек дороги целого ряда реформ стоит то обстоятельство, что во главе главных отраслей военного дела стоят безответственные люди, которые окружены безответствен-

ными помощниками, и вот я сказал, что обращаюсь к этим людям, чтобы они маленькими своими интересами, самолюбием и славолубием пренебрегли и принесли себя в жертву насущной потребности возрождения нашей военной мощи. Для того, чтобы сделать призыв к ним еще более убедительным, я всех назвал. Вот во главе Совета государственной обороны стоит великий князь Николай Николаевич... Всем сказал. И кончил призывом к ним, чтобы они сами ушли.

Это произвело потрясающее впечатление, все взволновались. Я говорил быстро, чтобы не дать возможности председателю Государственной думы меня остановить. И он не остановил, потому что сам растерялся. Он просто закрыл заседание, когда я кончил. Сделал перерыв, потому что в голову такие вопросы не приходили. Я вышел из зала заседаний. Тоже характерно: вижу, бежит за мной Милюков и говорит: «Александр Иванович, что вы сделали — ведь распустят Государственную думу». Я тогда засмеялся и говорю: «Нет. Из-за чего другого распустят Думу, но по этим вопросам не распустят. Я убежден, что вся армия и народ с нами. Не решатся». Потом заседание возобновилось и продолжалось. Все кончилось благополучно. Это происходило глубокой осенью 1908 года. (Проверить даты). В это время было Ревельское свидание, государь был там и Столыпин был там. И когда Столыпин вернулся оттуда, то он мне говорит: «Что вы наделали. Государь очень негодует на вас, и к чему было приводить этот синодик. Он говорит, если Гучков имеет что-либо против участия великих князей в военном управлении, он мог это мне сказать, а не выносить все это на публику, да приводить синодик. Я с вами согласен, что участие великих князей вредно, но мне кажется, что вашим выступлением вы только укрепили их положение. И у государя бывала мысль их устранить, а сейчас для того, чтобы не делать впечатление, что действует по вашему настоянию, все останется по-прежнему». Я ответил, что думал об этой стороне дела, но не согласен: на первых порах вы будете правы с вашими предсказаниями, в ближайшее время меры не будут приняты. Но все-таки вокруг этих слов, которые впервые так открыто высказаны, образуется целый ком общественного мнения, и в конце концов эта мысль победит. Я не ошибся.

Через несколько месяцев была проведена очень серьезная реформа военного ведомства, где был выполнен следующий план. Рядом с начальниками главных управлений были созданы должности генерал-инспекторов и вот те ве-

ликие князья, которые занимали должности начальников главных управлений, делались генерал-инспекторами. Это была очень высокая и почетная должность, они могли инспектировать это управление сверху донизу, но не имели никаких прав по распоряжению. Все смотря они должны были докладывать военному министру.

Базили. Они были контролерами, подчиненными военному министру.

Гучков. А право распоряжения было отнято. Так что цель был достигнута. В то время произошла перемена: вместо Редигера был назначен Сухомлинов, и во время одной из первых своих речей за время его министерства я указал, что военный министр в настоящее время находится в более благоприятных условиях, чем все его предшественники, ему раскрыта широта власти, но зато на него возлагается великая ответственность. Вот я считал, что это был первый клин, который был вбит.

Я очень горячо отдавался делу государственной обороны и не стеснялся критики тех непорядков, которые там были. Это тоже, конечно, вызвало неудовольствие. По-видимому, народное представительство — III Дума — и, в частности, комиссия государственной обороны начали пускать корни в этой среде. Мы не занимались военной демагогией, но просто все речи нашего кружка были проникнуты чувством симпатии к армии, пониманием нужд. Потом — рядом с критикой — широкое понимание: мы никогда ничего не урезывали, шли очень широко. По нашей инициативе была принята такая мера. Когда мы на первых порах ознакомились с положением армии, выяснилось, что тяжелая сторона — большой и все растущий некомплект офицерского состава, и отчасти потому, что каждое поражение несет умаление притягательности звания, а в российской интеллигентской среде относились к военному ремеслу отрицательно, и прилив в юнкерские училища сократился. К этому присоединились тяжелые материальные условия. Оклады были низкие, зажиточный класс, который раньше был поставщиком [офицерских кадров] в армию, обеднел. Надо было поставить иначе.

Редигер как раз установил хороший обычай, приглашая к себе на квартиру на чашку чая 5—6 человек, которые несли на себе всю работу и были полными хозяевами в этой комиссии. Он нас приглашал, и мы в такой беседе обменивались взглядами. И когда первый раз указал на это, то мы ему сказали, что моральная сторона дела — раны залечиваются, а материальная часть — мы вас просим внести за-

конопроект об улучшении материального положения офицерства. Если вы на первых порах встретите препятствия со стороны Министерства финансов, то скажите, что у вас обеспечено в Думе большинство. Вы скажите им заранее, что мы вам даем обязательство, что мы это проведем, а затем если бы вам провести не удалось, то мы в порядке инициативы внесем такой закон и получится, что Дума заботится об офицерстве, а правительство — нет. Это было проведено очень быстро. Так что те корни, которые таким образом не только комиссия, но и народное представительство пускало, — это вызвало недовольство.

Базили. Государь считал армию своей привилегированной территорией, а тут вмешиваются.

Гучков. Эти первые шаги привели к тому, что у меня установились хорошие связи с очень большими людьми из военного мира. Они часто давали мне хорошие советы, словом, получилось очень тесное сотрудничество, не только мое лично, но нашей маленькой группы с представителями военно-морского ведомства. На морские дела имел очень большое влияние адмирал Эссен.

Тогда же для того, чтобы были не случайные соприкосновения, а постоянное [сотрудничество], я подумал о том, что было бы хорошо создать постоянный орган, который мог бы служить лабораторией для разработки всяких вопросов. Я сношусь с генералом Василием Иосифовичем Гурко — тогда он еще молодым был, во время бурской войны он был военным агентом. С одной стороны Стахович, а с другой Гурко. В то время в Военном министерстве была создана комиссия для составления «Истории русско-японской войны», во главе этой комиссии был поставлен Гурко. Он подобрал отличный состав сотрудников — это были офицеры Генерального штаба, горящие интересом к делу¹⁴, люди, проделавшие японскую войну. Мне показалось, что это готовый орган, с которым мы могли бы сойтись на началах сотрудничества. Так как они были люди корректные, то Гурко доложил им о наших предположениях и просьбе. Тут негласно и началась совместная работа, то у меня, то у Балашова, то у Гурко. Собиралось человек 5—6 с нашей стороны и с той стороны, а если по тому или другому вопросу в их среде не было специалиста, то они сами приглашали того или другого. Например, по вопросу об образовании железнодорожных частей — у них не было, они его пригласили.

Базили. Это все в порядке дружеской беседы...

Гучков. Работа была такая. Когда к нам поступал зако-

нопроект от военного ведомства, мы его процеживали через это совещание в порядке обсуждения. Поэтому, когда этот вопрос потом официально шел в комиссии государственной обороны, наша группа была великолепно ознакомлена с делом. Так как они были люди свободные и независимые, они могли указывать на те или другие дефекты. Они занимали свою должность, писали историю, но помогали разбираться в этих вопросах. Кроме того мы в порядке таких бесед выяснили вообще нужды армии и целый ряд вопросов, которые были [впоследствии] подняты в порядке инициативы, в виде пожеланий, [так как] были две возможности: либо Дума вносила свой закон, либо это делалось в форме пожелания; правительство и министерство брали на себя выполнение. Мы предпочитали второе. Воля исходила от нас, а выполнение шло по ведомству. Так что очень многие работы были в этой области сделаны. Все шло благополучно. Никогда не урезывали кредит. Мы указывали на необходимость увеличения кредитов по тем или другим статьям. Это называлось у них вмешательством в военные дела. Боялись, что общественное мнение военное будет считаться с Думой больше, чем с другими.

Базили. Высказывались опасения, что вы постепенно симпатии армии переведете на народное представительство.

Гучков. Я их понимаю, я должен сказать только, что нам эта самая мысль была совершенно чужда, ни малейшей ноты, которая бы в наших настроениях отвечала этому. Причем при Редигере все шло благополучно, сам Редигер ушел из-за меня. Я это знал и из переписки государя убедился. Было мое выступление такое: великие князья являются помехой реформам, а затем большое место был высший командный состав. После японской войны армия, в общем, очень подтянулась, проснулся интерес к военному делу, в самой офицерской среде прежняя ленивая работа сменилась более деловой, так что чувствовалось, что жизнь забила, но что оставалось безнадежным — это высший командный состав. Он не только был сам по себе плох, но плох безнадежно, потому что его рекрутирование шло ненормальными путями. Это не самые выдающиеся в военном деле люди, а люди, связанные товарищескими отношениями, высоким положением; связи с двором — это влияло, подбор шел отвратительный; случайно попадали туда какие-нибудь крупные лица.

Не было создано школы для высшего командного состава, никто не занимался подготовкой людей для высоких постов. Той организации, которая создавалась в Германии,

где для продвижения с одной ступени надо пройти известные маневры, выполнение известных задач, — этого не было. В нашем же кружке, под влиянием знакомства с тем, что делалось на Западе, также родилась мысль, что надо такое военное ведомство. Не то чтобы тоже таким образом создать высшую школу командного состава, но надо было указать всенародно на эту слабую сторону.

После того как я увидел, что в нормальных условиях не удастся провести какую-нибудь из таких новых мер, потому что уже очень много личных интересов связано с этим, я тоже решил поступить по тому же шаблону, как с великими князьями, и, тоже воспользовавшись речью своей, я указал на тот прогресс, который можно отметить в смысле улучшения постановки военного дела, но указал и на то, что прошлая война была фатальной как раз благодаря неудовлетворительному составу, и что я не вижу никаких мер для того, чтобы люди почувствовали свою личную ответственность. Я сказал: «Давайте ознакомимся с теми, которые стоят во главе военных округов, потому что эти лица являются кандидатами в командующие фронтами армий», и как нарочно оказалось, что за маленькими исключениями только Иванов в Киеве удовлетворял, а остальные были люди, которые никаких серьезных военных заслуг, никакого имени в военном деле не имели. Я их всех перечислил по имени: в Москве Гершельман, в Варшаве Скалон и т. д.

Произносил эту речь в присутствии военного министра Редигера. Редигер, которого я тоже не предупредил, был очень взволнован, выступил после меня и в общем признал неудовлетворительным состав, и тут были, может быть, некоторые неудачи в смысле выражения своих мыслей. Он сказал: «Что же поделывать, приходится пользоваться тем материалом, который мы находим». Тогда, мне говорили, негодование наверху не имело пределов. В то время, когда надо было меня опротестовать, военный министр согласился со мной! Он из-за этого вынужден был уйти. Опять вмешательство в военные дела: великие князья, забота об армии, а теперь высший командный состав.

После того был назначен Сухомлинов. На первых порах я пытался продолжать с ним ту работу, которую вел с Редигером. Он нуждался в некоторой помощи Государственной думы. Первые шаги обещали успех, но затем он убедился, что Дума не в фаворе, комиссия государственной обороны под подозрением и ее председатель тем более. И тогда, будучи человеком равнодушным к интересам армии,

он очень круто повернул против нас в том смысле, что старался подчеркнуть свое пренебрежительное отношение к народным представителям, не ходил в комиссию, представляя это своему помощнику, хотел, по-видимому, подчеркнуть свое пренебрежительное отношение к этим новым условиям нашего государственного строя.

Я убедился очень скоро, что с программой, планом реформ, который он вначале изложил очень широко, он не сладит. И тогда я перешел из благожелательного отношения в резкую оппозицию. Все недочеты были резко подчеркнуты и в докладах и в речах. Между прочим, когда мы убедились, что в артиллерийском ведомстве мы не можем добиться того улучшения, какое нужно, то я предложил формулу, которая была принята в комиссии государственной обороны единогласно и в Думе, и формула эта говорила о том, что Государственная дума признает, что Главное артиллерийское управление и его деятельность представляют из себя государственную опасность. Это было в III Думе. Все это было доказано цифрами и фактами.

Я помню такой эпизод, характерный для той горячки, которой мы были исполнены, и того покойного и равнодушного величия, которое показывали с той стороны. Как сейчас помню, смета Главного артиллерийского управления рассматривается в маленькой подкомиссии. С нашей стороны Савич, я и еще кое-кто. С той стороны — ряд артиллерийских генералов. При рассмотрении сметы выясняется, что один вопрос очень жгучий, вопрос перевооружения пехоты, чрезвычайно задерживается, что медленно используются отпущенные ранее кредиты, кредиты, которые раньше отпущены, не отвечают потребности. Когда мы пытаемся выяснить, на какой срок рассчитано выполнение плана, то получается такой длинный срок, что к концу срока винтовка будет устаревшей, и Савич, который немного нервен был, он в форменную истерику вошел, стал резко говорить генералам и вдруг заплакал, и этот генерал говорит: что вы волнуетесь, посмотрите, как мы спокойны. Это меня взорвало, и я сказал: «Если бы вы так нервничали, как нервничает Савич, тогда мы могли бы быть спокойны».

Я помню один такой случай, они спрашивали случайного кредита для выполнения какой-то работы. Мы требовали плана. Дайте нам общий план. Затем в зависимости от остроты этой потребности, в зависимости от возможности кредитов установите срок, и вы будете знать, на что вы можете рассчитывать. Я помню, какая-то была второстепенная задача, касалась она картографии, снятия карт в

районах, которые могут сделаться театром военных действий. Когда стали высчитывать быстроту (такие кредиты были не в фаворе), то оказалось, что в двести лет работу выполнят.

Так все росло недовольство там, с Сухомлиновым я во вражеские отношения становлюсь. Очень обеспокоен Сухомлинов большой моей осведомленностью: «Откуда вы это знаете...» Просто я тщательно изучал, а затем, создались эти каналы. Это совершенно не маленькие люди даже были. Например, начальник штаба военного округа приезжает в Петербург, заходит ко мне: «Не могу добиться... Крепости строятся с такой медленностью... Артиллерийское снабжение запаздывает...»

Базили. Были ли какие-нибудь санкции против тех людей, которые были с вами?

Гучков. Нет, искали их. Этот кружок, Гурко и офицеры Генерального штаба, был взят под подозрение. Каких-нибудь суровых мер — этого не было. Во-первых, это были люди, которые имели свой собственный вес. Может быть, их там немножко и обходили.

Базили. Отчего не проводилось до конца?

Гучков. Возьмут на подозрение, обойдут его очередной наградой, а дальше не шли. Даже с теми, которых режим находил противниками, начать борьбу не было сил. Еще во время Столыпина в этих своих неудачах и огорчениях с военным и морским ведомствами я находил поддержку у П. А. Пойдешь к нему, расскажешь о том, о другом. Он собирал нас у себя, военного министра, морского министра, о чем-нибудь договариваемся. Когда Столыпин исчез, исчезла возможность этими путями влиять. Коковцов относился к Сухомлинову в высшей степени отрицательно. Он его раньше знал, чем я, и, когда у меня была некоторая надежда, иллюзия относительно Сухомлинова (потому что он умный человек, знающий, с практическим опытом), то меня Коковцов с самого начала разочаровал и сказал: «Ведь это гусарский корнет, а в смысле военном легкомысленный человек».

Базили. Разве главная слабость в его жуирстве?

Гучков. Ему на все наплевать. Жизнь и успехи наверху. Все благополучие построил на том, чтобы завоевать душу государя, привлечь к себе, подлаживался к этим вкусам. Новые воинские части, перемена формы, забавлял государя, старался освободить государя от скуки выслушивать серьезный доклад, а какие-нибудь недочеты — не доводил до сведения государя. Мы чувствовали, что, если так

дальше будет идти... У нас была суеверная вера: 1915 год, 1916 год... Сведения, которые были из Германии (у меня были хорошие отношения с военным агентом в Берлине генералом Михельсоном и Занкевичем. Когда я за границей бывал, то их видел, либо когда они в Петербург приезжали, то бывали у меня), как росла там военная мощь, какие сроки были там установлены, когда нам приходилось это сравнивать с медленностью темпа у нас, то мы приходили в отчаяние.

Отчаяние нас так охватило, что в комиссии государственной обороны возникла такая мысль — не помню, от кого она исходила, я отстаивал это — чтобы сделать демонстрацию следующего характера: заявить в один прекрасный день в заседании Государственной думы, что мы слагаем с себя звание членов комиссии государственной обороны. Мы решили ударить по нервам, выступить с обвинительным актом, сказав, что народное представительство пришло с горячим сердцем на помощь делу государственной обороны и что нас постиг целый ряд неудач. Мы видим, что вся наша работа дает очень мало, что мы дальше нести ответственности не можем, и уходим. Требовался какой-то шок, скандал на весь мир. Мы потом отказались от этой мысли потому что, по-видимому, не получили бы единодушия, а если бы это все к тому свелось, что ушли бы люди неприятные на верхах, то сказали бы: вот и прекрасно...

Я считал главным препятствием Сухомлинова. Но как его было устранить? Просто критикой его деятельности? Чем резче критика в Государственной думе, тем проще, при ловкости Сухомлинова, можно было представить это дело так: его травят как человека, преданного делу государя. Во главе правительства был Коковцов. Я раз с ним говорил. Он был в отчаянии от деятельности военного министра.

Среда, 16 ноября 1932 г.

Гучков. Какие шансы были на благополучный исход [для] Временного правительства? Во-первых, один основной шанс. Он отпал одновременно с появлением Временного правительства — тогда, когда Временное правительство осталось без какой бы то ни было санкции сверху в смысле отсутствия монархического престижа и преемственности власти и в смысле отсутствия опоры снизу, когда не

было ни законодательных учреждений, ни опоры в организованном общественном мнении и настроении масс. Мы буквально повисли в воздухе: не было почвы и наверху не было исторического знамени. В тот момент, когда я убеждал государя отречься, я считал, что с маленьким Алексеем в качестве государя (и вообще с каким-то все-таки законным государем во главе) этой власти можно было спасти положение. Был не только символ, а была какая-то живая сила, которая имела в себе большое притяжение, для борьбы за которую можно было найти очень много людей, которые умерли бы за царя, даже маленького. [Иное дело —] за Временное правительство. Надо было обладать высоким разумом для того, чтобы через эту группу людей обычного склада прозревать Государство, Отечество, страну, довести себя до такого напряжения чтобы в них видеть и залог...

Базили. Я помню, мы с вами обсуждали этот вопрос. Присягать Временному правительству — ведь это же как раз то, что вы говорите.

Гучков. Я не радовался сам этим событиям, потому что я знал, как трудно среди этих бурь что-то новое создавать. У меня была надежда, что мы выполним нашу задачу, но при условии наличия монарха. И в тот момент, когда в Маленькой гостиной Михаил Александрович... Он вышел к нам... Он обдумал этот вопрос. Значит — нет. Значит гибель... Я сказал: «Я ухожу». Милюков настаивал чтобы [великий князь] принял... (Во мне не было [для этого сил], потому что я был монархистом раньше.) Я ему ставлю в заслугу, что в этот момент он сумел отместить свои симпатии в сторону и остаться на защиту [исторической власти].

Базили. Вы и Милюков были единственными лицами которые могли спасти положение. Судьба повернулась против вас. Тут моя просьба к вам, хотелось бы иметь все материалы, все объяснения, благодаря которым можно уяснить, почему унаследовав то наследство, которого вы не хотели, которое вы получили, потому что события изменили курс, события, которых вы не желали, и даже Милюков не желал, и вот вы все мужественно взялись за спасение этого корабля. Вы оставались верными той программе, которую поставили с самого начала вашей государственной деятельности Милюков же изменил, уклонившись вправо с той минуты, когда ответственность на него пала... Приказ № 1, в котором вы не ответственны, — вот та вещь которую мне хочется оттенить, тем более что я сидел у вас в кабинете после того как это произошло, и вы объяснили

мне, как это произошло. Одна из несправедливостей судьбы заключалась в том, что ваша вынужденная жертва — это в недостаточной степени известный пункт, и тут мне хочется в самой энергичной форме факты связать так, как они были, и я обращаюсь к первоисточникам. Какая ужасная была обстановка. Вы и Милюков с самого начала, я помню, мрачно смотрели на будущее.

Гучков. Хотя у него было меньше надежд, я всегда находил в нем гораздо более оптимизма, чем во мне. Это объясняется теми впечатлениями, в которых я жил и он жил. В этом ведомстве спокойном — иностранцы; мне [приходилось иметь дело] с бунтующими солдатами, а ему — с полными радужных надежд дипломатами. До меня все это доходило в виде словесных докладов, телеграмм, а он видел социалистов, у него были иллюзии, что этому «Ахерону» можно противопоставить средний класс интеллигенции. Когда предвиделось Учредительное собрание, он был исполнен надежды, что можно собрать государственно мыслящее собрание. Он говорил: никогда наши (кадетские. — *Ред.*) собрания не имели того успеха, как сейчас, — они переполнены. Кадеты были последним прибежищем. Ему казалось, что это есть показатель такого трезвого отношения окружающей интеллигенции, а на нее нельзя было положиться.

Базили. В нем должна была быть такая иллюзия. Вы пошли энергично на борьбу, несмотря на то, что у вас надежды было мало, но вы этот бой приняли...

Гучков. В ночь, когда я возвращался в Петербург из Пскова после отречения государя, в эту ночь, по-видимому, и обсуждался Приказ № 1 в особой комиссии при Солдатском и Рабочем Совете в составе Нахамкиса-Стеклова (он был секретарем этой комиссии). Так как в этот момент телеграфные сообщения, и в частности беспроволочный телеграф, находились в руках Советов солдатских депутатов то приказ сейчас же был разослан по всем фронтам. Узнал я о его существовании только на другой день. Первый день я был очень занят. На второй день после возвращения в Петербург я узнал, что там приказ состоялся, я тогда же видел. Я тотчас же протелеграфировал в Ставку об этом самовольном акте Совета, прося принять меры.

Какие меры мы в центре должны были принять? В то время мы строили нашу дальнейшую работу на попытках соглашения между Временным правительством и Советом Р. и С. депутатов. В серьезных случаях их делегации приходили даже в заседания Совета министров. В частности

Совет Р. и С. депутатов образовал ряд контактных комиссий, которые имели контроль за отдельными ведомствами. Такая комиссия была образована и в отношении военноморского министерства. Поэтому мне хотелось найти какой-нибудь способ убедить Совет Р. и С. депутатов этот шаг отменить. Отмена с моей стороны ничего не прибавляла, важно было, чтобы они сами от него отrekliсь.

Базили. Кто был членом контактной комиссии?

Гучков. Стеклов-Нахамкис, был какой-то прапорщик, был от флота какой-то инженер-механик... Человек пять, шесть. Тогда я их призвал к себе и сказал, что этот приказ принесет чрезвычайный вред, он окончательно разрушит армию, она перестанет быть опасной для врага внешнего и сделается опасной для внутреннего положения. Не думайте, что вы этим путем создадите послушную армию, вы создадите хаос, который отразится на всей стране. Я сказал, что если они думают этим приказом связать армию в пользу нового строя, то это повлечет за собой только вот эти последствия, а я ручаюсь, зная настроения, что армия орудием для реакционного переворота быть не может; задача ваша, чтобы этого не было. Этого и не будет, зато, если вы ее окончательно разложите, то она перестанет быть опасной для врага внешнего и станет опасной для населения. Они очень внимательно слушали меня. Я говорил очень убежденно, поэтому, вероятно, убедительно.

Для того чтобы иметь немножко больше представления, какие у них были настроения и какими мотивами они руководствовались, я пригласил на это собеседование одного молодого генерала, Потапова¹⁵ (раньше он был военным агентом в Корее), во время первых дней революции нашего какие-то связи с революционными кругами, и человека, который считался ими за человека с ними согласного, а я его знал еще раньше по бурской или по японской войне. Я его позвал и попросил, поскольку он был вхож в Совет Р. и С. депутатов, чтобы он разведал и объяснил, на кого там надавить. Беседа продолжалась довольно долго, затем я сказал им, что это вопрос довольно спешный. Я настаиваю, чтобы они новым приказом от их имени отменили свой первый приказ. Я тогда исчерпал все свои доводы и сказал, что предоставляю им некоторое время на обсуждение. Они остались у меня в кабинете, остался и Потапов там среди них. Затем они пригласили меня опять и сказали, что обсуждали этот вопрос и что они на мои условия о полной отмене согласиться не могут. Я думаю, что тут вопрос об их престиже играл роль. Говорят, вот что

мы можем сделать: мы можем издать приказ № 2, где будет указано, что те основы, которые преподаны в приказе № 1, имеют отношение только к тылу.

Потом Потапов мне рассказывал условия, в которых это обсуждалось в мое отсутствие. Оказывается, они со мной согласились и готовы были пойти на полную уступку. Кто очень горячо возражал — это Нахамкис. Вероятно, он уже и в то время был большевиком. Так что те доводы, которые я приводил, ему как раз и нужны были. [Требовался] хаос, чтобы боеспособность армии рухнула, потому что связь с немцами была. Как представитель крайних течений, он берет верх, и тогда у них была выработана эта формула «отменить по отношению к фронту, сохранить по отношению к тылу». Разумеется, меня это не удовлетворяло, потому что тыл тоже мог быть разложен и резкой линии между фронтом и тылом не было. Так что меня эта формула не удовлетворяла, но, с другой стороны, я думал, если я это не приму, тогда остается то, что было в силе.

Базили. Удар страшный по престижу Временного правительства.

Гучков. Первый приказ подписан был ими — военного министра не было. Я оповестил Ставку о том, что мы этот приказ не признаем. Мы могли, конечно, всенародно сказать, выступить возмущенно, но в то время мы не хотели рвать с Советом Р. и С. депутатов. Я все-таки колебался, идти ли на такой компромисс или нет. Идти на такой компромисс — это значит косвенно признать право Совета Р. и С. депутатов на какое-то вмешательство в военные дела, поэтому я сделал следующее. У меня была мысль, она сейчас же осуществилась. Я решил образовать при Военном министерстве особую комиссию, куда я предполагал давать на обсуждение все вопросы, которые бы шли снизу, хотел создать между военным министром и этой средой известное средостение. Во-первых, я выигрывал время, можно было воздействовать на эту среду успокоительно. Я вызвал генерала Поливанова и просил его взять на себя председательствование. Комиссия была образована по истечении часа-двух в небольшом составе; ряд офицеров, генералов, молодых полковников Генерального штаба по указанию Поливанова были приглашены, и первый вопрос, который был задан, — вопрос о примирительном предложении, выдвинутом контактной комиссией. Они единогласно решили, что надо выбирать меньшее зло и что нужно на это согласиться. Это произошло в следующих условиях. Был (тоже от имени раб. и солдатских депутатов) издан Приказ № 2,

где было указано, что Приказ № 1 относится к тылу, и там была фраза, что это толкование принято по соглашению с военным министром. Подписи моей там не было, но это отвечало действительности.

Теперь я до сих пор не знаю, если бы можно было рвать окончательно с Советами, то, я думаю, если бы я даже пошел этим путем, меня бы мои коллеги [едва ли] поддержали. Надо было рвать с ними во время Временного правительства. Это было через два дня после объявления Временного правительства, еще положение бурное, взбудораженный гарнизон. Без той попытки, которую я делал, привести гарнизон в порядок, разрыв с Советами кончился бы анархией, хаосом и гражданской войной. Поэтому я до сих пор не знаю, правильно ли это было или нет — идти на такой компромисс.

Базили. Я помню, вы говорили, что с этим вопросом была связана судьба Временного правительства. Вы говорили: надо на эту уступку идти, а затем стараться починить все зло, сделанное этим мерами, а против этих мер я выступить не мог, потому что сам бы не удержался.

Гучков. Приказы эти вредны не сами по себе, а как симптом и первые предвестники целой работы по разложению армии, которая пошла потом.

Базили. Вы его не вписывали? Было индоссирование или нет?

Гучков. Нет.

Базили. Вы формально руки не приложили к этому?

Гучков. Нет.

Базили. Вы только терпели ссылку на соглашение. Как он (Приказ № 1. — *Ред.*) сам возник? Тут существует версия, что он был привезен в Россию.

Гучков. Потом я узнал, что он был привезен. Он происхождения кинтальского.

Базили. Циммервальд.

Гучков. Были два съезда, которые устанавливали общую стратегию выступления крайних партий, Циммервальдский и Кинтальский. Мне Милюков указывал на то, что будто бы меры к разложению армии обсуждались и приняты были там, и при таких условиях можно думать, что это произошло при германском участии.

Базили. Тут указывают на какого-то немца, который тогда приехал и сотрудничал.

Гучков. Имейте в виду — это первый же день. Так что, если кто-нибудь приехал — значит, раньше. Скорее всего, я получил убеждение, что это был готовый документ, со-

ставленный в условиях иностранных, заграничных и при участии таких, которые знали.

Базили. В Циммервальде подробно обсуждалось, как социалистические партии разных стран должны уничтожить возможность национальным армиям защищать буржуазный строй как вообще овладеть армиями. И вот этот Приказ пошел по всей армии. Не было ли еще одного факта, что этот Приказ № 1 фактически уже прошел в армию, когда вы с этим делом столкнулись. Он был разослан, я думаю, раньше, чем вы знали о его существовании.

Гучков. Он прошел потому, что аппарат сношений с фронтом был в их руках. Вы знаете, что до конца существования первой стадии Временного правительства оно так и не могло добиться свободного права распоряжения этим телеграфом. Люди сидели там от Совета Р. и С. депутатов. Мы могли сношаться по этому телеграфу только под их контролем.

Базили. Этим приказом вводилось изменение дисциплины и образование комитетов — вот два главных тезиса.

Гучков. Началось выработкой положения о Комитете. Ставка выработала свой проект. Нам приходилось решать вопрос: вводить ли комитеты или нет, а где не было авторитета командного состава, там эти комитеты уже возникли. Вопрос шел о том, в состоянии ли мы закрыть существующие комитеты. Тогда мысль была легализовать их, но ввести в рамки солдатских экономических вопросов, резко ограничить их претензии на вмешательство в пределах быта.

Базили. Это удалось.

Гучков. Положение удалось провести, и затем там, где командный состав сумел их приручить, комитеты не всегда играли плохую роль. Лучше бы их не было, но была мысль о том, что это совершившийся факт. Оставалось только одно: прибрать их к рукам, чтобы они не были чисто революционными, по возможности обезвредить. Некоторые из командного состава пошли очень далеко. Колчак, который очень умел к себе привязать, он как раз комитетам воспользовался для этого. Путем известного давления он ввел в состав комитета своих людей, так что они были представителями интересов матросских масс, но скорее его скрытыми агентами по внедрению успокоения и известных правил дисциплины.

Базили. Удивительное явление, что Черноморский флот был в порядке, а Балтийский в полном беспорядке.

Гучков. Это объясняется тем, что в Балтийский флот

взрыв сейчас же передался, командный состав растерялся, и быстро возникли революционные эксцессы. С самого начала они вырыли известную яму. Кронштадт окопался и был самостоятельной республикой. Там были арестованы морские офицеры, мы не могли их освободить. Там было революционное гнездо, которое распространяло свою заразу повсюду. Черноморский флот был географически отдален, это дало командному составу возможность подготовиться. А затем совершенно исключительная личность адмирала Колчака: он с самого начала понял фатальность этой войны, как-то личным соприкосновением с матросскими массами внушил им доверие к себе в том смысле, что он не представитель реакционных течений, желающих повернуть назад. Он быстро признал новое положение вещей, очень охотно пошел на бытовые изменения в матросской среде и чрезвычайно быстро получил доверие матросских масс. Этим он так долго держался. Он сделал ряд других уступок второстепенного характера, не выпуская из рук основ, этим сразу вселив доверие к себе. А в Балтийском флоте был невероятный хаос. Не было никого, кто в своих руках объединил бы все: ряд убийств вывел из строя выдающихся людей, остальное было второстепенно. Были случаи большой демагогии со стороны командного состава, особенно адмиралов Максимова и Кедрова, который имел особое наблюдение за Балтийским флотом... *(Разговоры просят не заносить в стенограмму.)*

Розыски морского министра. Я лично остановился бы на Колчаке. Я Колчака высоко ценил как моряка, как администратора. С самого начала я подумал, что без гражданской войны и контрреволюции мы не обойдемся, и в числе лиц, которые могли бы возглавить движение, мог быть Колчак. Я думал и о Гурко, об Алексееве, но меньше, а Колчак представился мне подходящей фигурой, но я боялся его взять с Черного моря потому, что первые дни он там овладел положением. Поэтому если вызвать его в Петербург, то мы потеряли бы [достигнутое там]. Тогда я посоветовался с Савичем, и мы решили с ним пойти посоветоваться с адмиралом Григоровичем, который был одним из немногих министров, еще не арестованных. Он меня не жаловал, потому что я не был сторонником его назначения. Когда ушел Воеводский, была борьба за это, мой кандидат был князь Ливен.

Так вот, мы отправились к Григоровичу, он сидел в Морском министерстве, его не трогали. Я ему объяснил положение и говорю: «Помогите мне найти самого подходя-

шего моряка, какой только у нас есть». Помню как сейчас, он взял маленькую толстую книжку чинов морского ведомства, и мы втроем просто пошли по списку, он все браковал, особенно старших, и в конце концов получилось три у нас: Колчак, Кедров, молодой адмирал из капитанов I ранга, третий был адмирал Бахирев, которого я мало знал. Когда мы этот список составили, надо было выбрать одного, было колебание между Кедровым и Колчаком, и только вот это соображение, что он совладал на юге и как бы его уход оттуда не повел к развалу здесь, заставило остановиться на Кедрове. Он согласился, был вызван. Вот [что получилось], по оценке Григоровича, который знал [командный] состав, причем, надо сказать, Григорович ни Колчака, ни Кедрова не жаловал и старался быть объективным.

Вот, значит, лучший, какой только был, адмирал. Он и стал во главе Морского министерства. Я расходился только с Кедровым: он стоял за уступки, я за большой отпор. У нас было раз резкое столкновение по вопросу о погонах. Что касается моряков, там резче была оппозиция против погон, и были случаи, когда команды целых судов сами сняли погоны. Кедров говорил, что нужно это узаконить, чтобы не было борьбы. Было решено упразднить погоны во флоте, причем Кедров ссылался на то, что в зарубежных флотах допускается отсутствие погон во флоте только в особых случаях. Разошлись мы с ним в том, что он настаивал, чтобы это была общая мера, которая распространялась бы не только во флоте, но и на армию. Это была ошибка, потому что если мы на флоте не брались сохранить (если бы пытались сохранить, вызвали бы целую систему столкновений), то в армии этот вопрос не был такой острый, во всяком случае такие требования были в тылу. Мы могли сохранить, и мы сохранили.

Базили. Есть другой вопрос чрезвычайно важный. Каким образом произошла замена Алексея Михаилом? Отдельный эпизод.

Гучков. Пока могу только сказать, у государя было принято решение, поэтому, когда я ему излагал доводы, он сказал: «Я об этом думал, я решил...» И тут же добавил: «Но я не могу расстаться с сыном и не могу отречься в пользу него, я решил отречься в пользу брата Михаила». Шульгин и я пробовали возразить, но впечатление у нас сложилось, что наши доводы не производят никакого впечатления и что, согласимся мы или нет, государь все это сделает, потому что у него решение это было окончательное.

Базили. После разговора с Боткиным...

Гучков. Это решение мне не очень понравилось, но я не учел, я не мог себе представить, чтобы Михаил мог отречься — это не входило во все комбинации, какие у меня проносились через голову. Я этого не допускал, я просто учитывал, что лучше было бы Алексея, Михаил (это было ясно) не есть настоящая царственная фигура. Ему могли поставить в виду подчинение известным влияниям, отсутствие представительности, блеска царского. Я считал, что эта комбинация слабее, чем та, которую мы предложили, но не представлял себе, что эта комбинация могла кончиться отказом его принять корону. Мы ему дали текст, а у него был готов свой.

Вторник, 22 ноября 1932 г.

Гучков. Потапов участвовал в этой комиссии. Я очень долго и, казалось, убедительно говорил этим господам: не думайте, что армия в таком виде, как она сейчас, может сделаться орудием для переворота в смысле восстановления старого строя. Она лояльно будет выполнять свой долг в отношении России, а ваша работа по разложению сделает армию каким-то сбродом, очень опасным. Пугал солдатской анархией, просто диким разгулом вооруженных людей, которые одинаково будут опасны и для людей старого режима и для них. По тем замечаниям, которые они делали, я увидел, что есть надежда убедить их принять мою точку зрения. Я им сказал, что я им даю подумать, посоветоваться, но что мне нужен ответ. Я пошел в другую комнату, оставив их в кабинете с тем, чтобы меня пригласили. Они имели несколько сконфуженный вид, я не заметил какой-либо особой arrogance. Они говорят, что не могут взять [назад] целиком Приказ, но соглашаются издать второй Приказ, где они соглашаются, что Приказ № 1 имеет отношение к тылу.

От Потапова я узнал, что в их среде прения были горячие; большинство убедилось моими доводами и готово было идти на отмену, но соблюдая лицо, чтобы не конфузиться перед массами, но Стеклов очень резко возражал и в конце концов он своим упорством взял верх, и тогда, чтобы получить единогласие, они остановились на этом компромиссе, который мне предложили. Компромисс этот казался мне сомнительным. С одной стороны, были как будто по-

ложительные черты — то, что они идут на уступки и отменяют только что ими сделанное. Тогда определенно можно было на фронте отстаивать еще дисциплину и не допускать Приказ № 1 как средство агитации в солдатских массах. Все это так, но, с другой стороны, то, что Приказ № 2 был по соглашению с Временным правительством, это, конечно, как будто санкционировало положение Совета Р. и С. депутатов — это я сразу учел. Я был в нерешительности — какая сторона превалирует. С другой стороны, если не идти на соглашение, то Приказ остается как был.

Базили. Если бы вы сказали: мы не признаем... Мог бы быть разрыв с солдатскими депутатами?

Гучков. Моим распоряжением по фронтам было указано, что это самовольный шаг. Я послал такую вещь в Ставку, и это было распространено, и Алексеев мне сообщил, что меры были приняты. Тогда я подумал передать этот вопрос на обсуждение комиссии. Я образовал комиссию реформ при Военном министерстве. Во главе стоял генерал Поливанов, входило несколько офицеров Генштаба от разных управлений, потом она пополнилась представителями с фронтов. От фронтов были посланы представители главных командующих. На этом совещании я не участвовал потому, что был занят другими делами, но знаю, что единогласно они пришли к заключению, что, хотя у этого компромисса есть отрицательные стороны, но лучше дать на него согласие. Тогда появился Приказ № 2, но с фразой, что это делается по соглашению с военным министром, что Приказ № 1 относится только к тылу, что он не относится к Действующей армии.

Базили. Были посланы какие-либо делегаты от Совета?

Гучков. Они несколько раз пытались послать с моего разрешения. Тут я был непреклонен. Вероятно, самовольные поездки были. Помню, у меня было одно столкновение с кронштадтской депутацией, которая приехала по вопросу о комитетах. Приехала ко мне матросская депутация, очень настойчиво требовали разрешения, а я отказал, и поездка не состоялась. Я не слыхал, чтобы были официальные поездки делегатов от Совета Рабочих и Солдатских депутатов, не помню ни одного случая, но, вероятно, агитация шла. Как ни вреден был Приказ № 1, но, если бы мы были в силах принять ряд мер к прекращению той агитации, которая велась, можно было бы последствия довольно быстро ликвидировать. Но, к сожалению, этого нельзя было сделать: вопрос об аресте таких людей не мог быть поднят потому, что это знаменовало бы собой разрыв с Советом. Я

думал, что без этого разрыва мы не обойдемся, но я хотел дать им бой тогда, когда у нас будут к этому силы. Так просто ликвидировать, арестовать их в то время, когда мы в порядке расхождения, — неизвестно, кто физически взял бы верх. Весь гарнизон был в их руках, и они могли ликвидировать все Временное правительство. Они создали бы анархию.

Базили. Мы тогда говорили, что это нежелательное явление, что нужно стараться выиграть время для укрепления власти, авось удастся ликвидировать Совет Рабочих и Солдатских депутатов.

Гучков. Был вызван после Корнилов, мне казалось, что он наиболее подходящий. Я думал о Крымове, но Крымов наотрез отказался — не хотел расставаться со своей казачьей дивизией, а потом, Крымов с некоторой иерархией считался, он был молодым генералом, так что назначение командующим войсками было бы встречено очень недружелюбно военными кругами, а так как он был очень резкий человек, у Крымова в первые же дни создалась репутация врага революции и представителя контрреволюции. Все это мешало его назначению. Когда Корнилов был приглашен, я объяснил ему, в чем его задача, объяснил, что главная задача — создать военную опору для Временного правительства. Временное правительство было совершенно беззащитно, на воинские части расчета не было; они были настроены революционно, а те, которые настроены более спокойно, на них нельзя было рассчитывать для отпора. Так что если бы была попытка свергнуть правительство, то охотников нашлось бы много.

Корнилову была поставлена задача привести в порядок петербургский гарнизон, даны неограниченные полномочия в смысле личных назначений, и так как офицерский и вышший командный состав были чрезвычайно слабы, то разрешено с фронта приглашать тех лиц, которых он найдет нужным; были отпущены неограниченные денежные кредиты, чтобы организовать пропаганду своей стороны в этом гарнизоне. Ознакомившись с состоянием гарнизона, особенно с офицерским командным составом, он говорил: если бы моей задачей было создать революционный гарнизон, я поступил бы так, как делали мои предшественники. Гарнизон почти 100 тысяч человек, а затем [еще те,] кто пришел из окрестностей, — [всего] 125 тысяч более или менее живших в праздности, потому что интенсивных задач, которые представляют из себя здоровую атмосферу, [войскам] не было [поставлено]. Невероятная скученность,

нары в два-три этажа, очень слабый унтер-офицерский состав слабый надзор — поэтому пропаганда.

В офицерском составе имелись очень доблестные лица — офицеры, после фронта, ранений, болезни командированные в Петербург в свои части, они входили в состав соответственных батальонов, полков. Эти офицеры, либо больные, либо раненые, сравнительно недавно попавшие [в гарнизон], не знали людей, люди их не знали. Сам по себе это был доблестный элемент, но не имевший знаний. Имелся и совсем слабый элемент из офицеров, которые не рвались на фронт, а ограничивались должностями в тылу. При таких условиях Корнилов говорил, что чрезвычайно слабый состав. Он мне тоже не раз говорил, что в тех частях где происходили эксцессы, они всегда почти неизменно натывались на то, что это происходило либо по прямой вине офицеров, либо по известному попустительству с их стороны. На фронте появилась так называемая офицерская демагогия: на подыгрывании солдатским настроениям самим попасть куда-то наверх.

Базили. Помните Верховского? Верховский играл большую роль — типичный авантюрист был.

Гучков. Он не был сторонником революции, а был профитером революции. Ему казалось, что можно не мелкий свой карьеризм [удовлетворить, а] сыграть большую роль. Ему казалось, что если он к этой революционной стихии подойдет, то сумеет ее вовремя захватить и на этой волне продвинуться.

Базили. Очень отрицательное впечатление произвел.

Гучков. Мне казалось, у него были некоторые черты вырождения, какие-то симптомы отсутствия равновесия он был способен s'emballer [его могло занести. — *Ред.*].

Базили. Какую он играл роль? Он был постоянным посетителем Совета Раб. и Солд. депутатов, и им там дорожили. Там они почувствовали: свой человек, и он как будто брался на них действовать. Он был в роли посредника Совета в армии; кажется, с Керенским близок.

Гучков. Я его с самого начала учел. Приходилось его терпеть. Но я не имел в виду им пользоваться для каких-либо больших работ. Точно так же там кроме него появилась группа «младотурок» — Половцев, Туманов, Туган-Барановский. Они умнее и более приличны, с более чистыми задачами, потому что я не видел, чтобы у них была личная цель. Но это роль посредников, старавшихся перебросить мост, [чтобы связать] высшее командование, правительство и требования, которые шли от традиции страны

с одной стороны, с новыми требованиями, революционными идеями, стихией — с другой стороны.

Базили. Половцев ведь был помощником?

Гучков. Должность, которую он занимал, — начальник «дикой дивизии». Должен сказать, что я ни одному из «младотурок» никакой должности и повышения им не дал.

Базили. Вы держались за старый состав, удалив только несколько лиц, которые являлись препятствием для успокоения умов.

Гучков. Я удалял тех, которые были технически непригодны. Я чувствовал, что при Военном и морском министерстве с этой необходимостью постоянных приемов очень много времени уходило на такие приходящие извне задачи и что для того, чтобы техническая сторона не страдала от этого, нужно несколько децентрализовать работу министерства. И я провел реформу в том смысле, что было назначено три помощника военного министра. Между этими тремя помощниками были распределены все главные управления, так что все текущие дела заканчивались докладами у моих помощников. Таким образом, трудность найти меня не отражалась на нормальной работе всего аппарата. Если вопрос, по мнению помощника министра выходил из рамок его компетенции, он шел ко мне.

Маниковскому были поручены технические главные управления (артиллерийское, инженерное, интендантское, Вторым помощником был генерал Новицкий. Это назначение я сделал неудачно. Он хороший военный писатель, талантливый военный, оказавшийся вполне хорошим и на фронте в боевых действиях, но человек слабой воли, большого честолюбия и в общем немножко покладистый в убеждениях и в отношениях к людям, человек очень применявшийся к обстановке и поэтому не очень надежный. Слишком гибкий, у него были наклонности к военной демагогии: потворством революционным течениям закрепить себя и подняться. Оставался ряд главных управлений — военно-учебная часть, военно-судная. Новицкому было подчинено все, что касается стратегии и личного состава, Главное управление Генерального штаба и Главный штаб, а третьему оставалось подчинить военно-учебные заведения и военно-судную часть. Я взял человека, которого я и нашел, — это был генерал Филатьев. Он остался начальником канцелярии. Это были три докладчика, с которыми мне приходилось иметь дело.

Базили. Заседание Временного правительства, на котором Корнилов предложил ликвидировать большевиков. Что

вы по этому поводу помните? Как постепенно подходили к тому, чтобы принимать энергичные репрессивные меры против большевистской пропаганды? В результате было сделано предложение, которое провалилось.

Гучков. Корнилов попытался если не оздоровить гарнизон, то создать в нем какие-то надежные части, надежные элементы, на которые, если потребуется, можно было бы опираться даже при вооруженном столкновении. Он и я, мы были связаны обязательством Временного правительства, заключенным до образования правительства, — пактом о невыводе частей петербургского гарнизона из Петербурга. Было это сделано без меня в ту ночь, когда я был в Пскове. Когда я вернулся и Милюков мне показал, я тогда сказал, что это лишает нас всякой возможности бороться. Оно понятно: петербургский гарнизон, который считал, что он своими революционными выступлениями завоевал новый порядок, будет очень дорожить этой возможностью, будет сидеть в Петербурге, пользоваться всеми благами и держать нас в плену, а мы лишаемся права делать какие-нибудь перемены. Введение в Петербург новых частей не допускалось, вывод частей Петербургского гарнизона куда-нибудь на фронт тоже был бы нарушением, и задача была в том, чтобы незаметно инфильтрировать здоровый элемент командного состава. Этим усиленно занялся Корнилов и кое-какого успеха достиг. Более слабые люди были устранены, крепкие назначены в более здоровые части, казачьи части, части артиллерии, училищ, потому что из-за них тоже приходилось вести борьбу.

Так вот, его задача была образовать такие отдельные части, на которые в случае чего можно было бы опереться. Все это шло очень медленно и малоуспешно. Помню те цифры, которые Корнилов называл, когда приближался на очередь вопрос о вооруженном столкновении, в момент демонстрации конца апреля, 23—24-го, когда толпы рабочих и солдат ходили по Петербургу и кричали: «Долой буржуазное правительство», «Долой Милюкова и Гучкова». Это принимало довольно грозный характер, и тогда мы с Корниловым обсуждали, какими располагаем силами, чтобы дать отпор в случае вооруженного столкновения, и пришли к заключению, что в нашем распоряжении имеется всего 31½ тысячи человек против 100 000 человек. Правда — это в одних руках, а то толпа, и, конечно, офицерство было в тех частях. Но многие из них не участвовали, а остальные были бы убиты. Так что разгромить этот революционный гарнизон такими силами мы не могли бы.

но отстоять против него существование правительства или какое-нибудь здание могли.

Когда эта манифестация апрельская принимала все более грозный вид, у меня состоялось заседание Временного правительства, где я доложил положение дел и очень спокойно заявил, что за существование самого правительства можно поручиться, потому что в нашем распоряжении имеется $3\frac{1}{2}$ тысячи человек вполне надежных, что мы не предполагаем самим перейти в наступление потому, что, может быть, это движение уляжется, а пролитая кровь может вызвать волнения, но что, если будет вооруженное вторжение — мы даем вооруженный отпор. Общее молчание — только встал Коновалов¹⁶. Коновалов подошел ко мне и громко говорит: «Александр Иванович, я вас предупреждаю, что первая пролитая кровь — и я уйду в отставку». Подошел Терещенко и сказал то же самое. А я все говорил — мы не нападаем, а на нас нападают. Тут несколько десятков юнкеров, если бы я им приказал стрелять...

Я потом вспоминал, мне приходилось быть при последних вспышках спартакизма в Германии, был в одном ресторане, завтракал, недалеко от рейхстага, и услышал трескотню ружейную и пулемет. Я и другие вышли, потом выяснилось, что толпа невооруженная шла с манифестацией к рейхстагу. Там в силу закона известный район вокруг рейхстага считается запретным, и там не допускаются никакие манифестации, и их полиция остановила, а они приказанию полиции не подчинились и пошли дальше. Но невооруженная толпа. И когда они приблизились к рейхстагу, то по распоряжению военного министра вышла довольно значительная охрана с пулеметом и открыла по этой толпе огонь. Около ста человек было убито. Толпа разбежалась. Прервалось заседание рейхстага, члены стояли у окон и смотрели на стрельбу, и, когда возобновилось заседание, Носке с кафедры заявил очень энергично, что он распорядился открыть огонь, что манифестация прекращена, и ему сделали чрезвычайно восторженную овацию немецкие социалисты.

...Я посмотрел на остальных и получил впечатление, что один человек не пошел бы в отставку — Милюков, а другие пошли бы в отставку.

Базили. Как вы объясняете психологию этих людей?

Гучков. По-разному. У меня от соприкосновения с кн. Львовым получилось впечатление, что он неисправимый непротивленец, он крепко верил, что все это стихийное

само собой уляжется, что известные добрые качества, здравый смысл заложен в русской народной массе, что он в конце концов возьмет верх, эксцессы связаны с бурным весенним потоком, а потом спокойно потечет. Что касается других я не знаю, было ли у них такое мирозерцание. [И то и] другое — просто физическая трусость. Вот если бы кто другой подавил движение... но сами участвовать в этом, принимать на себя ответственность! Нет, себя они покрыли бы тем, что отреклись от Корнилова, от меня от Милюкова, от всех тех, кто либо дали бы распоряжение подавить движение, либо одобряли, санкционировали.

Я помню эту сцену, она подготовлялась, но это окончательно сломило меня: я увидел, что те задачи, которые перед нами выросли, — необходимость войны, контрреволюции, гражданской войны, — что они в сообществе с этим составом правительства невозможны. Данный состав Временного правительства не только не помог бы, но лишил бы эту власть доверия. Сейчас же это было бы понято как контрреволюция. Буржуазные элементы отреклись бы, значит, это пахнет контрреволюцией. Я не был уверен, не будет ли это опасным провокационным актом, сигналом к общему развалу.

Базили. Предположим, был бы дан отпор и кончилось анархией. Мы могли одержать верх, если бы дали решительный бой. Это вообще был бы заговор, не скажу против существующего официально строя, но против того политического уклада, который сложился.

Гучков. Весь план мой заключался в том, чтобы ликвидировать Совет Рабочих и Солдатских депутатов. Я думал, что, если бы нам удалось образовать единую, свободную, ответственную перед самой собой, а не перед другими, твердую правительственную власть, то даже при всей разрухе, которая охватывала и страну и фронт, шансы навести порядок были. Надо было какое-то очень кровавое действие, расправа должна была быть. Вот как-то позднее мы с Милюковым вспоминали. Он говорит: «Александр Иванович, я вас в одном обвиняю, почему вы не арестовали Временное правительство?» Я мог бы арестовать их, но я не знал, как к этому отнесется страна.

Этими демонстрациями в конце апреля выяснилось: в Совете Раб. и Солдат. депутатов поняли, что захват власти для них не будет так легок, как они полагали. Поэтому через два-три дня после этого Совет обратился в правительство с требованием, чтобы права командующего войсками Петербургского округа по вызову войск были бы связаны

разрешением и согласием какой-нибудь делегации от Совета. Их мысль была, чтобы некоторое количество, 2—3 человека, было бы ими делегировано в состав штаба Петербургского военного округа, чтобы всякое распоряжение главнокомандующего о вызове и употреблении войск принималось бы при контрассигнировании приказа. Я отвечал что я на это не согласен, настаивал, чтобы от этого отказаться.

Мы отказались. Но поразительна одна черта: это то, что Корнилов, при всех своих качествах, меня уговаривал согласиться на это. Видите, такие умные люди не разбирались в этом деле, искали выходов в сторону какого-то соглашения, примирения, пытались отсрочивать момент столкновения. Это очень характерно. Он очень настаивал на том, чтобы согласиться, считая, что сумеет стовориться с лицами, которые командированы. Я был против этого, считая, что это была бы лишь капитуляция, а затем это просто материально и физически связало бы нас. Эта военная демонстрация против Временного правительства, она тогда же и произошла. Велась очень зажигательная пропаганда — это был период, когда Ленин произносил речи в доме Кшесинской, и это производило такое разлагающее влияние на армию, на войска в Петрограде, что было тогда предположение произвести нападение. Я подробностей не помню...

Базили. Я помню, как мы поехали втроем...

Гучков. Это когда было?

Базили. За день-два до вашей отставки. Вы считали, что это последний шанс.

Гучков. У меня крепко сидела еще мысль, что до тех пор, пока мы не добьемся единого правительства, пока будет продолжаться эта двойственность (Совет Р. и С. депутатов, который посылает распоряжения по своему усмотрению), — до тех пор мы не сладим с нашими задачами, не приведем в порядок ни страну, ни армию. Мне этот вопрос о перевороте представлялся совершенно ясно.

Базили. Мысль арестовать большевиков — прежде всего нужно было взяться за вожаков крайнего крыла. Так что это было кульминационным пунктом в вашем старании спасти Временное правительство.

Гучков. Это была последняя попытка. И когда я убедился, что как ни велики затруднения, но они преодолимы, а непреодолимо одно препятствие — в виде определенного отказа большинства Временного правительства от резких мер борьбы — тогда моя миссия кончилась. Я не отказы-

вался вообще от работы, но мне казалось, что надо из центра перенести работу на фронт. Может быть, там несколько подготовить какие-нибудь здоровые части, с которыми можно было бы предпринять поход на Петербург для его оздоровления. Я с самого начала пришел к этой идее, которую потом неудачно развил Корнилов.

Базили. Что вы сделали после своего ухода?

Гучков. После ухода я вернулся на прежнюю должность. В соприкосновении с военным ведомством имелась возможность общаться с фронтом, ездить туда. Затем не по моей инициативе, а по инициативе Путилова образовался негласно комитет из представителей банков и страховых обществ. Чтобы оправдать официально свое существование, он назвал себя Обществом экономического возрождения России. На самом деле задача была собрать крупные средства для того, чтобы в случае выборов в Учредительное собрание помогать выбору умеренно-буржуазных элементов, и, главным образом, работа на фронт. Вся эта финансовая работа заключалась в том, что, собрав крупные средства, мы их передали в распоряжение Корнилова. Это давало возможность мне с ним общаться. Он делал большую работу, разная пропаганда, литература, объезды офицерами и нижними чинами фронта и просто разные подарки, которые делались частям, солдатам от имени командующего армией для того, чтобы поднять его личный престиж. Это делалось за счет тех средств, которые мы ему отпускали.

За несколько дней до переворота (то есть выступления Корнилова. — *Ред.*) я поехал на фронт; переворот меня застал около Риги. Оставался за меня Путилов. Приехал какой-то полковник от Корнилова, ему были вручены некоторые средства, и он их повез туда. Характерна неудача Корнилова. Я тоже убежден, что военное командование в согласии и союзе с правительством еще имело шансы захватить власть, а как только между ними образовался антагонизм, так [все] и рухнуло. Ведь Корнилов имел поддержку, а как только увидел, что поддержка изменила, он смалодушничал.

Базили. Если бы Корнилов тогда не смалодушничал, если бы он пошел и дошел, что произошло бы?

Гучков. Трудно сказать, я не уверен. Они просто остановились, один по малодушию низкого калибра, другой по некоторой нерешительности — выполню ли я эту задачу... Вдруг провал, гражданская война — и в то время, как фронт у нас. Не воспользовались бы немцы... У Корнилова были не личные соображения.

Базили. Вы помните что-либо по вопросу о выезде за границу Николая II?

Гучков. Это было совершенно без меня. Я мало был в Петербурге. Когда я возвращался, меня осведомляли.

Базили. Милюков и Керенский...

Гучков. Я помню одно — мысль о том, что надо принять очень тщательные меры для того, чтобы обеспечить безопасность царской семьи, — это нас очень занимало. Я считал, что [если предпринять] сколько-нибудь открытый их вывоз, то могут узнать какие-то воинские части, может быть попытка захвата их, это было столь грозно, что заставляло нас очень задуматься, потому что окружить царскую семью такой воинской частью, которая дала бы отпор таким попыткам, — мы не были уверены, в состоянии ли мы будем найти таких, и выезд мог быть только при условии тайны. Надо было симулировать как бы бегство царской семьи. Можно было бы организовать технически...

Базили. Следующий раз вернемся к коренному вопросу.

Понедельник 26 декабря 1932 г.

Базили. Вы говорили, как у вас с властью наладились отношения. Ваши отношения со Столыпиным, ваша деятельность в военной комиссии Государственной думы, как в этой комиссии вы выступили против неправильного использования великих князей в рамках армии, как вы добились известных реформ в военном управлении... Государь, очевидно, ощущал в связи с этим неприятные чувства, потому что армия — его личная территория; Гучков в этом главный виновник.

Гучков. С тех пор создалась легенда насчет младотурчества. Мы остановились на периоде III Думы, и мы еще не перешагнули в IV. Один маленький эпизод: как следили, старались изловить. Канцелярию комиссии государственной обороны мне приходилось формировать. Я подумал, что тот состав канцелярского персонала, который мы имели в Думе, — это были молодые люди из Государственной канцелярии. Они очень хорошие, надежные, с литературными и канцелярскими качествами, но у них не было специальных технических знаний по военной части, и состав комиссии был тоже гражданский. Были среди нас военные элементы, которые давно отстали от военных дел, капитан II ранга князь Шаховской¹⁷ и т. д. Это все были военные, но

давно ушедшие со службы. Так как нам приходилось изучать много технических вопросов, я боялся, что к наивности членов комиссии присоединится незнание дела самой канцелярией. И нам придется много «гаффа» наделать (дать поводы для пересудов. — *Ред.*).

Поэтому я думал, что полезно привлечь военных канцеляристов; обратившись к начальнику Главного штаба, я просил его рекомендовать кого-нибудь. Через некоторое время я получил записку, что он рекомендует капитана Михайлова, который кончил Академию и был все время в канцелярии Куропаткина и т. д. И обременен семейством. Я его вызвал. Рекомендация была хорошая. Так вот когда уже начали обостряться отношения между комиссией и Военным министерством (со стороны государя было явно недоброжелательное отношение к комиссии, к ее работе), то я узнал, что Михайлов приставлен к комиссии, ко мне в качестве соглядатая. Он знал о существовании кружка ген. Гурко. Когда поступал к нам какой-либо законопроект, то я писал: «Пошлите столько-то экземпляров генералу Гурко», и он несколько раз говорил мне очень настойчиво: «Ведь я мог бы быть полезен и там, может быть, вы пригласите меня». Но я это отклонил. Через некоторое время я узнал, что им составлен обстоятельный донос, потом повторившийся, где говорилось о создании в армии такого кружка, который должен готовить антимоноархические течения, а может быть и действия, в самой армии.

Затем я узнал, что этого Михайлова приглашают к себе крайние правые, что он вошел в переговоры с Марковым 2-м и Пуришкевичем, а затем произошел следующий эпизод. Я не хотел из этого, что называется, делать историю, но вышло так, что Михайлов оказался как канцелярист никуда не годным, плохо писал доклады, был ленив и хамски груб со своими подчиненными. Помню эпизоды его хамского отношения. Я его вызвал (в то время я был председателем Гос. думы) и говорю: «Имейте в виду, что вы у нас больше не будете. Вы ленивы, неаккуратны, ваши доклады очень неудовлетворительны. Я не желаю портить вашу карьеру, поэтому я вас не удаляю своей властью, а только предупреждаю, что даю такой срок. Найдите себе какие-нибудь занятия, но вы не должны остаться». Из этого разыгралась целая история, потому что он побежал к Маркову и к Пуришкевичу. Но я был непреклонен.

Вдруг приезжает ко мне один из высших чинов Главного управления Генерального штаба из разведывательного отделения и говорит мне: «У вас служит капитан Михай-

лов?» Как выясняется, он под подозрением, что он разные секретные сведения, которые получает у нас, продает одной иностранной державе. «Есть у вас какие доказательства?» — «Доказательств нет, но он у нас сильно под подозрением». Это усилило мою решимость, и я его еще раз вызвал и сказал: «С завтрашнего дня я вас увольняю в отпуск». Одна подробность меня успокаивала, что когда он поступил на службу к нам, то произошло некоторое междоусобице, он из Главного штаба еще не был отчислен и у нас не был зачислен — так не получал жалованья. Он пришел как-то ко мне и просил, чтобы я ему помог. Я ему дал несколько сот рублей. Меня успокаивала мысль, что он мне не отдавал. Будь он шпион — он бы отдал.

Затем началась война, и я обслуживал в Красном Кресте 2-ю армию Самсонова. Приезжаю в штаб, мне командующий армией Смирнов говорит: «К нам назначен новый офицер, некто капитан Михайлов. Ссылается на то, что он был в Государственной думе и что вы его знаете» — «Знаю, но вот с какой стороны». Смирнов говорит: «Я ему предложил туда, а он отказывается и говорит: "Нет я бы не хотел в оперативную часть"». Это характерно: какая шла работа по созданию атмосферы недоверия. К Сухомлинову он тоже бегал. Когда приходится объяснять, как у государя отношение менялось, я должен сказать, что шла упорная работа. И пользовались такими лицами как Михайлов.

Базили. В распутинщине какую вы заняли роль?

Гучков. В числе лиц, которые сменяли друг друга в звании придворных мистиков, были другие, затем появился Распутин. Конечно, это было неприятно, потому что это компрометировало верховную власть, но я не отдавал себе отчета, насколько это явление из области мистики, из области личной жизни перескакивало в области общественную, политическую и т. д. Более опасной фигурой являлся тогда в этой области Илиодор¹⁸, у которого шла борьба с самим правительством Столыпина. Столыпин старался его отстранить подалеже от престола. Это была все спекуляция на больных сторонах царской души. В мои последние встречи со Столыпиным за несколько дней до его убийства на Елагином острове, он мне говорил с глубокой грустью о том, как такие явления расшатывают и дискредитируют, во-первых, местную правительственную власть, а затем эта тень падет и на верховную власть. Говорил, что все это очень гнило, но что он одного только ждет, что это, может быть, на корню сгниет.

Что такое Распутин, какую он роль играл, об этом теперь можно говорить потому, что это относится к покойнику Мне раскрыл глаза Кривошеин. Когда после убийства Столыпина я с ним говорил на тему о роли Столыпина и о возможной для него будущности, если бы он не был убит, он мне сказал, что Столыпин был политически конченный человек искали только формы, как его ликвидировать. Думали о наместничестве на Кавказе, в Восточной Сибири, искали формы для почетного устранения; еще не дошли до мысли уволить в Государственный совет, но решение в душе состоялось — расстаться с ним. Кривошеин рассказывал: «Я Столыпину не раз говорил: “Вы сильный, талантливы человек вы многое можете сделать, но только, я вас предостерегаю, не боритесь с Распутиным и с его приятелями на этом вы сломитесь”», а он это делал — и вот результат» Я думал, Столыпин — громадная сила, а тут сильнее

Строй новый был слабеньким строем, корни не глубоко пущены я готов был этому новому строю очень много грехов простить, лишь бы мало-помалу его выправить. Поэтому нарушения закона надо было пресекать, но я относился снисходительно, считая, что это входит в процесс воспитания. Когда мне картина представилась, что мы стараемся оградить конституционный строй, а что рядом с ним оказывается, вот какие... Тогда я немножко внимательнее отнесся к этому явлению. Выяснилось между прочим, что вмешательство Распутина в дела церковные имело скандальные формы, и В. Львов, который был председателем комиссии по церковным делам, горячо принимал это к сердцу

Иерархи относились к нему очень хорошо. Он мне сказал что высшие иерархи в отчаянии, они заламывают руки когда рассказывают о наглом вмешательстве Распутина в церковные дела. Я один эпизод расскажу. Это было позднее, в самые последние месяцы 1916 года. Я встречался с Белецким, бывшим директором Департамента полиции. Он еще был на должности, но в немилости. Он говорил мне: это верование в церковных делах, в смысле личного состава, в Распутина, было беспредельно. Все делалось с его одобрения, согласия, по его требованию. Только нужно сказать, что не все назначения, которые были проведены через Распутина, были плохи. Затем Макаров. С ним я виделся, и он говорил мне: «Да, Распутин, верно. Но это чисто личные, семейные вопросы мистики царской семьи. Я вмешательства Распутина в государственную жизнь не чув-

ствую». Ирония этой беседы заключалась в том, что Макаров должен был уйти по интригам Распутина.

Я не раз беседовал на эту тему с Кокцовым. Я так говорил. Может быть, мы не выросли в народ с конституционным правосознанием, особенно народные массы, они царя почитают как самодержца, помазанника Божия, все это так. Но вот в чем ужас, что если в один прекрасный день массы узнают, что помазанника нет, а что за его спиной находится их же человек из народных масс, но недостойный, какой-то хлыст, конокрад, развратник, то это удар по ореолу народного престижа. Будь это граф, князь, народ не обиделся бы, а когда свой человек... Словом, я пытался, во-первых, узнать, а во-вторых, действовать, не прибегая к огласке, как думский трибун, потому что я отлично понимал, что разоблачения все эти наносят такие раны, что не знаешь, что лучше — болезнь или лечение...

Базили. То, что не видел Милюков...

Гучков. Что такое за явление сам по себе Распутин. Одна дама, баронесса Икскуль Варвара Ивановна¹⁹, она всем интересовалась. Это явление должно было пройти через ее салон. Она мне говорила: «Хотите встретиться?» Я говорил: «Нет, не хочу». — «Почему?» Потому что знал, какое Распутин из этой встречи сделает употребление. Он любит распространять, что тот или другой у него заискивает. Но в то же время я хотел иметь объективную оценку, что это за явление. Очевидно, он не просто шуткарь, в нем что-то есть, есть, очевидно, какое-то родство с каким-нибудь нашим сектантским течением. Меня интересовало, можно ли его зачислить в класс сектантских течений или он одиночка, сам по себе. Как быть? Я подумал, хорошо было бы свести с Распутиным какого-нибудь большого знатока нашей сектантской жизни, чтобы тот дал свою объективную оценку.

У нас было очень мало исследователей сектантской жизни, но в литературе целый ряд томов был очень интересен. Это было собрание их обычаев, молитв, песнопений, составленное Бонч-Бруевичем. Тогда я его вызвал и говорю ему: вот такое явление в нашей жизни — Распутин. Очень интересно было бы, если вы с научной стороны обследуете. Если вы заинтересуетесь этим, я могу дать вам возможность с ним встретиться, а так как по вашей литературе я нахожу, что вы сумеете с этими людьми говорить, то вы можете его обследовать, а затем поделитесь вашими впечатлениями со мной. Я просил баронессу Икскуль, чтобы она пригласила их вместе. Сперва они встретились у баро-

нессы, затем более интимно.

Через несколько недель Бонч-Бруевич мне пишет, что для него ясно. Конечно, его просто зачислить в какую-нибудь определенную секту нельзя, он одиночка, но у него есть родство с хлыстовщиной, духоборством. Ему просто была дана задача: [изучить] не влияния Распутина, а его психологию, так что не скажу, чтобы это его обследование пролило яркий свет на все явление. Он пришел к заключению, что это не только проходимец, который надел на себя маску сектанта, а сектант, в котором было известное проходимость. Потом, когда я ознакомился с личностью Бонч-Бруевича и с его ролью во время [правления] большевиков, я стал задумываться, был ли он искренен в своей беседе со мной, не пришел ли он к тому убеждению, что это явление полезно для них, спекулировавших на разложении старой власти²⁰.

Базили. Я никогда не видел Распутина, но в своем исследовании наткнулся на три характеристики его. Одни видят в нем авантюриста, использованного кучкой людей. Другие считают, что это проходимец, но что этот проходимец был искренним носителем какой-то народной мистики. Третьи находят несомненные признаки гипнотического влияния. Это объяснение мирится с обоими предшествующими. Давыдов²¹ говорит, что раз встретил Распутина и ему лично пришлось самые большие усилия над собой произвести, чтобы не подчиниться его влиянию. Распутин особенно желал на него воздействовать, обворожить, и он говорит, что пришлось до самого конца завтрака усиленно бороться, чтобы сохранить свою нервную силу.

Гучков. Несомненно, что в нем были какие-то флюиды. Я потом заподозрил, не было ли тут политических видов; в той борьбе, которую я предпринял с этим новым влиянием, я нескольких думских левых не имел на моей стороне. Они смотрели так, как будто я с ветряными мельницами борюсь, и даже был один думский эпизод, который мне напомнил один человек — Гегечкори²². Я имел еще беседу с Коковцовым, он мне говорил, между прочим, что государь интересовался его, Коковцова, мнением о Распутине. Идя навстречу и подчиняясь желанию государя, Коковцов виделся с Распутиным и, когда государь спросил его мнение, Коковцов сказал: «Я вначале моей карьеры служил по Главному тюремному управлению. Так вот таких людей я по каторгам и по тюрьмам видал». Это не отразилось на его карьере, но и не повлияло на государя.

Я видел, что нормальными путями — чтобы близкие

употребили усилия — этого [воздействия на Николая II] не было. Оставалось одно. Мы не имели тех прав, которые имели западноевропейские парламенты; там по любому делу могут поставить правительству вопрос. Мы могли предъявить запрос в том случае, если было нарушение закона. И вдруг происходит такая вещь. В Москве был кружок светских богословов, как в свое время у Хомякова Преемником их с славянофильским течением был кружок возглавляемый Новоселовым²³ Это были сыны православной церкви, сторонники церковного собора. Они, конечно ближе меня стояли к церковным делам, интимно были связаны с высшим духовенством, и то, что до меня доходило, они освещали. Наконец терпение лопнуло, они приняли какую-то резолюцию, и затем эта резолюция была изложена в виде статьи, подписанной Новоселовым, в газете «Голос Москвы» (за 24 января 1912 г. — *Ред.*) которую я основал. Я самой статьи раньше не видел; она была скорбного характера. Имя не было названо, но прямо констатировалось наличие каких-то темных влияний²⁴.

Московский генерал-губернатор Гершельман эту газету приостановил в виде кары на 7 дней. В тот же день, когда я получил известие из Москвы о закрытии газеты, собрал фракцию и осведомил ее о положении дела и получил согласие и подпись. Прежде чем предъявить это, я имел беседу с одним из членов нашей фракции — М. В. Родзянко. Я ему рассказал все это. Родзянко был очень взволнован и говорил: «Я вам не советую делать» — и произнес одно слово, которое я чувствовал: *c'est l'affaire du colliet la reine* («Это дело об ожерелье королевы». — *Ред.*).

Затем у меня вышла дуэль с Уваровым, и так как я не хотел создавать прецедента, то, когда кончилась сессия у нас, я подал в отставку и уведомил прокурора, чтобы он приводил в исполнение. Тогда меня заключили в Петропавловскую крепость, а осенью, когда второй раз собралась Дума, то меня второй раз выбрали. (Второй раз я ушел вследствие столкновения со Столыпиным из-за западного земства.)

Я произнес очень сдержанную речь, только говорил о том, что власть не свободна, что есть какие-то влияния, а в самом запросе было указано на распоряжение Гершельмана, имя Распутина упомянуто не было, но ясно было...

Базили. Ни в статье, ни в запросе?

Гучков. Нет. Я только говорил о темных влияниях. Тут произошел эпизод. Я был очень взволнован, потому что я придавал этим темным влияниям большое значение в

смысле роковой роли, которую это сыграет в истории династии и всей России, и я помню, что раздался выкрик Гегечкори: «Вот вы нас пугаете, а мы не боимся». Он потом мне здесь сказал, что они, левые, не сочувствовали этой кампании потому, что она могла привести к преждевременной ликвидации этой болезни, а болезнь была нужна. И тогда он припомнил, что я ему ответил, я сказал: «Да, я понимаю, что вас это не пугает, потому что то, что вызывает в нас страх, вызывает в вас радость». Вот тут, на этом, я считаю, произошел окончательный разрыв, окончательно потеряли ко мне всякое доброе чувство, а мне даже передавали, что государыня сказала: «Гучкова мало повесить». Это было в 1910 г., начало царствования Коковцова. Я помню что, когда Кривошеин мне сказал, я ответил, что, если бы мне кто-либо по поручению государыни сказал, что моя жизнь принадлежит государю, а совесть мне принадлежит... но это и осталось несказанным. Этот запрос я пытался в дальнейшем использовать.

По положению о Государственной думе и по нашему Наказу, прохождение запросов было следующее. Представлялся запрос, причем первому подписавшему его предоставлялся очень короткий промежуток времени для того, чтобы осуществить этот запрос. Затем Дума голосовала относительно передачи запроса в комиссию по запросам. Либо, если интерpellянт настаивал, признавалась за запросом спешность; тогда дело должно было быть назначено в одно из ближайших заседаний. Я вопроса о спешности не поставил, поэтому прений никаких не было. Затем я отправился опять к Коковцову. Говорю вот что: «Я понимаю, ваше положение было затруднительным раньше, но теперь, когда инициатива Думы, вы можете [настаивать перед государем]. Имейте в виду, что если вам удастся ликвидировать это до того, как это будет поставлено на повестку, или я получу надежду, что дело имеет направление в сторону ликвидации, то я откажусь от запроса. Пользуясь этим, попробуйте что-нибудь сделать». Ничего не вышло. Запрос не был поставлен.

Базили. Вы говорили с Коковцовым на эту тему?

Гучков. Да. Не хочет рисковать и надежды не имеет. Вот как это было. Можно еще маленький эпизод рассказать. Через два дня после моего выступления я получил записку от Распутина — две-три строчки, очень ругательные. Я это передал одной из моих племянниц. А [самого] Распутина я никогда в глаза не видел. Два эпизода заслуживают некоторого внимания. Война уже [шла]. В правительстве Хво-

стов — министр внутренних дел, бывший когда-то лидером крайних правых. Как вы знаете, продержался он недолго и тогда, во время войны, ушел. Были сведения, что он попал через Распутина. Он был человек, может быть, не брезгливый в своих приемах, но у него была Россия на первом плане и служение России. Когда он достиг власти, когда, будучи у власти, убедился, до какой степени Распутин опасен для всего нашего строя, он пытался его ликвидировать хотел убить его. Белецкий его предал, раскрыв тот заговор, который пытался организовать Хвостов против Распутина.

Так вот, с Хвостовым мы по Государственной думе были знакомы, но так как мы были противники личные, у нас были холодные отношения. Затем война. На Кавказе в Кисловодске мы встретились, и он мне рассказал два эпизода. Он губернатор в Нижнем. Еще Столыпин — министр внутренних дел. Получает он телеграмму, подписанную Сазоновым. Не министром, а однофамильцем, писателем по экономическим вопросам. Так вот, получает телеграмму от этого Сазонова: «Будете ли вы в ближайшее время в Нижнем, одному человеку очень нужно вас повидать». Тот ответил, что «да». Тогда через несколько дней является к нему Распутин и говорит: «Приехал посмотреть на тебя, какой ты есть... Вот часто о тебе идут разговоры у нас там с папашей и мамашей». Потом говорит ему: «Хочешь быть министром внутренних дел?» Хвостову очень хотелось быть министром. Он говорит: «Как же министром внутренних дел, ведь у нас же есть министр?» Тот говорит: «Сегодня есть Столыпин, а завтра его нет». Тогда Хвостов продолжает отказываться: «Да нет, я человек горячий, я не гожусь. Ведь если что не по мне, я в мешок и в воду». Эта фраза была неосторожна потому, что Распутин задумался. Предчувствие у него было. Он задумался, говорит: «Вот ты каков. Ну-ка дай мне телеграфный бланк». Хвостов пошел в соседнюю комнату. Распутин сел и каракулями написал в адрес государыни: «Видел. Молод. Горяч, подождать надо. Григорий». Не делая из этого секрета, он передает этот бланк Хвостову. Хвостов говорит: «Я снял копию, а подлинник сберег».

Затем дальше, у источника, Хвостов тут же мне рассказывает. Он окружил Распутина слежкой и через Департамент полиции получил несомненные доказательства, что Распутин является орудием в руках немецкого шпионажа.

Базили. Это было во время войны?

Гучков. Во время войны. Я просил очень тщательно в

этом разобраться, и у меня создалось целое досье. Воспользовавшись одним из своих докладов у государя, я изложил все. Государь был очень взволнован, затем встал из-за стола, подошел к окну, смотрел в сад, барабанил нервно по стеклу. Тогда я пошел за ним и говорю: «Ваше императорское величество. Это последний момент, прикажите это сделать, это необходимо теперь же сделать». (Потому что, если дать государю время обдумать, да еще посоветоваться, то кончено. Поэтому вырвать согласие сейчас.) Тогда государь страдальческим тоном говорит: «Ах, оставьте это, сейчас великий пост, дайте этому кончиться, и тогда мы вернемся. Отсрочку какую-то». Тогда я понял, что все погибло. Кончено не только дело борьбы, но и я конченный человек, и через некоторое время я получил отставку.

Эпизод, рассказанный мне жандармским офицером. Я его помню еще по Нижегородской губернии маленьким мальчиком. Потом оказалось, что он офицер, потом жандарм, и затем он был в Министерстве внутренних дел для слежки за Распутиным (это был Штевен). Эпизод, который он мне рассказал. Приезжает к Распутину Манус и говорит: «Узнай одну вещь, очень важную, потому что я могу либо много потерять, либо много нажать. Мне предлагают в одной пограничной полосе купить большие лесные площади. Теперь, если мы будем наступать, тогда это стоит, а если мы отойдем, ничего не стоит. Вот узнай как-нибудь это». Через некоторое время Распутин Манусу докладывает, что он имел беседу на эту тему с государыней. Государь говорит: разве может быть какая-нибудь речь о наступлении, наша армия так утомлена. Речь шла о наступлении.

Базили. Я думаю, что Манус самый подозрительный. Кто могли быть посредники между немцами и Распутиным?

Гучков. Об этом много знает Палеолог.

Базили. Палеолог мне это, вероятно, даст. Есть человек, который должен об этом много знать, — Спиридович.

Гучков. Он умный человек. У нас с ним была история из-за убийства Столыпина. Он просил разрешения вызвать меня на дуэль. Это войдет в следующий рассказ: смерть Столыпина. Собственно, о Распутине все.

Базили. Вы Пуришкевича хорошо знали?

Гучков. Один эпизод... Председатель Думы — я. Идет финляндский закон. Милюков произносит речь. Я сочувствовал этому закону, он очень близко подходит к такой грани, где председателю надо быть очень внимательным, потому, что одним из аргументов той стороны было нару-

шение слова, данного российским самодержцем. Тут был этот элемент, об этом нельзя было запретить говорить, но надо, чтобы форма не была резкая. Пуришкевич сидит на правой стороне. Чувствуется, что тот волнуется. Тогда Пуришкевич, чувствуя, что я его единомышленник в этом случае, говорит мне: «А. И., я хочу обложить Милюкова. На сколько заседаний вы меня исключите?» Он обложит так, что не исключить нельзя, но так как в прениях он желает участвовать, то надо было, чтобы на короткий срок. Я ему говорю: «На максимальный срок — на 10 заседаний». Он спустился вниз, сел на свое место и терпеливо выслушал речь Милюкова. А если бы были надежды, он запустил бы грубую брань. Знаете, есть люди, которые торгуют на своем темпераменте! Он был большим моим врагом. Личный элемент у него был очень силен. Все внешнее его очень радовало, но я все-таки скажу, что у него Россия была [на первом месте].

Базили. Он был патриот. Он был человеком, которого деньгами нельзя было купить, но лестью сколько угодно.

Гучков. У него были искренние порывы. Я не скажу, чтобы у него, как у меня, было чувство, что государство в совокупности всех сословий, всех классов всего населения на первом плане было. В этом отношении он отдалялся от Маркова 2-го, у которого была [на уме] число классовая дворянская Россия и этому дворянству должен был быть подчинен и офицер. Затхлая, старая, отжившая Россия. Есть еще эпизод сухомлиновский. Сюда же относится дело Мясоедова²⁵. Сухомлинов из Киева был переведен в Петербург начальником Главного управления Генерального штаба, и ясно было, что он готовился в заместители военного министра Редигера. О нем я имел мало представления. Хвалили его как человека умного, знающего военное дело, но Коковцов, который был беспощаден в своих отзовах о людях, раскрыл мне много Сухомлинова.

Он мне говорил: легкомысленный человек — ничего у него не выйдет! У нас [с Редигером] были все время близкие отношения как руководителей военного ведомства, потому что мы действовали все время сообща с ним. Но я и с Сухомлиновым стал видаться в его кабинете в Генеральном штабе, и он как-то изложил мне весь план тех реформ, которые он предполагает провести, план очень широкий. Уничтожение крепостных частей, резервных батальонов, унификация состава армии и еще целый ряд реформ, вопросы улучшения технических условий, увеличения запасов.

Изложение своей программы он закончил тем что сказал что, когда все меры будут проведены, тогда он подойдет к вопросу о личном составе, потому что он [не] удовлетворен личным составом и системой, которая практиковалась, но он тогда сказал, что это вопрос очень трудный, щекотливый и опасный, и у меня получилось впечатление — значит, у тебя ничего не выйдет.

У нас самая слабая сторона была плохой подбор наверху то, что не было выработано системы, школы, такой, как у немцев, когда заставляют проходить через целый ряд экзаменов. У нас если человек добросовестный, талантливый то ему никто не мешал, но [и если] человек средний — его не воспитывали. Я понял, что ничего не выйдет, потому что с этого следовало начать. Имелся опыт японской войны. Японцы не подавляли нас совершенством своей техники: у нас была тяжелая артиллерия, пулеметов было больше, чем у них. На этот раз было не так, как в Севастополе, более или менее техническая часть была одинакова. Но личный состав...

Я получил впечатление — ничего у него не выйдет, потому что он боится. Мужества не хватит, он перед серьезными вопросами остановится. Тем не менее попытка с ним работать была самая добросовестная, и только тогда я и мои ближайшие друзья по комиссии обороны (Звегинцев²⁶ Савич) убедились, что не только эти щекотливые и опасные вопросы отсрочены до греческих календ, но и остальные вопросы, технические, идут вялым темпом без твердо выработанного и проведенного плана; что не обращается внимания на развитие отечественной военной промышленности, а идут старыми путями заказов за границей, которые имеют ту хорошую сторону, что могут быстро дать нужный предмет, но зато не обеспечат в дальнейшем. Я помню, как Марков и крайние правые подозревали меня как человека, принадлежащего к торгово-промышленному классу. Они не понимали государственного значения [ее развития]. Я думал, что это средство борьбы со мной, такая нотка была. Шло все это рутинными путями. Кружок Гурко это понимал, и вопросы мобилизации военной промышленности — это там тоже имелось, были предметом наших обсуждений. Может быть, не всю энергию, как надо было, мы проявили тут, потому что нас пугали: если вы пойдете этим путем, то все надолго отсрочится. Словом, увидели, что дело не идет.

Все наши обращения к военному министру ни к чему не приводили. Нас возмущало Главное артиллерийское управ-

ление. Я пришел в полное отчаяние настолько, что мы сделали одну маленькую демонстрацию после двух-трех лет опыта. Когда мы увидали, что ничего не выходит, то я взял на себя в комиссии обороны доклад по артиллерийской части. Я составил сильный доклад и предложил комиссии обороны принять такое заключение: в числе резолюций общего характера по артиллерийской смете была резолюция признать, что деятельность Главного артиллерийского управления представляет опасность для государственной обороны. Представьте — что может быть сильнее этого? Они должны быть на страже, а они представляют опасность. Моя аргументация была такова, что в комиссии обороны это было принято единогласно, так же это прошло в комиссии бюджетной и в Государственной думе. Артиллеристы были этим очень обижены, но из этого ничего не вышло.

Мы пришли в отчаяние от безрезультатности нашей работы. Тогда у нас в том маленьком кружке, который нес на себе работу по обороне (Звегинцев, Савич, я, князь Барятинский²⁷, Крупенский Павел Николаевич), созрела вот какая мысль: устроить демонстрацию публичного сложения своих полномочий в качестве членов комиссии. И мотивировать это: мы шли навстречу, но мы больше не можем нести ответственности и уходим из состава комиссии государственной обороны. Я очень жалею, что мы этого не сделали, нас удержало такое соображение, что, может быть, те, против кого мы хотели манифестировать, будут очень рады, что мы ушли. Мы были по этим вопросам наиболее подходящими лицами, знали более, чем те, которые пришли бы нам на смену. В Государственной думе нельзя было требовать специальных знаний по целому ряду вопросов. Мы только учились, смены для нас не было. Словом, если было плохо, то без нас, может быть, еще хуже будет.

Относительно подготовки войны все министры с нами были согласны, все приходили в отчаяние. Не раз я говорил с Сазоновым; ему надо было знать степень нашей обороноспособности, и его держали в курсе этого дела, Тимашева также.

Когда я был председателем, то не раз приходилось говорить на военную тему с государем. Он терпеливо выслушивал, думал, что я счеты свожу с Сухомлиновым, а Сухомлинов говорил: «Гучков, должно быть, под меня подкапывается, потому что я лояльный, преданный вам». Я просто приходил в отчаяние. А между тем в нашем маленьком кружке думали, что 1915 г. будет годом, когда «к расчету

стройся». У меня было к этому больше данных, потому, что я ездил за границу, бывал в Вене, Берлине. В Берлине я был в очень хороших отношениях с Михельсоном и Занкевичем; в Вене они давали мне сведения, с каким упорством австрийское и германское военные ведомства готовились к сроку 1914/15 г., и я знал об их техническом превосходстве в смысле подготовки путей сообщения, железнодорожных линий, станций разгрузки платформ, я видел, как идет там работа, и рядом с этим...

Еще один эпизод. В конце сессии я объезжал министров, от которых мы ждали крупных вопросов на ближайшей сессии. Я тогда наказывал членам Думы, чтобы они к тому или другому вопросу готовились. Большинство докладчиков было от нас. В конце какой-то сессии я подъехал к Рухлову — мы ему содействовали, он мог на нас опираться, потому что, если кредит испрашивался, ему гарантировали; он был хороший министр, он был хозяином. Говорю: «Теперь благодаря Государственной думе, благодаря вам железнодорожное хозяйство приведено в порядок. Потому что мы застали железнодорожное хозяйство дефицитным и теперь — усилиями законодательных учреждений и правительства — оно дает излишек доходов. По-моему, наступило время, чтобы вы этот излишек употребили на подготовку нашего железнодорожного транспорта для военных целей. Нужно исполнить все те требования, которые к вам предъявляет военное ведомство». Он сделал пустые глаза: «Какие требования? Они нам никаких требований не предъявляют». А в это время вырабатывается программа! Все, что имело отношение к игре в солдатики, [проводилось], а серьезные вещи, как расширение сети подъездных путей, увеличение станций, подвижного состава, — это все рассматривалось как второстепенное. Меня такое отчаяние взяло!

Самые благоприятные условия были. Казначейский вопрос хорошо решался, со стороны законодательных учреждений было не только согласие авансам, мы шли на все, комбинация была исключительно выгодная. Имелась возможность при талантливом человеке нашу оборону поставить на такую высоту, на какой она никогда не была. Я не знал, как быть с этим, и вдруг происходит следующий эпизод. Военное ведомство вносит в Думу в очень спешном порядке, с просьбой ускорить [представление] об ассигновании нескольких миллионов рублей на секретные нужды. Сам законопроект был очень общий, глухой, как это и полагается. А порядок рассмотрения подобных докладов был

таков что председатель комиссии по обороне и докладчик комиссии по этим вопросам имели отдельный разговор с ведомствами. Ведомство указывало, давало расчеты, как оправдать ту или иную сумму, а докладчик заявлял что он находит ассигнование необходимым. Так как комиссия обороны была очень авторитетной, потому что туда входили видные представители центра и правых партий, то бюджетная комиссия, опираясь на авторитет комиссии обороны принимала ее заключения на веру: хотя там бывали и левые и им отвечали на вопросы, было ясно, что три четверти голосов было «за». При пленарном рассмотрении была та же комбинация. Там и этот доклад прошел чрезвычайно легко и быстро. Я уже не был председателем Думы, но просто ведомство меня ознакомило. Это были кредиты на увеличение шпионажа и контршпионажа, что у нас было поставлено скверно раньше. Это все прошло.

В один прекрасный день приезжает ко мне полковник Боткин В. С.²⁸ (брат лейб-медика) Он забуддыга, офицер драгунского полка, неплохой человек, но пьяница душа нараспашку, несуразный человек, неудачник. Сухомлинов желая иметь около царя человека, расположенного к нему взял его к себе для поручений. Очевидно, для того, чтобы через [его брата] Евгения действовать. Этот Боткин приезжает ко мне и говорит: «Ты знаешь, что ты наделал? Это ассигнование — ты знаешь куда оно идет? На организацию политического сыска в армии» Наблюдение за политическими течениями в армии всегда производилось, но только оно не было организованным, оно шло через штабы корпусов, военных округов, поступало в Военное министерство гоже по Главному штабу. Все это было недостаточно оформлено. Пришли к заключению, что нужно создать специальный орган, иметь штаб-офицеров в штабах округов, которые концентрировали бы сведения, и создать и при военном министре такой центр. Это государственная необходимость, это меня нисколько не шокировало.

А Боткин мне говорит, что предполагается для этой цели пригласить жандармских офицеров: они будут сидеть по округам и возглавлять политический сыск. Это уже хуже, жандармы — офицеры второго сорта. Знаешь, [сказал Боткин,] кого прочат во главе всего этого дела? Полковника Мясоедова.

Мясоедов — пограничный офицер в Вержболове с хорошими связями в Петербурге. Услужливый, ловкий человек, пользующийся тем, что вся наша знать проезжает через эту станцию, всегда оказывал ей услуги, завел связи, его

положение было отличное. Он часто наезжал в Германию и подпал под подозрение, что продает какие-то сведения немцам. Такие подозрения не были ничем подкреплены, поэтому прибегать к каким-нибудь воздействиям не считали возможным.

Но тут помогло одно обстоятельство. Его накрыли на одном серьезном проступке. Оказалось, что в автомобиле, на котором он проезжал границу, было двойное дно. И при одном его возвращении из Германии была очень ценная контрабанда. Значит, пограничный офицер, попавшийся на контрабанде. Его удалили из жандармов. Он был в отставке, затем на каких-то водах он встречается с Сухомлиновым и его женой, жены познакомились. Он ловкий человек, умеет втираться [в доверие]. Знакомство продолжалось в Петербурге. Сухомлинову показалось, что это талантливый человек, и, когда явилась мысль о создании такого органа, было решено назначить Мясоедова. Не так легко было вернуть его на службу, и когда Сухомлинов предложил, чтобы вернули Мясоедова на службу, то Макаров, который был порядочный человек, заинтересовался, честный ли Мясоедов человек, и, получив такую справку, наотрез отказался вернуть. Тогда Сухомлинов государю об этом деле доложил, скрыв эту часть. Государь требует чтобы это было сделано. У Макарова не хватило мужества, и он подчинился. И таким путем против воли министра внутренних дел вернувшись на службу, [Мясоедов] командировается, чтобы возглавить орган, который будет держать в своих руках судьбы русского офицерства.

Это все Боткин говорит. Я подумал, что, если критики деятельности военного министра мы не добьемся, можно на скандале свернуть ему шею. Тем временем еду я в Киев. Там было открытие памятника Столыпину (5 сентября 1913 г. — *Ред.*). Это III Дума 1911 года. Я был в добрых отношениях с Ивановым, все по японской войне. Мой брат покойный у него в корпусе был. Я по Красному Кресту знал его. Я зашел к нему в Киеве. Он мне говорит: «Вы знаете, наша киевская контрразведка напала на ужасающие вещи. Нам удастся иногда перехватывать донесения, которые идут из Петербурга в Вену, мы их фотографируем и посылаем дальше. Вот из этих донесений выясняется, что все, что происходит в ближайшем окружении военного министра, вплоть до его разговоров с государем, все известно австрийскому Генеральному штабу». А в это время Мясоедов уже сидит [на своем месте]. Вот тогда Иванов мне говорит: «Является ли передатчиком таких сведений Мясое-

дов — я не знаю. У меня доказательств нет».

Я думаю опять: надо это использовать. Везу эти сведения к Коковцову. Я ему только не назвал Иванова. Просто говорю, «из достоверных источников». Тогда Коковцов мне говорит: «А. И., это все равно, но вы не знаете худшего». Я спрашиваю: «Что же худшее?» — «Глава австрийского шпионажа здесь, в Петербурге, Альтшиллер²⁹ — интимный друг военного министра, бывает у него запросто». Меня удивил глава правительства, который не по сплетням, а по донесениям полиции все знает — и так спокоен. Альтшиллер — представитель одной немецкой фирмы сельскохозяйственных машин, его резиденция раньше была в Киеве. Эта специальность для шпионского дела имеет ту выгодную сторону, что имеется многочисленный штат агентов, которые в силу своей профессии должны разъезжать по стране. Целая агентурная сеть. Он близок был с Сухомлиновым еще в Киеве, а когда Сухомлинов приезжал в Петербург, и тот приезжал за ним. Мне даже говорили, где-то была его контора.

Были такие лица, которые брали на себя проведение того или другого дела через министерство, и я напал на характерный случай, который раскрыл всю механику. Какой-то русский человек имел в Порт-Артуре дом до войны, затем дом был реквизирован, разрушен; создался повод для претензии к Военному министерству, чтобы получить вознаграждение. Он долго обивал пороги. Тогда ему указали на Альтшиллера, проводят в кабинет; в нем портрет Сухомлинова; обстановка свидетельствует об их близости. Он излагает Альтшиллеру дело на словах, секретарь записывает. А затем Альтшиллер говорит: «Вот мои условия. Я берусь выхлопотать вам». Три профессии: представитель фирмы сельскохозяйственных машин, присяжный ходатай при Военном министерстве и представитель австрийского шпионажа! В смысле сельскохозяйственного прогресса мы шагнули вперед. Интерес к сельскохозяйственным машинам уже был, в то же время наша промышленность страшно отстала, поэтому этот аппетит надо было удовлетворять.

Я был в добрых отношениях с некоторыми военными, причем с большими. Они указывали на непорядки. Я хорошо знал положение Варшавского военного округа. Так вот, получаю я по почте пакет при письме анонимном, и там документ — копия с секретного распоряжения канцелярии Главного штаба штабам округов — такого содержания: «Предполагается создать особую организацию наблюдения за политическими явлениями. Будут вам присы-

латься сведения о благонадежности подведомственных вам офицеров. Вы должны при аттестациях принимать во внимание, но вы не должны ни проверять их, ни показывать заинтересованным лицам». Картина такая мне представилась. Начальство данного офицера получает из Петербурга справку о своем офицере. Начальство знает его давно, справка же составлена неизвестно кем, но если она неблагоприятна, я не смею проверить; эта справка имеется и в высших инстанциях. Подлинный ли был приказ? Я не был уверен. По внешнему виду как будто да. Что мне было делать?

Я тогда думаю, как бы устроить, чтобы довести до обсуждения в Думе. Запрос тут возможен, но дело в том, откуда сведения у меня. Я боялся, что могут набрести на след Иванова. Мне пришла мысль такая, если можно было бы просто факел, головешку горящую в прессу [ткнуть], а затем в порядке прений можно было бы раскрыть [существо дела]. Я вызываю к себе Бориса Суворина³⁰, который был редактором «Вечернего времени», но не все ему говорю. Он патриот был. Я говорю: «Вот что мне надо. Неблагополучно у нас в разведке. Мне хочется по этому поводу поставить вопрос на обсуждение в Государственной думе. Вы должны мне дать повод. Вот в каких пределах вы можете пустить разоблачение». А редакцию чтобы он составил сам. Было сказано так: «Неблагополучно в нашей разведке и контрразведке, какие-то военные тайны просачиваются...», а затем, не называя Мясоедова, было указано, что это совпало [с тем, что появился некий] человек, который [ранее служил] в органах близких и был устранен [оттуда] в свое время. Это мне давало [право] сказать: «Газета пишет... Объяснитесь...»

Приняло это, однако, немного другое направление. Эта бомба разорвалась, неожиданно произвела скандал, и вдруг я узнаю, что Мясоедов встретил Бориса Суворина на скачках, имел там с ним объяснение и потребовал, чтобы тот извинился, а когда Суворин отказался, тот его ударил. Мне было неприятно, что я подвел Суворина. Я тогда вызываю к себе корреспондента «Нового времени» Ксюнина и диктую ему интервью со мной, как будто он пришел ко мне и спрашивает, насколько верны те сведения. Я вполне подтверждаю, что все это правильно, и жду событий: Тогда уже не к нему, а ко мне должны предъявляться претензии. А затем я пишу письмо председателю комиссии государственной обороны князю Шаховскому, чтобы он в закрытом заседании комиссии дал мне возможность объясниться.

Шаховской был очень расположен ко мне и тоже разделял мнение о полной гнилости верхов военного ведомства. Он уведомил военного министра, что получил письмо от меня. Вот состоялось такое закрытое заседание. Пришел Сухомлинов, пришел начальник канцелярии Военного министерства — Янушкевич и затем третий — Ю. Н. Данилов, потому что у него как раз разведка была. Вот там, в заседании, я выкладываю весь свой обвинительный материал в тех пределах, в каких я могу это делать, не компрометируя и не скрывая своих источников, но обвинение против Мясоедова я ставлю уже определенно. В строю было, таким образом, известно, что многие военные тайны, вплоть до того, что совершается в окружении военного министра, [становятся] известны нашему противнику. Это совпадает с появлением около центра военного ведомства такой фигуры. Далее справка, что он из жандармов был удален, что министр отказывался его вернуть; говорю об Альтиллере. На это военный министр отвечает, что нет ни слова правды, что все это фантастика. Он не отрицает, что Мясоедов состоит при нем, но не для той миссии, которую я ему приписываю, а одним из офицеров для поручений. Вероятно, так и было, вероятно, он и числился офицером для поручений. Сухомлинов не отрицал этого, но не подтвердил, а выходило, что определенной миссии [у Мясоедова] нет, а ему даются поручения: отвезти какой-нибудь пакет — совсем его на второстепенную роль сводит.

Я продолжаю настаивать на разоблаченных мною фактах. Затем я говорю следующее: говорят, вот вы организовали в русской армии политический сыск. Это в тот момент, когда в другой, дружеской нам армии этот политический сыск был уничтожен. Это совпало со скандалом здесь. Там отменили, здесь вводится. Было одно государство, одна армия, где политический сыск был доведен до виртуозности, — армия Абдул-Гамида. Вы знаете, что из этого вышло. И дальше я говорю о русском офицерстве. Я считаю, что в 1905 г. в Маньчжурии после наших неудач оно спасло Россию от общего погрома, потому что деморализованная, демобилизованная армия, возвращаясь оттуда, была больна насквозь. Если бы в то время русское офицерство сколько-нибудь дрогнуло — Бог знает, что бы из этого произошло.

Это самое русское офицерство с его заслугами, [говорю я,] вы подчиняете человеку, который был признан неподходящим даже для службы в корпусе жандармов. Какую же власть вы даете этому человеку над офицерами? Цитирую

приказ. Бесконтрольное распоряжение. Он дает справку, и тогда все насмарку; эта справка — она сильнее всего остального. Я кончил словами: «Если вы, ваше высокопревосходительство, думаете, что этим путем пресекают революционные течения в офицерстве, — получится наоборот, потому что когда офицер почувствует, в чьих руках находится его судьба, то вы поймете, какие создадутся настроения». Когда я указал на этот циркуляр, он сказал, что такого циркуляра не существует. Я тогда кучу циркуляров передаю ему. Он посмотрел, увидел, что лгать дальше нельзя, и говорит: «Да, но этот циркуляр не применяется». — «Я слишком высокого мнения о дисциплине в вашем ведомстве и думаю, что, если циркуляр исходит от Главного штаба, он не может не применяться». — «Тогда я обещаю, что он не будет применен с такой быстротой». Его растерянности не было предела.

На этом кончилось. Никто не участвовал. Все сидели и с тревогой следили за этим [диалогом]. Я помню, у меня к крайним правым было некоторое нерасположение, но на этот раз, казалось, навстречу трагедиям идем. Когда кончилось заседание, я подошел к Маркову, говорю ему: «Имейте в виду, что то, что я говорил, — правда, но я не вправе указать источников. Это все поведет к большим несчастьям. Я хочу верить, что наше политическое с вами расхождение не поведет к тому, что вы разойдетесь со мной». Моя ставка была тогда [на то, что], может быть, правые, если бы они поняли эту опасную игру, они бы возвысили голос, может быть, это произвело бы впечатление на верховную власть. Сухомлинова они не любили, но считали, что очередная опасность не он, а я. Киевские сведения, что он не чистый человек, Бог знает с кем знается, у них были. Под защиту не брали, но участвовать вместе со мной не хотелось.

5 января 1933 г.

Гучков. В первые же дни после революции я почувствовал, как быстро стал разлагаться аппарат управления и самого центрального военного ведомства и командования на фронте. Воля руководящих людей уже стала преломляться, не доходила до конца, потому что надламывалась. Вот эпизод. Через несколько дней после вступления моего в правительство начальником одного из главных управлений, а

именно военно-инженерного и военно-технического, стал генерал Шварц, комендант Ивангорода, потом Трапезунда. Я его с японской войны знал, очень высоко ценил, поэтому, так как у нас военно-техническое управление хромало, я его вызвал и назначил начальником Главного инженерного управления. Он всю войну пробыл вблизи фронта, знал и ощущал все потребности фронта. Он всегда считался несколько либеральным генералом, склонен был критиковать государственные порядки. Он не был на очень высоком счету у прежнего военного начальства, но, так как он человек с большими заслугами, он делал свою военную карьеру.

Через несколько дней после того, как министерство создано, он приходит ко мне и говорит: «А. И., я считаю долгом вас поставить в известность. Вчера вечером состоялось заседание ваших помощников и начальников главных управлений». (Я вместо одного назначил трех помощников. Мне хотелось создать такой аппарат, который действовал бы без перебоев даже в мое отсутствие. Поэтому я создал трех помощников — генералов Маниковского, Новицкого и Филатьева. Маниковский взял все ведомства снабжения; Новицкий, который был назначен начальником Генерального штаба, взял вопросы стратегические и личный состав, Главное управление Генерального штаба и Главный штаб, а все остальное — военно-судебное, военно-учебное, военно-санитарное — было подчинено генералу Филатьеву; он же остался во главе канцелярии Военного министерства. При таких условиях начальники главных управлений докладывали не мне, только самые важные дела докладывались мне.) Шварц мне говорит: «Ваши помощники, обсуждая положение, пришли к заключению, что судьба таких промежуточных образований, как Временное правительство, не прочна; нужно смотреть вперед: социалисты будут больше накладывать руку. Поэтому было сделано предложение записаться официально в партию с.-р., т. е., другими словами, заранее капитулировать». Это было встречено сочувственно, так как у них была мысль этим купить доверие Совета рабочих и солдатских депутатов, будущих хозяев положения — солдатских масс. Но это означало бы отказ от сопротивления всем тем требованиям, которые предъявлялись. Против этого усиленно возражал Шварц.

Базили. Кто выдвинул такое предложение?

Гучков. Один из помощников. Только Шварц возражал. Главное его возражение — кто же вам поверит? Это люди, которые делали карьеру при царском правительстве. Меня это потрясло, подумал, на что же опираться? Еще солдаты

не разложились, а генералы разложились. Вот другой эпизод с тем же Шварцем. У нас была мысль установить известный обмен персонала. Военные инженеры, сидевшие всю войну в главных управлениях, — пожалуйста на фронт, а люди с фронта переводились в центральное управление. Вот такой порядок мы с ним установили, и он должен был заявить в своем ведомстве, что этот порядок вводится. Тем временем успели самовольно создаться в этих главноуправлениях комитеты служащих. Комитеты эти были не только из рассылных, туда входили высшие чины данного главноуправления. В частности, во главе персонала военно-инженерного были, как сейчас помню, генералы, генерал-лейтенанты, был тайный советник, какой-то высокий чин инженерный. Они выбраны были. В то время еще лица больших положений, больших чинов не были подорваны. Еще не решались выбрать кого-нибудь, а выбирали свое собственное начальство. Я даже думал, что если бы это начальство сохранило самообладание, то могли бы этими демократическими благами выборные комитеты очень помочь.

Так вот Шварц мне рассказал, что когда он поставил [персонал] в известность, что вводится порядок обмена, они взбунтовались и заявили, что они против этого возражают и угрожают приостановкой деятельности Главного управления — не хотели на фронт. И кто же? Не писаря бунтуют — тайные советники вот эти выборные. Шварц говорит — помогите мне. Я тогда еще старался действовать мягким способом, боялся: им ничего не стоило поднять все ведомство. Я их вызвал к себе в кабинет, очень благожелательно с ними говорил, указал на важность этой реформы и поставил твердое условие: жду, чтобы они оказали содействие и сделали бы эти меры приемлемыми для чинов их ведомства. В противном случае мне придется поступить очень круто. В то время эти круги не так обнаглели, как теперь. Они не так сразу подчинились моему требованию, но не очень резко возражали, и кончилось все *en queue de poisson* (ничем. — *Ред.*). Тут не важно, добился ли я введения этого порядка или нет, но важно, что эти люди не понимали серьезности положения.

Вот еще один эпизод, он мельче, но доказывает лучше разложение. Я сейчас боюсь сказать, кто был вместо Новицкого, временно замещал должность начальника Главного управления Генерального штаба. Какой-то всплыл очень важный вопрос по этому ведомству, и мы с ним решили, что нужно сейчас же издать циркулярный приказ, очень спешный. Сцена происходила у меня в кабинете. Мы

с ним набросали текст приказа, и я говорю ему: «Распорядитесь, чтобы это сейчас было напечатано и разослано». Он сконфузился и говорит: «Нельзя. Да ведь пять часов». — «Ну так что же?» — «Да ведь мы ввели 6-часовой рабочий день. Еще писаря в штабе есть, но офицеров уже никого нет». Главное управление Генерального штаба — война идет! Демократические требования [эти офицеры] применяли прежде всего к себе, вместо того чтобы писарям показать пример характера, выдержки. Это был крайний трагизм. Я чувствовал, что все слякотно, все расплзлось.

Базили. И расплзался ответственный класс, вот что ужасно.

Гучков. Если бы этого не было, Россия дала бы отпор большевикам, вот что ужасно. Есть два эпизода. Первые же дни настроили на очень минорный тон. Приезжают два офицера с Западного фронта, где был Эверт. Я их знал, потому они зашли ко мне очень смущенные. Они мне рассказали такой эпизод. (Это в Минске происходит.) Первые же дни революции, но уже государь отрекся; идет митинг в каком-то большом правительственном здании. В этом зале герб Российской империи. Солдатами заполнен весь зал. Эверт на эстраде произносит речь, уверяет, что был всегда другом народа, сторонником революции. Затем осуждали царский режим, и когда эта опьяненная толпа полезла за гербом, сорвала его и стала топтать ногами и рубить шашками, то Эверт на виду у всех аплодировал этому.

Другой эпизод — с Брусиловым в Бердичеве, где его застала смена власти. Он умел говорить с солдатами и внушать к себе доверие. Там тоже проходила большая уличная демонстрация, и так как он очень быстро проявил себя сторонником нового строя, то он в этой демонстрации участвует: его на кресле в этой революционной толпе несут по улицам, окруженного красными флагами и даже под красным балдахином. Тоже он распростирается на брюхе перед этой толпой. Толпа еще меньшинство, остальные еще не разложились, а наверху... Это самое, конечно, трагическое.

Эверт и Брусилов подчинялись нам — центру, а адмирал Максимов стал на сторону матросни. Сразу большое влияние среди матросов приобрел. Мы с Кедровым боялись с ним расправиться, потому что он известные меры соблюдал; в то время если бы мы его уволили, тогда мы опасались, что он поведет Балтийский флот на борьбу с Временным правительством, а так как мы на петербургский гарнизон рассчитывать не могли, то появление эскадры могло

кончиться тем, чем кончилось при большевиках.

Припоминаю общий вывод, к которому пришел Корнилов после долгой возни с петербургским гарнизоном. Перед уходом он мне говорил: «Во всех воинских частях, где быстро и глубоко пошло разложение, надо искать причины в командном составе, и это в большинстве случаев не слабость, а революционный карьеризм».

Базили. Это люди типа Верховского.

Гучков. Гниение везде с головы пошло.

Базили. Декларация прав солдата, которую А. И. отказался подписать, а Керенский подписал.

Гучков. Я почувствовал, что из Совета солдатских депутатов будет приходиться требовать демократизации. Я решил тогда создать некоторый буфер, который бы смягчил удар этих требований, направленный в центральное управление. Во-первых, я хотел время выиграть, во-вторых, мне казалось, что требовался не простой отказ, а некоторое рассмотрение, и тогда я пришел к заключению, что нужно создать комиссию, которую я поручил генералу Поливанову. Сперва комиссия образовалась в маленьком составе — Поливанов и пять-шесть человек полковников. Она называлась комиссией генерала Поливанова. Все эти требования я хотел передать, чтобы они в очищенном виде доходили до меня. Затем, не помню, Поливанов ли или я, пришли к выводу, что нужно эту комиссию несколько расширить, и тогда было издано особое положение, в силу которого все главные управления военного ведомства посылали в нее своих делегатов. Это были не выборные люди, а лица, назначенные начальниками главных управлений и командующими армиями, собрание человек в сорок-пятьдесят, все генералы, полковники. Вот через них все эти вопросы должны были проходить.

Главный вопрос — взаимоотношения солдат и офицеров — и все вопросы, касающиеся реформ. Я ни одного вопроса не брал на себя, не проведя через них. Это сослужило мне известную службу в качестве некоторого предварительного похоронного бюро. В половине апреля проводится съезд в гор. Минске. Там командующим армией был Гурко Василий Иосифович. Съезд фронтовой: военного министра не запрашивали, а с разрешения командующего Западным фронтом. Гурко просил и меня приехать туда. Я там пробыл очень недолго — для того, чтобы обратиться к участникам съезда и разные здоровые идеи поддержать. Я очень дорожил тем, чтобы поддержать личный авторитет вождей, в частности Гурко. Я говорил о его заслугах, как

до войны он носился с проектом реформ. Я постарался показать его в хороших красках, потом уехал. Дальнейшее происходило без меня.

Оказалось, что потом на этом съезде рассматривался один документ (не помню откуда) под названием «Декларация прав солдата». В этой декларации говорилось о том, что вне службы — полная свобода, равенство и никаких стеснений, и о неотдании чести офицерам. Декларация заходила дальше, чем Приказ № 1. Дальнейший ход был таков, что он был направлен в Совет солдатских депутатов и оттуда попал ко мне с резолюцией фронтового съезда, очевидно, для того, чтобы Совет взял на себя дальнейшее толкование этих вопросов через разные инстанции. Я когда посмотрел, [понял, что это,] конечно, недопустимо, не могло быть и речи о каких-нибудь компромиссах. Тем не менее я решил провести его через комиссию генерала Поливанова. Каждый раз, когда было заседание, мы с ним виделись, он рано утром приходил ко мне и докладывал. Вот я его по этому вопросу вызвал и говорю: «Вот вам Декларация прав и просьба, во-первых, чтобы вы не очень торопились». Я еще рассчитывал, что первые весенние воды бурлящие спадут, тогда легче будет ее похоронить. О существе мы даже не говорили. Ясно, что она совершенно непригодна.

Прошло, однако, очень недолгое время. Утром он приходит немножко сконфуженный и говорит: «А. И., под давлением разных кругов пришлось поставить вопрос на обсуждение. Принят с поправками». — «С поправками и как принят?» — «Единогласно...» Я говорю: «Это совершенно недопустимо, и я вас прошу пересмотреть». Это был настолько невозможный документ, что агитации я никакой не предпринимал, потому что считал, что это само собой разумеется. Говорю: «Это недопустимо, надо пересмотреть... Мне пришло в голову. Я создам новые обстоятельства, и вы вынуждены будете вновь пересмотреть этот вопрос. Я пошлю этот вопрос на заключение командующим фронтами, будет отзыв их и тогда повод пересмотреть». В тот же день были посланы телеграммы. Затем через несколько дней стали поступать ответы совершенно отрицательные в самых резких выражениях.

Я боюсь сейчас перепутать, как будто был один отзыв, который что-то допускал, что есть какая-то возможность, как это потом переработать. Но подавляющий был отзыв резко отрицательный. Я вызываю Поливанова, передаю ему все это, но уже не доверяю ему. На всякий случай говорю: «Постарайтесь провалить, а если вам не удастся — поста-

райтесь, чтобы было меньшинство, с которым я мог бы согласиться, потому что иначе в какое положение вы меня ставите. Я статский с репутацией революционного прошлого. Революцией поднят на этот пост. Вы — военные специалисты — слуги старого режима. Как это будет использовано! Документ полезный, полковники, генералы [одобрили, а] Гучков против. Я только прошу одно — добейтесь меньшинства. Нужно, чтобы один, два имели мужество...» Через два-три дня приходит ко мне: «Я вынужден был пересмотреть и принять». — «Как принять?» — «Принять единогласно». Это учитывают все люди, которые сядут на мое место. Они шли дальше, левее...

Я очень любил Поливанова, находил, что он очень умный, знающий, что он очень много пользы принес в свое время. Просто у него не было гражданского мужества, чувства долга. В этом отношении я в нем ошибался. Он не пригоден к этой роли. Я его очень любил, а тут сказал, что освобождаю его от дальнейшего председательствования в комиссии, назначу нового председателя, которого попрошу этот документ пересмотреть. Но тут я сделал ошибку в смысле выбора. Я торопился. Вопросы, которые рассматривались в этой комиссии, шли по Главному штабу. Поэтому я подумал назначить во главе комиссии помощника военного министра, который ведает Главным штабом, Новицкого. Вызываю Новицкого. Рассказываю ему весь этот эпизод, почему я освободил Поливанова. Говорю ему: «Прошу вас взять [на себя] председательствование в этой комиссии». Он меня спросил: «А как, собственно, эта комиссия называется?» И я почувствовал, что ему очень хотелось бы, чтобы эта комиссия не осталась без названия. Потому что она называлась комиссией генерала Поливанова и становилась известной в широких кругах; ему, видимо, хотелось, чтобы комиссия называлась комиссией генерала Новицкого, потому что ему казалось, что он будет очень идти в духе требований.

Это все были «бонапарты». Я знаю, что он человек передовых взглядов был в прошлом, но главным образом просто карьерист. Я не предполагал, что он до такой степени будет ставить ставку, что мы конченные люди. И когда я ему рассказал, что сменил Поливанова, и говорю: рассмотрите, даю те же инструкции — если не удастся провалить, добейтесь меньшинства. Прошло несколько дней, приходит Новицкий и говорит: «Принято». Принято без изменений, и принято единогласно. Тогда я ему сказал: «Но я вам заявляю — никогда моей подписи не будет под этим докумен-

том». И стал уже обдумывать, не расстаться ли с ним вообще. Это был конец апреля. Мне приходило в голову, не пора ли самому уходить. Я предчувствовал, что будет Керенский. Так что я оставил в покое Новицкого. Только сказал ему, что моей подписи не будет.

Несколько дней проходит. Затем ночью сижу и подписываю какие-то бумаги. [Тут же] один из моих секретарей, Шильдер, мы вдвоем только. Он приходит ко мне поздно и говорит: «Вот пришли из Совета рабочих и солдатских депутатов к вам...» — «Что такое им нужно?» — «По поводу Декларации». Они, значит, узнали, что произошло и что я отказал. Я с ними был сух, а тут меня взвинтило еще. Говорю: «Скажите, что я их не приму». Он возвращается и говорит: «Они говорят, что не уйдут. Так и будут сидеть, пока их не примут». Я вспылил, говорю: «Ладно, зовите». Пришли двое. Один из них офицер, другой прапорщик, третий инженер-механик флота. Так они скорее вежливо, не самоуверенно себя держали. «Вот, г. министр, мы пришли к вам справиться, когда же наконец вы утвердите Декларацию прав». — «Никогда». — «Но, позвольте, эта декларация три раза проходила через комиссию единогласно. Там все люди компетентные, как же вы не утвердите?» Я говорю: «А я вам заявляю, что я этого документа утверждать не буду. Пускай моя рука отсохнет, но никогда моей подписи под этим документом не будет».

Тогда они в повышенном тоне говорят: «Очень жаль, но имейте в виду, господин министр, что в крайнем случае можно обойтись и без вашей подписи. Вспомните: Приказ № 1 подписал Чхеидзе. И тогда получится такая картина, что Совет рабочих и солдатских депутатов подписал, а военный министр нет, и вот — к исполнению. Не началась бы на фронте борьба между командным составом и солдатскими массаами». Тем не менее я сказал: «Никогда моей подписи не будет под этим документом». — «Посмотрим». Ушли. Они этой угрозы не выполнили. Я думаю, что, если бы дело затянулось, они это сделали бы, но это были последние дни моего существования [в Министерстве]. Через несколько дней я написал письмо Львову и ушел. На мое место вступил Керенский.

Керенский окружил себя младотурками, молодыми полковниками Генерального штаба, которые делали определенную демагогически-революционную карьеру. Они сейчас же доложили ему об этом документе. Керенский утвердил, и я должен сказать, что не могу поставить это ему в вину, потому что его положение было хуже моего. Он сын этой

революции. Генералы и полковники сказали «да», а он скажет «нет»? Я думаю, что он тоже должен бы сказать «нет», но ему было труднее; с его стороны это был бы акт политического самоубийства. Игра этих кругов в поддавки — это желание себя выгородить: в случае борьбы мы можем ссылаться, что мы были с вами. Я помню, что я [не] пошел туда для того, чтобы подчеркнуть мое отрицательное отношение к этому документу. Прения были без меня. Голосование без меня.

Базили. Как ваш уход состоялся?

Гучков. Все было очень плохо, и по моему ведомству это разложение было особенно трагичным, и все указывало, над чем мы стоим, какое крушение ждет страну и армию. Не потому, что у меня больше чувствительности, а потому, что больше к этому котлу прикасался, ощущал больше. Милюков более толстокожий, и впечатления дня у него были иные, чем у меня. Эта объективная обстановка влияла на то, что я очень пессимистически смотрел, а он сохранял веру в то, что это может утрястись. Меня все тревожило, но что особенно угнетало — это то, что я чувствовал себя совершенно одиноким в составе самого правительства. Я чувствовал, что если бы дать бой, на чем-нибудь настоять, разойтись с моими коллегами (конечно, по какому-нибудь очень серьезному поводу), то в этой группе я мог бы рассчитывать на одного только Милюкова; может быть — если бы это был яркий, красочный пункт — на Шингарева. Но если бы это соприкасалось с какими-нибудь репрессиями, то и Шингарев не мог бы. В кого я верил — это Милюков, и больше никто. Опирались на Временное правительство тоже нельзя. На что же опираться?

Уход от власти для меня не означал отказа от борьбы. Я только думал, что карта на центральное правительство бита. У меня была мысль — нельзя ли искать оздоровления с фронта. Там еще были здоровые элементы. Мне казалось, что если я уйду и затем как представитель Военно-промышленного комитета буду общаться с фронтом, то можно было бы тех или иных лиц как-то втянуть и затем подготовить то, что потом Корнилов не так удачно сделал, т. е. поход на Москву и Петербург. Затем [случилось] какое-то обострение у нас под влиянием очень категорического тона, который принял Милюков в отношении проливов. Вокруг этого тогда очень закипело. Это был хороший предлог, это было поводом, чтобы поднять травлю. Я был сторонником [приобретения] проливов, только я стоял за то, чтобы не давать повода поднимать бучу. Поэтому я не поддерживал

резко категорическую позицию Милюкова в отношении проливов.

Но этим воспользовались его противники и вовне и внутри правительства, и произошла такая сцена. Милюков вместе с Шингаревым поехали на фронт. Шингарев по вопросам продовольственным, Милюков — не знаю. В их отсутствие поздно вечером на квартире князя Львова неожиданно собрали заседание Временного правительства. Керенский и Терещенко взяли на себя инициативу и самым резким образом напали на этот пункт о проливах и на всю роль Милюкова в составе Временного правительства. Я его поддерживал, и больше никто. Остальные молчали либо критиковали Милюкова, его политику, и вопрос о проливах не встретил ни в ком поддержки. Особенно резко нападал Терещенко, и кончилось тем, что была высказана мысль, что нужно расстаться с Милюковым. Правда, он во главе большой общественной группы. Нельзя просто его выбросить. Но, может быть, дать ему какое-нибудь другое ведомство. И так как совершенно не стеснялись и не дорожили Мануйловым, то в его присутствии было сказано, что Милюкову можно было бы дать Министерство народного просвещения, но решение расстаться с ним по Министерству иностранных дел было всеми поддержано.

Базили. Львов что говорил?

Гучков. Львов не нападал и не возражал, держался как будто нейтрально, но этому сочувствовал. Все, что могло обострить отношения Временного правительства с революционной стихией, было не по нем, он верил, что это может утрястись, что все это весенние воды.

Тогда в том же вечернем заседании были разговоры об усилении в нашей среде социалистических элементов, о том, что нужно близко с ними сплотиться. В тот момент я увидел, что Временное правительство шло в объятия демагогии, и окончательно пришел к заключению, что единственный выход — окончательно оборвать всякое примиренчество и дать бой, вплоть до резких мер. Тогда я вернулся домой и написал письмо Львову. Я ему пишу, что дальше не могу принимать участия [в правительстве], не могу разделять ответственность в той работе по разложению страны, какая сейчас творится и какая не встречает никакого противодействия во Временном правительстве, и прошу считать меня уволенным от своего поста. Затем для того, чтобы отрезать всякие попытки убеждать меня, сделать попытки невозможными с их стороны, я помню, что ночью я послал это письмо Львову и точную копию этого

письма в редакцию «Нового времени» с просьбой напечатать. Утром мое письмо появилось в печати.

Тем не менее попытку вернуть меня сделал Терещенко, который питал какие-то надежды на меня. Он приехал ко мне и убеждал, чтобы я взял отказ назад, что он думает, что для меня тяжело военное ведомство, и убеждал меня взять Министерство иностранных дел. Но оно было только производным из других. Если мы не могли привести страну в порядок, никакого смысла не было, и я от этого отказался. За несколько дней до моего ухода был съезд в Петербурге, и я там выступил с речью, очень предостерегающей против всего этого развала, и туда пришел Керенский, который в это время пытался [меня] сохранить. Он свой революционный авторитет ставил на службу целям войны, целям поддержания армии. Он не мог меры принять, но слова он произносил разумные. Когда мы с этого съезда ехали вместе, он меня уговаривал: «Останьтесь, я готов идти в помощники военного министра». (Чтобы я мог сосредоточиться на технических вопросах.) Но это меня не устраивало. Я помню, как Керенский подымается со своего места, обходит стол и говорит: «Когда же уберут эту старую калошу, князя Львова...»

По поводу давления, которое Контактная комиссия из Совета рабочих и солдатских депутатов хотела оказать...
(Разговоры просят не писать.)

Отрывок

Гучков. С вокзала я поехал на Миллионную, не заезжая домой, потому что на вокзале мне начальник станции сказал: «Родзянко поручил передать, чтобы вы не оглашали Манифеста об отречении и сразу ехали на квартиру великого князя». На вокзале мы задержались с Шульгиным. Дома жена беспокоится, не знает, что со мной. Поэтому, когда кончилась беседа с Михаилом, я спросил адъютанта, где у вас телефон, и пошел к телефону, чтобы сказать жене, что скоро вернусь домой. Снимаю трубку. Смотрю — Керенский сзади меня стоит. «Вы что?» А он таким заносчивым тоном говорит со мной: «А я хотел знать, с кем вы будете говорить». У него была мысль, не таим ли мы какой-нибудь план, нельзя ли вызвать какую-нибудь воинскую часть, захватить Михаила, отречение устранить. Набокову и Нольде было поручено... Он катего-

рически сказал, что при таких условиях он престола принять не может. У Керенского было с самого начала подозрение, не таим ли мы какие-нибудь планы заговорщические, чтобы сохранить монархию. Он пошел подслушивать, а я ему говорю: «Нет, я хочу говорить со своей семьей...»

Четверг, 30 марта 1933 г.

Гучков. Последний раз я видел П. А. Столыпина за несколько дней до его поездки в Киев. Я только что вернулся из своего путешествия по Дальнему Востоку, где ознакомился с ходом постройки Амурской железной дороги и по поручению Главного управления Красного Креста принял участие в организации борьбы с чумой в пределах русских концессий в Маньчжурии. Узнав о моем возвращении в Петербург, П. А. пригласил меня к себе обедать. Свидание происходило в его летнем помещении на Елагином острове. После обеда мы с ним гуляли в саду.

Я нашел его очень сумрачным. У меня получилось впечатление, что он все более и более убеждается в своем бессилии. Какие-то другие силы берут верх. С горечью говорил он о том, как в эпизоде борьбы Илиодора с саратовским губернатором Илиодор одержал верх и как престиж власти в губернии потерпел урон. Такие ноты были очень большой редкостью в беседах П. А. Чувствовалась такая безнадежность в его тоне, что, видимо, он уже решил, что уйдет от власти. Через несколько дней пришла весть о покушении на него в Киеве. Я послал ему иконку, которую он получил, когда был в сознании. Меня что-то задержало в Петербурге, и я по приезде в Киев уже застал Столыпина в гробу.

Генерал-губернатор киевский Ф. Ф. Трепов рассказал мне, при какой обстановке протекали вообще все празднества и был убит П. А. Столыпин. Дело охраны было изъято из рук местных властей и передано в руки центральной власти, охраной руководил Курлов, товарищ министра, затем видную роль играли полковник Спиридович, ротмистр Кулябко и Веригин. По наблюдениям Трепова, охрана не брала на себя ограждение личности Столыпина, а только государя и царской семьи, так что, когда надо было кольцом агентов выделить, то Столыпин находился вне охраны. Хотя Трепов не сказал мне определенными словами, но, как я понял из общего его рассказа, он разделяет мои подо-

зрения, что, если охранка не организовала самого покушения, то во всяком случае не препятствовала ему. Еще больше укрепилось во мне это подозрение, когда сенатор Трусевич, которому было поручено расследование дела убийства Столыпина, заехал ко мне на квартиру и ознакомил меня тоже со своим общим впечатлением.

Базили. Вы были тогда председатель Думы?

Гучков. Нет. Я как раз перед этим отказался. Западное земство было в Государственном совете искажено. Тогда Столыпин подал в отставку. Государь не принял. Тогда была распущена Дума. Это было так против моей оценки положения, что я сейчас же получил указ о роспуске. Закон о западном земстве был законом либеральным. Впервые инородцы приобщались к российской жизни. Там [поскольку] было засилье польского элемента в отношении русского, вводилась, в отличие от русского земства, куриальная система. Поляки выбирают промеж себя, русские из своей среды. Вот против этого вооружились наши левые, потому что это противоречило общему принципу демократическому о равенстве всех и о территориальных формах избрания, они никаких курий не признавали. Но все-таки большинство у нас нашлось.

Когда это попало в Государственный совет, то там правое крыло было вообще не расположено к этому закону, но так как они не решились бороться с принципом, потому что принцип был одобрен государем, поэтому они старались исказить, сделать этот закон неприемлемым, они ввели эту поправку, они отвергли куриальную систему. Государственный совет отверг куриальную систему для того, чтобы торпедировать весь закон. Все правое крыло этим воспользовалось для того, чтобы исказить закон. Если бы это было случайное большинство, исходило бы от левых, от центра! Но когда совершенно открыто руководство этой кампанией повели Трепов и Дурново — члены Государственного совета по назначению, мне стало ясно, что эти люди были приняты государем в отдельной аудиенции.

Тогда Столыпин, решив, что при таких условиях не может остаться, вручил прошение. Государь был расстроен всем этим, просил остаться и согласился на все те условия, которые поставил Столыпин. Условия были неправильны с начала до конца. Была расправа с членами Государственного совета. Члены Государственного совета были вечными, но каждое 1 января из всего состава членов Государственного совета назначались к присутствию такие-то по назначению. Государь обещал, что он их к 1 января исключит, а

пока было им приказано взять отпуск и до конца года не присутствовать. Такая кара по отношению к ним должна быть очень сурова.

И другое условие Столыпин поставил для того, чтобы свою победу очень ярко охарактеризовать. Он получил разрешение государя на три дня отсрочить заседание Государственной думы, и тогда правительство получило право действовать на основании 87-й статьи. Одновременно распустили Думу [и Совет] и издали закон в том виде, как он пришел в Государственную думу... против Государственного совета. Столыпин не учел того впечатления, которое должно было составиться у нас и вообще в общественном мнении. Здесь как будто цель хорошая — либеральный закон, спасти от интриганов, но создавался прецедент в борьбе с законодательными учреждениями. Это было недостойно, могло сделаться [стандартным] маневром, могло повести дальше. Раз Госсовет разошелся с Думой, полагалась согласительная комиссия, которая должна была разногласия ликвидировать другим способом.

Получив рано утром этот указ о роспуске на три дня, я пошел в Государственную думу и тут же написал, что я слагаю с себя [полномочия председателя]. Мне не хотелось, чтобы октябристская партия была скомпрометирована, будто это было с одобрения нашего. Столыпин был юрист слабый. У него не было достаточно чувствительности, и он очень удивлялся. Он говорил: «Закон издается в той редакции, как Государственная дума приняла». Я сказал: «Я считаю, что это роковая вещь — то, что вы сделали, расправа с этими членами Государственного совета. Они как законодатели должны быть независимы, такие кары неудобны — за голосование против правительства расправляться. Вы некоторый урон нанесли нашей молодой русской конституции, но главный грех — это то, что вы сами себе нанесли удар. Если раньше с вами считались как с человеком, имеющим большой вес, то это, по-моему, политическое хакари».

Это преддверие к его уходу. Затем второе. Предвидя, что будут запросы, я не хотел участвовать. Я не мог защитить, но в то же время не мог участвовать в атаках на него. Я взял отпуск и уехал на Восток. Я поехал на Амурскую дорогу. В то время разыгралась в Маньчжурии чума, и Красный Крест поручил мне организацию помощи в борьбе с чумой. Весной вернулся назад, когда Государственной думы не было. Столыпин возил меня обедать перед смертью. По душам говорили, он был подавлен, он чувствовал...

Государь в руках таких людей... О Распутине мы с ним не говорили в данном случае, [упоминавшийся] эпизод был: Илиодор против гражданской власти и губернатора.

Потом меня укрепил в этом [подозрении] сенатор Трусевиц, директор Департамента полиции, затем я видел одного из Нейдгартов. Я чувствовал, что те подозрения, которые мной овладели, этими людьми разделяются, может быть не вполне осознанно, я увидел, что не ошибаюсь. Я предъявил запрос в Государственную думу: известно ли правительству, что условия убийства Столыпина [говорят о том, что] были допущены известные незаконные действия? И я показал, что это не небрежность при выполнении обязанностей, а там есть попустительство, и перечислил всех тех, кого имел в виду, назвал генерала Курлова, полковника Спиридовича, ротмистра Кулябко и какого-то Веригина.

Это была не охрана государя, это была вообще вся охрана. Охрана была изъята их рук киевских [полицейских властей] и передана приезжим из Петербурга. В ответ на это последовало, что Спиридович как помощник дворцового коменданта подал докладную записку Дедюлину, что я его оскорбил, что он просит разрешения вызвать меня на дуэль либо оградить его от посягательств на его честь с моей стороны. В правительстве не хотели таких осложнений, ему приказано было сидеть смирно, как я потом узнал.

Базили. Спиридович был замешан?

Гучков. Картина была такая. Не знали, как отделаться от Столыпина. Просто брутально удалить не решались. Была мысль создать высокий пост на окраинах, думали о восстановлении наместничества Восточно-Сибирского. Вот эти люди, которые тоже недружелюбно относились к Столыпину (тем более что в это время Столыпин назначил ревизию секретных фондов Департамента полиции), словом, они нашли, что можно не мешать... В это время в левых кругах создалась атмосфера какая-то покушений на Столыпина. Когда я вернулся с Дальнего Востока, мне об этом сообщили и указали, что можно ждать покушений со стороны финляндцев. Перед этим прошел закон о Финляндии, который обидел финляндских националистов, можно было ждать покушения оттуда. Так как у меня были конкретные данные, я, несмотря на мое нерасположение к Курлову, эти сведения ему сообщил.

Так как предвиделась поездка Столыпина в Киев, то я его предупредил об этом, и у меня определенно сложилось впечатление, что что-то готовится против Столыпина. Я

тогда последний раз виделся со Столыпиным. Мы поздно вернулись к нему. Заседание должно было состояться... Он стоял в дверях, а я все думал — сказать ему или не сказать, чтобы он остерегался... Я ему не сказал. У меня до сих пор сохранилось убеждение, что в этих кругах считали своевременным снять охрану Столыпина. Любопытно следующее: я потом узнал, что Столыпин не раз говорил Шульгину: «Вы увидите, меня как-нибудь убьют, и убьет чин охраны...»

Базили. Но фактически были левые, которые его убили?

Гучков. Да, да да, Богров левый³¹. Я думаю, что он служил обеим сторонам, так как он не был героем, этот Богров, и нельзя было ждать, что он отдаст себя на казнь, то надо было думать, что у него были перспективы, ему помогут ускользнуть.

Базили. В левых кругах зрело желание отделаться от Столыпина? Под влиянием чего?...

Гучков. Вообще деятельность партии эсеров спадала. На местах частью [предпринимался] мелкий террор, но не было такого энтузиазма, террора в том смысле, как он до этого велся, это все спадало, шло на убыль. По-видимому, в их кругах было разочарование в своих методах борьбы. В это время появился роман Савинкова «Конь бледный», который произвел впечатление. В свидании со Столыпиным я ему передал. По-моему, в этих кругах шло благотворное перерождение, какой-то надлом там шел, разочарование в методах. И, затем, поводов не было, не было среды такой, но, конечно, те немногие силы террористические и страсти, которые там были, [сходились] в отношении к отдельному лицу, которое своими реформами вырвало почву из-под ног таких лиц. На нем одном остаток революционных страстей и [террористических] замыслов останавливался. А затем те сведения, которые я получил от финляндских националистов...

Базили. Можно поставить в известную связь опасения земельных кругов, что земельная реформа Столыпина укрепит власть с уменьшением?³²

Гучков. Земельная реформа служила укреплению общего порядка, [умиротворяла те] эсеровские элементы, которые пробивались из народнических кругов: тут открывалась возможность крестьянству окрепнуть. Какой энтузиазм вызвала реформа, связанная с земскими статистиками; землемеры, которые около крестьян работали, — перед ними открылись перспективы.

Базили. Направляя революцию в сторону укрепления

собственности, это могло...

Гучков. Это могло раздражать те круги, которые послали Богрова. Это была, кажется, III Дума. Такой порядок был. Предъявлялся письменный запрос, и тем, кто вносил этот запрос, давалось слово. Я этим словом воспользовался и развил эту мысль, затем это должно быть передано в комиссию по запросам, но так как запросов было без конца, а я считал нужным просто дать ход этим мыслям, я не избегал и не искал продолжения этого скандала. Конечно, это очень мне было поставлено в вину.

С этого момента у меня впервые появилось какое-то недружелюбное чувство по отношению к государю, связанное с убийством Столыпина и его поведением после смерти Столыпина. Он даже не остался на похороны, уехал в Чернигов, в Крым. Что меня особенно больно кольнуло, это та беседа с государем, которую мне передал Коковцов. Это характерно для всех порядков. Коковцов только что назначен, в Киеве его государь назначил. Государь уехал на юг, Коковцов вернулся в Петербург. Через две-три недели накопились вопросы, Коковцов поехал в Крым. Во-первых, самая передача ему власти... Все министры собрались в Киеве на вокзале провожать государя. Государь, обходя всех, подошел к Коковцову и говорит: «Владимир Николаевич, у меня к вам просьба и у меня есть виды на вас. Я имею в виду назначить вас председателем Совета министров...»

Базили. Это было очень скоро после гибели Столыпина?..

Гучков. Столыпин только что умер, даже не похоронен. Государь назначает его в такой форме на вокзале. Все же такое смутное время, убит председатель Совета министров, министр внутренних дел. Так, знаете ли, лавочку не передают своему приказчику, как государь передает Коковцову Россию. Коковцов едет в Крым для доклада. Его принимают такими словами: «В. Н., я слышал, как вы себя окружили, как вы повели дело первые дни, я знаю ваши требования. Я очень рад, что вы не делаете того, что делал покойный Столыпин, который заслонял меня...» Коковцов тогда не имел особого теплого чувства к Столыпину. Разные натуры. Коковцов порядочный царедворец, бюрократ в плохом смысле этого слова... Все-таки это через две-три недели. У Коковцова вырвалась такая фраза: «Ваше Императорское Величество, покойный Петр Аркадьевич не заслонял вас, он умер за вас»³³. Царь говорит с упрямством: «Он заслонял меня. Мне надоело читать каждый день в газетах “Председатель Совета Министров, Председатель Со-

вета Министров!»»

Меня так передернуло. Был государь маленький, вроде Вильгельма I, — он взгромоздился на плечи такого гиганта, как Бисмарк... Какие могут быть счеты. Заслонять... Та очень скромная популярность, которой Столыпин пользовался, довольно одинок он был... В противоположность многим другим министрам Столыпин никогда [не позволяя себе] ни одного слова осуждения, ни цитирования какого-нибудь факта, который мог бы представить государя с непривлекательной стороны. Наоборот, все, что только можно было делать хорошего, он приписывал государю. У меня были добрые отношения с П. А. Не припомню какого-либо факта, которым он охарактеризовал бы с противоположной стороны государя, никогда. И оказывается — «заслонял».

Тогда мне вспомнилось: в начале своего правления Столыпин тяжело заболел, второй раз в 1909 г. он был тяжело болен воспалением легких. Доктора приказали ему после выздоровления проделать такой курс лечения морским воздухом, государь предоставил одну из яхт в его распоряжение. Тогда еще террор был силен, а так как на яхте можно было создать безопасность, он с семьей по шхерам разъезжал... К 1 января каждый год морской министр представлял государю список яхт для распределения по разным категориям. И вот тогда морской министр государю назвал яхту, на которой Столыпин ездил, и спросил, в какую категорию ее зачислить. Государь воскликнул: «Ну уже, конечно, не Столыпинская яхта»...

Третий эпизод характерный. 1908 год. Свидание государя с королем Эдуардом. Вот это был как раз апогей престижа Столыпина. Революционный период закончился, начала какая-то работа налаживаться. Это был медовый месяц Столыпина. Интересный человек. Эдуард очень интересовался Столыпиным, всегда искал возможности с ним поговорить. Встреча ли была на императорской яхте, он всегда искал возможности с ним поговорить. Столыпин отлично говорил по-английски, кругом фотографы, получалось: грузная фигура Эдуарда, большая фигура Столыпина, затем все это в английских журналах было. Я знаю от Нилова, что коллекционировали эти фотографии и незаметно подсовывали государю: так встреча с Эдуардом отражается в прессе английской — Столыпин, Столыпин, Столыпин...

Базили. Кто вел эту борьбу, кто старался дискредитировать Столыпина?

Гучков. Воейков. Надо было принадлежать к интимному кругу царской семьи, чтобы этим пользоваться.

Базили. Я был в Ставке свидетелем того, как Воейков интриговал против Кривошеина и Сазонова. Это очень странное влияние Воейкова. Государь Воейкова не любил, но Воейков странная была фигура, Воейков всегда был у него. Я имел несколько разговоров с государем во время моего пребывания в Ставке, у меня было с государем всего два-три разговора. Государь поручил мне писать письма иностранным государям: королю румынскому и Пуанкаре. Я написал королю румынскому целый ряд вопросов. Государь был очень доволен этим письмом. Он говорит со мной об этом письме. Приятный мне разговор, но длинный. И вот я вижу, Воейков начинает приходить в неистовство и подходит во время разговора два-три раза: «Ваше Императорское Величество, вас ждут...» Как только кто-нибудь, кто не был в этой маленькой кучке, обращал на себя внимание [государя], налаживались какие-то разговоры, которые могли быть сегодня об этом, завтра о чем-нибудь другом, — сейчас же [начиналось противодействие].

Гучков. Такой эпизод. Полтавские торжества — юбилей Петра Великого. Столыпина занимала мысль: довольно редко поездки государя в провинцию, надо этим [случаем] воспользоваться, чтобы создать народные празднества вокруг него. Был составлен план, из целого ряда окружающих губерний созваны волостные старшины присутствовать на торжествах. Для них был выстроен целый лагерь под Полтавой. Столыпин хотел поближе свести государя с крестьянством, а так как этот вопрос все-таки в церемониал не входил, крестьянство присутствовало, но не было общения, то как-то врасплох Столыпин говорит: «Ваше Императорское Величество, было бы очень желательно, чтобы вы их посетили». Государь говорит: «Охотно». Но ему кто-то такой говорит: «Ваше Императорское Величество, ведь это не предусмотрено, вы должны быть там-то и там-то».

Столыпин его повез туда, несмотря на протест церемониальной части. Государь обходил всех Вели они себя, эти мужики совершенно идеально т. е. никаких не было просьб, они так были на верху счастья, что государь к ним пришел, все ответы, которые ему давали, были тактичны до высокой степени. Государь ходил и душевно радовался. как в теплой ванне пребывал, какой-то фирмиам шел обожания, чувствовал, как эти люди к нему относятся. Он всех обошел. Государь сказал: «Однако я здесь больше задержался, чем нужно было, остальные номера с опозданием, я здесь двадцать минут пробыл». Столыпин вынимает часы: «Ваше Императорское Величество, два часа»

Государь пробыл два часа с мужиками и не заметил.

Базили. Это очень интересно, это показывает, до какой степени, если бы этот человек попал в другие руки, в руки действительно преданных стране людей, из него можно было бы сделать Большого Монарха, но доверие его пошло в другую сторону. Это его погубило.

Гучков. Еще один эпизод расскажу, который характерен по отношению к Столыпину. В III Государственной думе мы застали министра народного просвещения Кауфмана. Он был во главе ведомства императрицы Марии. Он не был на высоте Министерства народного просвещения. Времена трудные были, разруха в школе, гимназии, особенно университеты, профессора... Разрушение какое-то шло. Надо было бы привести школу в порядок, но это не значит, что тот, кого назначили, был удачен. Назначили Шварца, очень хорошего педагога, знающего свое дело, но [это был] какой-то формалист. Жизнь он не знал, не признавал. Он стал приводить высшую школу в порядок. Сообразовываясь с нормами закона, он обнаружил, что в жизнь высшей школы вошло такое самовольное явление — студентки. Не допускать студенток. Оказалось, что 600—800 девушек оказались университетскими студентками. Еще кончающих курс не было. Многие из них приехали из-за границы, учились в Женеве.

И вдруг мы в Государственной думе узнаем, что Шварц разослал циркуляр — всех девиц выкинуть вон. Я вижу, какая радость на левых скамьях. Великолепный случай правительство дискредитировать, я вижу там злорадство, запрос готовится. Я сам чувствую, что правительство совершенно неправо. Мне хочется спасти правительство от бламажа... Тогда я иду к Шварцу, потому что у меня добрые отношения. Отказ: закон. Тогда я иду к левым. Как сейчас помню, я к некоторым из них относился терпимо, к другим брезгливо. Я относился брезгливо к Чхеидзе с его ненавистью к буржуазному строю, русскому народу, к России самой. Он из злобных был, он глава социал-демократической партии (фракции. — *Ред.*). И почему-то не кадеты, а этот идет с запросом. Я иду и говорю: «Я слышал, что вы собираетесь такой запрос предъявить. Я хочу верить, что вы принимаете интерес в девушках, но ваш запрос загубит этих девушек. Поэтому к вам просьба». — «Что же вы хотите от меня?» — «Дайте мне срок два-три дня».

Тогда, не знаю, потому ли, что я сумел подойти, но он мне дал обещание, что запросов не будет. Тогда я взял с собой Анрепа, который был председателем комиссии по на-

родному образованию, и по телефону снесся со Столыпиным и просил, чтобы он нас принял. И, как сейчас помню, поздно ночью, он в то время жил в Зимнем дворце, мы изложили положение. Столыпин очень мало знал. Я ему все рассказал и говорю: это вещь недопустимая. Конечно, незаконность налицо но, если восстанавливать закон, нужно карать тех, которые допустили: министр народного просвещения, попечители округов. Но ведь тут вы на тех, кто наименее виноват, обрушились. Столыпин стал на формальную позицию, защищал действия своего министра: «Он другого ничего не может сделать». Но сказал: «Я подумаю».

Когда мы поздно ночью вышли, Анреп говорит: «Я был прав, по-моему вышло. Столыпин понял всю жестокость этой меры, он примет это к своему производству». Я Столыпину сказал: «Имейте в виду, это вещь спешная, иначе будет скандал». Эти самые курсистки — они с самого начала предприняли шаги: образовались маленькие группы депутаток от студенток. Они обходили разных политических людей. Ко мне тоже пришла группа, четыре барышни, которые просили заступиться за них. Я говорю: «Обещайте, что вы ничего не предпримете. Ведите себя скромно и больше не обхаживайте никого. Если не удастся — делайте что хотите».

Звонок по телефону. Столыпин радостным тоном говорит: «А. И. все налажено. государь дал лично от себя распоряжение, чтобы никаких репрессивных мер в отношении тех, которые уже приняты, не было, а что касается допуска женщин в университеты, будет законодательная мера. А кроме того, я хотел бы вас видеть». Он хотел, чтобы я знал некоторые подробности. Он мне рассказал, что на другой день после [нашей] беседы с ним он отправился к государю, говорит, что допущена такая незаконность [в отношении] 600—800 девушек. Теперь министр Шварц ничего не может сделать. Но, Ваше Императорское Величество, он говорит, есть одна инстанция, которая может творить правду, становясь выше всяких законов. Государь улыбнулся и сказал: «Вы меня имеете в виду». Столыпин говорит: «Да, Ваше Императорское Величество...», и далее, не знаю в какой форме, что не [следует] допускать удаления, и Столыпин прибавил при этом: «Вас будут спрашивать, как это произошло, объясните им, что правительство ничего не могло делать, как исполнять закон, а та милость, которая им оказывается, — милость государя императора».

Базили. Как произошло, что Столыпин оценил так

верно земельные реформы?..

Гучков. Он сам из помещиков, он крестьянское хозяйство, помещичье хозяйство знает, [побыл и] в качестве гродненского губернатора. Эта западная губерния гораздо ближе стояла к нуждам населения, там губернатор был, как председатель губернской земской управы — близко к этим вопросам стоял. Так как он человек просвещенного ума и не был, как Хомяков, противник земельной реформы, поэтому [ему не была чужда] идея создания частной крестьянской собственности... Знакомство с русской деревней, во-первых, и идеи западные, во-вторых. В нем отсутствовал социальный элемент, Столыпин был представитель государственной идеи. Государство нуждается в богатом крестьянине, а если благодаря этому помещики не могут иметь крестьянский труд — пусть перестроятся. Он к этому пришел, видимо, давно.

Первое мое соприкосновение с ним, когда он был во главе правительства и после неудачи Витте. Когда Столыпин на первых же порах приступил к такой же идее, он имел в виду Шипова, Львова, меня; он в первые дни своего появления у власти развивал эту идею. Он убеждал Львова взять на себя, говоря, что нет предела той земельной реформы, которую он имел в виду; [намереваясь исполнить] все, что требуется в смысле государственных жертв, чтобы расширить площадь крестьянского земледелия, [предоставить] льготы по покупке земель,... что нет предела — это основа всего. Если только нам эта земельная реформа не удастся, то всех нас надо гнать поганым помелом. Он указывал, что между Львовым и им разницы по существу нет большой, он не допускает революционного элемента в эту реформу.

Базили. Это так легко было сделать. Все дворянство в долгу, как в шелку. Просто курс поставить определенный.

Гучков. Это в нем давно сидело. Потом, когда он приступил к реформам, он нашел этот вопрос подготовленным. Разработка шла по Министерству внутренних дел. Это была работа В. И. Гурко в качестве товарища министра, ближе подошел к этим идеям и тот законопроект, который правительство провело в порядке 87 статьи, этот закон составлен главным образом на основании проектов, подготовленных в министерстве Гурко.

В противоположность тем, которые думают освободить и предоставили крестьян самим себе, он предполагал, что это первый шаг к дальнейшему. Подъем культурный крестьянства. Раз вы вышли из общины, сделались земельным

собственником, вы вправе приобщиться ко всем тем экономическим и финансовым благам, с которыми связан личный кредит, особенно крестьянские банки, которые давали возможность мелким собственникам улучшить хозяйство. [Наряду] с этими экономическими мерами была принята мера подъема общественного и социального уровня крестьян, подготовки их к идеям самоуправления в тех пределах, в которых их навыки давали возможность, [поставлен] вопрос о волостном земстве. Мужика пустили в губернское земство — там он теряется; в уездном — тоже, но он думал создать из волостных земств хорошую школу для крестьянства. И, наконец, поднятие умственного уровня крестьянства посредством школы. Со времени III Думы много было сделано в смысле образования. Такая работа обещала нам лет через десяток — два — три получить новое крестьянство.

А волостное земство вот в каком виде. Оно было коньком либеральных партий. Столыпин очень сочувственно к этому относился. Разумеется, правительство не выполнило всех ожиданий, так как в волостном земстве предполагалось слить в общей работе разные группы населения, начиная от помещика, собственника завода, местного священника, доктора и лавочника и, наконец, просто крестьян. Надо было против засилья крестьянской массы оградить этих представителей. Поэтому вводились некоторые нормы, ограничения, волостное земство было поставлено под известный контроль, пока формы самоуправления еще не созрели, требовалось руководство.

Левые встретили волостное земство в штыки, в правых кругах несочувственно. Мы, в середине, мы были сторонниками этого. Наш докладчик Глебов, предводитель дворянства Нежинского уезда, был немножко склонен к левизне в этих вопросах. В законопроекте, поскольку он прошел комиссии Думы, Глебов дал уклон несколько более в сторону левых ожиданий. И сделал его малопривлекательным. Даже для правительства характерно было, что этим левым поправкам правые элементы не препятствовали. В таком виде это попало в Думу. Столыпин несколько раз пытался Глебова и некоторых членов этой комиссии обламывать, чтобы они пошли на уступки, которые сделали бы этот законопроект приемлемым. В конце концов этот законопроект прошел и поступил в Государственный совет, а там он не успел пройти. У Столыпина был один недостаток: он не умел рекламировать ни себя, ни своего правительства, ни программы.

5 апреля 1933 г.

Гучков. С первых же дней существования Временного правительства я почувствовал его шаткость — та санкция сверху, та преемственность, тот легитимный характер, которые были бы ему даны новым монархом, занявшим место прежнего, отрешенного, исчезли с отречением великого князя Михаила Александровича. И в то же время под него не были подведены снизу какие-либо прочные устои. Не было санкции народного избрания, не было законодательных учреждений, опирающихся на народную волю, и не было ничего конкретного. Были только общие смутные чувства симпатии, доверия, но и эти чувства не были ярки, не были прочны. В отдаленном будущем предполагалось созвать Учредительное собрание, но ни срок созыва, ни состав собрания, ни способы его избрания не были еще определены. Разработку всех этих вопросов передали в особую комиссию юристов и государствоведов. И представлялось еще большим вопросом, удастся ли провести выборы и созвать Учредительное собрание в то время, когда на фронте еще бушевала война.

Итак, Временное правительство висело в воздухе, наверху пустота, внизу бездна. Получалось впечатление какого-то акта захвата, самозванства. Единственный выход из этого состояния изолированности я видел в созыве законодательных учреждений, во всяком случае Государственной думы, все же покоящейся на народном избрании. Наиболее правильным актом я считал созыв Государственной думы в том составе, в каком застал ее переворот, но я готов был примириться с некоторыми частичными поправками в виде дополнения ее состава представителями каких-нибудь групп населения, не представленных или слабо представленных в Думе. Подобные перелицовки общественных учреждений уже стали практиковаться кое-где путем введения в городские думы представителей демократических групп.

Еще в одном отношении Временное правительство, по моему мнению, крайне нуждалось иметь рядом с собой законодательные учреждения. Оно нуждалось в трибуне, в возможности говорить общественному мнению, народным массам через головы законодательных учреждений. Оно нуждалось также в критике, нуждалось в необходимости объяснять и оправдывать свои действия. К вопросу о созыве Думы я возвращался несколько раз в беседах со своими то-

варищами по Временному правительству. И не нашел ни одного сочувствующего этой идее. Я даже не нашел никого, кто ощущал бы так остро, как я, это состояние заброшенности, изоляции Временного правительства.

Характернее всего были слова А. И. Шингарева, который, объясняя свое отрицательное отношение к моему предложению, как-то заметил: «Вы предлагаете созвать Государственную думу потому, что вы недостаточно знаете ее состав. Если бы надо было отслужить молебен или панихиду, тогда стоило бы ее созвать, но на законодательную работу она неспособна». А. И. Шингарев имел в виду тот состав IV Думы, который образовался в тех условиях административного давления. В частности давления церковных властей, у которых проходили выборы в эту Думу.

У меня получилось ощущение, что отрицательное отношение к идее созыва законодательных учреждений объяснялось отрицательным отношением большинства членов Временного правительства, принадлежавшего к кадетской партии к данному составу Государственной думы, где эта партия была чрезвычайно слабо представлена. По-видимому, у них было ощущение, что они не найдут прочного большинства в Государственной думе, в чем они, по моему глубокому убеждению, очень ошибались. В общественном мнении, да и в самой Думе, несомненно, произошли глубокие сдвиги. Те общественные классы, которые были представлены в Думе и образовывали думское большинство, смотрели на Временное правительство как на последнее прибежище в создании государственной власти и в ограждении страны от анархии.

Потерпев неудачу внутри Временного правительства, я попытался найти союзников вне, среди лиц, которые могли иметь известное влияние на решение правительства, но и там эти союзники оказались немногочисленны. Среди членов Думы, и в частности среди Думского комитета, я нашел только двух, которые готовы были поддержать мою идею. Это были М. В. Родзянко и В. А. Маклаков. Другие либо относились отрицательно, считая, что Дума в силу цензового характера своего избрания дискредитирована в глазах народных масс, во всяком случае не авторитетна, и потому не ждали большого толка от ее созыва, либо не искали (и скорее избегали) случая разделить с Временным правительством ответственность в деле управления государством.

Если бы Временное правительство решилось созвать Государственную думу, она собралась бы и громадная бари-

шинством поддержала правительство. Дума в своем громадном большинстве не рвалась к активной роли и отказывалась производить на правительство нужное давление. Все же благодаря настояниям М. В. Родзянко и моим удалось добиться созыва совещания, но раннего и однократного, составов всех 4-х Государственных дум. Такое совещание было приемлемым для противников созыва Государственной думы как определенного государственного установления, ибо, во-первых, в состав этого Совещания входили первые две Думы с их ярко демократическим характером и революционным прошлым. Во-вторых, такое Совещание не угрожало стать прочным государственным учреждением. При таких условиях Временное правительство сохраняло всю полноту государственной власти.

Те впечатления и наблюдения, которые я вынес от соприкосновения с Совещанием четырех Дум, меня еще более убедили в необходимости для Временного правительства иметь над собой или рядом с собой правильно сконструированные государственные учреждения. Прохождение через такое законодательное учреждение проектов правительства гарантировало бы до известной степени их большую продуманность и обоснованность, и вместе с тем трибуна этого законодательного учреждения давала возможность правительству живыми речами осведомлять общественное мнение и примирять его. Получалась какая-то связь со страной, возможность на нее опереться. В сознании необходимости существования такого законодательного учреждения я готов был идти даже на такие уступки, как образование такого учреждения из состава всех четырех Дум. Лучше было иметь такую несколько распухшую и уродливую Думу, чем не иметь ничего.

Но время шло. Комиссия, выработывавшая положение об Учредительном собрании, торопилась закончить свою работу. Предвиделись выборы в Учредительное собрание. Интересы и шансы к созыву Государственной думы все слабели. Значительно позднее потребность в подведении каких-то общественных фундаментов под Временное правительство нашла себе выражение в двух направлениях. В Москве состоялось так называемое Государственное совещание, в Петербурге под самый конец существования Временного правительства был собран Предпарламент. Московское совещание совсем не претендовало стать постоянным установлением. Петербургский предпарламент исчез под ударом грозных событий.

10 февраля 1936 г. Беседа с А. И. Гучковым

А. И. на обращенный к нему вопрос сказал, что его письмо к графу В. Н. Коковцову имело целью только указать, что в вопросе о гибели царской семьи он всецело примыкает к взгляду, высказанному В. Н., а не к взгляду П. Н. Милюкова³⁴. Однако опубликовать в таком виде письмо не имеет смысла, потому что нужно было бы его обосновать. В настоящее время он занят этим с помощью своего племянника П. Н. Гучкова и Руманова.

А. И. считает, что положение сделалось безнадежным с того момента, когда великий князь Михаил Александрович отказался санкционировать происшедшее. Рядом с Советом раб. и солд. деп. Временное правительство было совершенно бессильно, и он, А. И., сознавал это с первой минуты. П. Н. Милюков, который имел дело с Палеологом и другими послами и занимался обменом нот, не мог знать надлежащим образом настроений. Он, Гучков, соприкоснулся с массой, он буквально купался в солдатских делегациях. Пришлось ему бывать и на фронте, и для него совершенно было ясно, что Временное правительство абсолютно ни на какую силу опереться не могло. Оно всецело находилось во власти Ахерона, который грозил каждую минуту затопить его. А. И. неоднократно обсуждал этот вопрос с ген. Корниловым, который смотрел на положение дел совершенно так же.

Держалось Временное правительство только иллюзиями. и иллюзия была с обеих сторон: со стороны Временного правительства, которое полагало, что оно может на какие-то силы опереться, и со стороны Совета раб. и солд. деп., который не сознавал своей силы и думал, что за Временным правительством стоят какие-то силы. В действительности Временное правительство было совершенно голым. «А король-то был гол!» Надо было избегать всего, что могло бы обнаружить эту наготу.

Когда собралось Временное правительство и стали обсуждать вопрос о положении царской семьи, все без исключения, не исключая Керенского, самым искренним образом были озабочены вопросом о спасении царской семьи. Но ввиду настроения Совета раб. и солд. деп. надо было действовать так, как будто делается это по настоянию англичан. Иначе это могло бы только возбудить подозрения революционно настроенных масс, угрожавшие опасностью царской семье. Попытка вывезти царскую семью без подго-

товки могла бы привести к тому, что они были бы задержаны на границе и местный Совет раб. и солд. деп. их расстрелял бы.

Это вопрос, на котором лучше всего обнаружилась иллюзорность власти Временного правительства и его полное бессилие. Из 200-тысячного петербургского гарнизона только 4200 молодых офицеров и юнкеров были действительно верны правительству. Молодежь эта действительно была склонна к активным действиям. Но генералы, которые потом пошли в белое движение, тоже не верили в возможность каких-либо активных действий. Даже в вопросе о терроре только молодежь, лица не старше ротмистра, высказывались положительно.

На мой вопрос, на кого же тогда предполагал опереться ген. Корнилов в своей августовской попытке, А. И. ответил: Корнилов неоднократно указывал ему, А. И., что он, А. И., как «буржуй», не может рассчитывать увлечь за собой войска. Напротив, по его мнению, Керенский, который представлялся им своим человеком, мог бы это сделать. И свое выступление Корнилов рассматривал как *coup d'Etat* [государственный переворот], который должен быть произведен под флагом Керенского. А. И. был осведомлен об этом ген. Крымовым, покончившим с собой при неудаче. Ген. Крымов со своими казаками должен был, по плану Корнилова, явиться авангардом движения. Казаки эти пока подчинялись Крымову, но по мере приближения к столице разложение сказалось и у них. У Керенского в последнюю минуту не хватило мужества, и когда была получена его дезавуирующая телеграмма и Корнилов не двинулся, Крымов оказался в таком положении, что покончил с собой. Адьютант Крымова передал А. И., что, когда он раненый лежал на полу, он сказал: «Если бы мне попался в руки Корнилов, я бы его собственноручно пристрелил»³⁵.

На дальнейший мой вопрос, каким же образом удалось подавить восстание 3 июля, А. И. ответил, что с помощью небольшого количества верных юнкеров и офицеров можно было оказать сопротивление, но никаких самостоятельных активных действий предпринять нельзя было. Может быть, если бы в апреле толпа, собравшаяся перед Мариинским дворцом, который находился под охраной офицеров и юнкеров, попыталась напасть на него, последующее получило бы другое развитие.

В конце А. И., возвращаясь к вопросу об отказе великого князя Михаила Александровича, сказал: «Маклаков прав. Это определило неизбежно все последующее»³⁶. Когда

последовал отказ, я заявил, что не войду в состав Временного правительства. Но меня стали упрашивать, не исключая Керенского, и у меня было ощущение, что если я не пойду, это будет дезертирством. Оставаясь верным своему прошлому, после отказа великого князя я не должен был пойти во Временное правительство».

Комментарии

Стенограммы бесед А. И. Гучкова и Н. А. Базили хранятся в архиве Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета³⁷. С любезного разрешения его дирекции предпринимается настоящая публикация.

Бумаги Базили³⁸ поступили в архив Гуверовского института в мае 1965 г. в качестве дара от его вдовы Л. де Базили³⁹.

Находясь в эмиграции, Базили решил написать книгу по истории императорской России, в которой предполагал осветить практически все аспекты русской дореволюционной жизни⁴⁰. Для этого он заказал группе лиц составление отдельных статей-справок, которые впоследствии в переработанном виде должны были войти в текст будущей книги. Авторы материалов, огласив готовые тексты заказчику и получив за это скромные гонорары, дали последнему расписки, в которых отказывались от дальнейших прав на рукопись в его пользу⁴¹.

Полученные Базили материалы касались самых разнообразных сторон российской действительности. Так, справку по истории русской культуры писали П. Б. Струве и Г. П. Федотов, по истории церкви — А. В. Карташев, о «конституции» графа М. Т. Лорис-Меликова, о печати во второй половине XIX в. — А. В. Руманов, о революции 1905 г., политических партиях в 1917 г., земельном вопросе и главу «Конституционно-самодержавный строй» — В. А. Оболенский, об истории социал-демократического движения в России — Вольский (Н. В. Валентинов), о «Проблеме "произвола" применительно к России» — К. Зайцев и т. д.⁴²

Базили намеревался использовать также выдержки из воспоминаний многих политических и государственных деятелей, оказавшихся в эмиграции. Для этого он составил список лиц, которых следовало «повидать и опросить». Среди них оказались: Б. Э. Нольде, М. М. Федоров, П. Б. Струве, М. И. Занкевич, Н. Н. Головин, А. И. Русин, Мирьям Бьюкенен (дочь английского посла в России), барон Н. Н. Кноринг, С. Н. Палеев, А. Некс, А. И. Путилов, М. И. Терещенко, П. Н. Игнатъев, В. Л. Бурцеа, Г. А. Алексинский, барон М. Ф. Шиллинг, А. А. Нератов, А. А. Буксгевден, граф В. Н. Коковцов, Ф. А. Головин⁴³.

В сборе материалов неоценимую помощь Базили оказали Руманов⁴⁴ и Оболенский⁴⁵. При их посредничестве, иногда и в их присутствии, а часто и ими самими были проведены записи бесед с различными бывшими политическими и государственными деятелями, оказавшимися в эмиграции⁴⁶. В 1932—1933 гг. Базили сам или через Руманова и Оболенского обращался в письменной форме с вопросами и просьбами поделиться воспоминаниями, как правило о периоде 1914—1917 гг. (до октября 1917 г.), еще к ряду лиц: М. В. Челнокову (жившему в Сербии), А. В. Карташеву (в Англии), Н. Е. Маркову и А. И. Коновалову (в Париже). Базили получил справки по разным вопросам у бывших высокопоставленных чинов Министерства внутренних дел (А. В. Герасимова и др.), жандармского генерала А. И. Спиридовича.

С некоторыми из опрашиваемых Базили встречался по несколько раз (А. Ф. Керенский, А. С. Лукомский, А. И. Гучков и др.), предлагая, как правило, встретиться для беседы в клубе или ресторане за завтраком (так прошла одна из встреч с Гучковым). С теми, кто жил в Париже, он, как правило, встречался лично, стенографируя ответы на поставленные вопросы. Однако Милоков и Коновалов ограничились письменными ответами на присланный вопросник; никаких данных об их встречах с Базили по этому поводу не имеется.

Из просмотренной переписки Базили с лицами, у которых он брал интервью, видно, что письма в основном датированы ноябрем — декабрем 1932 г. либо февралем 1933 года. Следовательно, можно предположить, что именно в это время он начал основную подготовительную работу по сбору мемуарного материала для будущей книги. Некоторые недостающие свидетельства и уточнения к уже имеющимся воспоминаниям были получены в начале мая 1934 года⁴⁷.

Для каждого собеседника Базили подготавливал вопросники. При этом

учитывалась политическая ориентация, прошлая деятельность и политический вес опрашиваемого. Например, Милюкову и Гучкову был поставлен вопрос о генезисе Временного правительства. Керенскому, которого Базили считал представителем социалистического лагеря и инородным элементом во Временном правительстве первого состава, — о генезисе Совета рабочих и солдатских депутатов и социалистическом рабочем движении. В связи с вопросом о происхождении Временного правительства Базили собирался выяснить у Гучкова причины появления в правительстве Терещенко, Некрасова, Керенского⁴⁸. Обращает на себя внимание целенаправленность задаваемых вопросов и стремление Базили скрупулезно разобраться в ряде ключевых и весьма запутанных моментов. Так, один и тот же вопрос об отречении великого князя Михаила Александровича ставился перед Гучковым, Милюковым и Нольде⁴⁹.

Наиболее подробные вопросы Базили предложил Милюкову и его первой жене Анне Сергеевне (1861—1935, дочь профессора Духовной академии С. К. Смирнова) и Гучкову. Первым двум был представлен обширный вопросник, в который помимо вопросов, касающихся периода 1914—1917 гг., вошли, например, и такие, как значение политического влияния Милюкова на В. О. Ключевского, или как историк Милюков стал политиком, ряд вопросов личного плана (увлечения, привязанности)⁵⁰.

В мае 1934 г. сбор материалов в основном завершился. Через два года, в мае 1936 г., Б. И. Николаевский в письме заместителю директора Русского заграничного исторического архива в Праге (РЗИА) А. Ф. Изюмову сообщал, что выпуск подготовляемой Базили книги «из-за кризиса все затягивается»⁵¹. Возможно перед отъездом в Нью-Йорк, видя, что книге не суждено быть напечатанной, он передал имевшиеся у него материалы, в частности стенограммы воспоминаний, в какое-то архивохранилище или частным лицам. На эту мысль наталкивает письмо Базили в РЗИА, в котором он просит разрешения администрации архива использовать хранящиеся в РЗИА мемуары Н. Н. Таганцева для подготовляемой им книги. В ответ Изюмов писал: «Со своей стороны Р. З. И. Архив обращается к вам с просьбой передать в Архив те материалы, которые Вам будут не нужны или которые будут Вами использованы уже для предполагаемой к печати книги. Передачу материалов можете легко осуществить через постоянного представителя Р. З. И. Архива в Париже Менделеева»⁵².

Из собранных Базили материалов только незначительная часть находится в архиве Гуверовского института. Сохранившиеся материалы (в частности, по-видимому, глава будущего труда, названная «Конец монархии», — 108 стр. машинописи) показывают, что Базили вел интенсивную работу над книгой⁵³.

В августе — сентябре 1936 г. в парижской газете «Последние новости» появилась обширная публикация «Из воспоминаний А. И. Гучкова»⁵⁴. В предварявшей ее статье Милюкова говорилось, что мемуары представляют собой литературную переработку стенограмм «Эта обработка являлась только предварительной, уже по одному тому, что лицом, взявшим на себя труд, не были использованы все найденные после смерти Гучкова стенограммы»⁵⁵.

В коллекции Базили имеются три идентичных экземпляра рукописи «Из воспоминаний А. И. Гучкова» по 118 машинописных страниц (в одном — 119); один экземпляр находился в Париже у Л. А. Часар (гражданской жены Гучкова)⁵⁶. Судя по имеющимся на одной из копий пометам Руманова, намечавшего подзаголовки, он имел непосредственное отношение к подготовке текста для публикации. Но его участие ограничивалось редактурой уже составленного текста «Из воспоминаний» перед передачей издателю, компоновал же его Оболенский по заказу Базили, предполагавшего полностью включить воспоминания Гучкова в русское издание подготовленной книги.

В письме Базили Оболенский указывал, что пересылает «перелицованную рукопись Вашего интервью с Гучковым. Работа оказалась гораздо труднее, чем я ожидал. Стенографированный Ваш разговор перескакивал с одного предмета на другой, и все эти отдельные клочки разговора приходилось отделять друг от друга и сцеплять с другими клочками. Затем пришлось каждую фразу подвергнуть грамматической переработке.

От этого текст местами потерял гучковскую красочность. Все-таки я старался по возможности придерживаться ближе к тексту. Иногда приходилось кое-что добавлять от себя, вставляя целые вводные куски, ибо без них лаконичные замечания Гучкова были бы совершенно непонятны. Сделал я и кое-какие купюры в таких случаях, когда знал, что Гучков ошибается» (например, с партийной принадлежностью Д. Г. Богрова и т. п.), и продолжал: «Вероятно, Вам придется передать мой текст на редакцию Гучкова тем более, что я в нем сохранил личную форму»⁵⁷.

Базили ответил, что согласен с высказанными соображениями и внесенными исправлениями, и советовал: «При изложении Гучкова поневоле нельзя останавливаться перед тем, что язык и выражения будут, может быть, не вполне его», но «изложить надо все»⁵⁸.

В конечном счете текст подвергся значительным изменениям как по содержанию, так и по толкованию отдельных сюжетов, объем сокращен почти вполовину. Например, отношения Гучкова с генералом Алексеевым практически не освещены в газетной публикации. Новое толкование поведения Корнилова во время августовского выступления 1917 г., данное Гучковым, опущено. Тенденциозную окраску получили характеристики ряда лиц. Так, о жандармском генерале С. С. Савиче Гучков сказал: «Очень толковый человек», а в газетной публикации этого нет. Значительно сокращены или изъяты характеристики еще ряда лиц, таких как А. И. Верховский, Н. М. Петалов, Н. В. Рузский, М. А. Кедров, А. В. Колчак, А. С. Максимов и др.

В связи с изложенным возникает вопрос, успел ли Гучков ознакомиться с вариантом Оболенского и внести в него изменения и дополнения. По этому поводу имеется несколько свидетельств. Так, в письме Базили от 14 августа 1935 г., уже страдавшая «мучительной болезнью», Гучков подтверждал наличие у него рукописи воспоминаний⁵⁹. В ответном письме речь шла о «наших записях», которые просматривал Гучков и вносил «исправления и дополнения»⁶⁰. Скорее всего, здесь имеется в виду стенографическая запись, а не текст Оболенского. О том, что Гучков успел просмотреть рукопись «Из воспоминаний», есть свидетельство Милокова. «Этот текст имеет ту особенность, что Гучков успел с ним ознакомиться и его принципиально одобрить»⁶¹. Однако это утверждение было поставлено под сомнение вдовой Гучкова М. И. Гучковой (Зилоти), находившейся при больном муже в последние месяцы его жизни⁶². Вероятнее всего, Гучков работал с текстом стенограмм, как более значимым материалом, а не с текстом, составленным Оболенским.

После смерти Гучкова литературные агенты, получив от Руманова информацию, стали обращаться к Базили с предложениями опубликовать воспоминания Гучкова в эмигрантской прессе. Одному из них, представителю парижского литературного агентства «Сыгга», Базили сообщил, что передал воспоминания «в распоряжение душеприказчиков А. И. Гучкова», и рекомендовал договариваться с ними⁶³. Еще в конце мая 1936 г. вопрос о публикации «Из воспоминаний» оставался открытым⁶⁴. В конце концов текст был передан душеприказчиками Гучкова в «Последние новости». По-видимому, инициатором в этом деле выступил Б. И. Элькин⁶⁵. Следовательно, у душеприказчиков Гучкова оставались стенограммы, а полученный от Базили текст «Из воспоминаний» они представили «Последним новостям», остальные же копии остались у Базили.

Всего в нашем распоряжении имеется десять интервью Базили с Гучковым⁶⁶. В тексте стенограмм сделана незначительная стилистическая правка, восстановленные предположительно слова заключены в квадратные скобки.

Готовясь к интервью с Гучковым, Базили составил перечень вопросов, которые он предполагал задать во время беседы⁶⁷. Свидание состоялось в клубе за завтраком в присутствии Руманова. Здесь же последний записал фрагмент воспоминаний Гучкова, который позднее опубликовал⁶⁸.

Запись первого интервью сделана 5 ноября 1932 г., последнего из имеющихся — 5 февраля 1933 года. Их беседы, как правило, начинались в 17 — 17.30 и длились 2 — 3,5 часа. Некоторые дополнительные сведения о стенографировании бесед мы получили из сохранившегося в фонде Базили рукописного отчета стенографистки (на одной стороне листа без

даты), с подзаголовком «Memoire»⁶⁹ В нем перечисляются лица, с которыми она работала, указываются места встречи, даты (без года), количество затраченного времени, расценки. Среди прочих имеется запись за 30 января: «Записи у Гучкова с 5 — 7 1/2 = 2 1/2 — 70». Далее идет сообщение о расшифровке записи беседы с Гучковым на 30 страницах, сделанной в тот же день. Однако этой стенограммы в фонде Базили не обнаружено. Следовательно, имела место по крайней мере еще одна беседа с Гучковым, следы которой теряются⁷⁰

Не все, о чем говорилось во время бесед, попало в стенограмму. В одних случаях это было сделано сознательно, ряд разговоров участницы беседы просили не стенографировать, о чем есть записи в тексте. 30 августа 1935 г. Базили благодарил Гучкова за то, что тот находит время «заканчивать исправление и дополнение наших записей»⁷¹. По свидетельству Элькина и Николаевского, разбиравшего архив Гучкова, стенограмма была просмотрена и подписана Гучковым, подтвердившим правильность воспроизведения ответов на поставленные вопросы.

Что касается авторизованного экземпляра, то просмотренные нами материалы позволяют думать, что он был передан Гучковым Базили, а тот уже после смерти Гучкова отдал его душеприказчикам последнего. Это, видимо, и есть тот экземпляр, о котором известно, что он пропал в Париже во время войны. Таким образом, экземпляр, оставшийся у Базили и переданный затем в Гуверовский институт, по всей вероятности, является единственным сохранившимся. Ссылки на эти стенограммы отсутствуют также и у биографов Гучкова⁷².

Кроме десяти стенографических записей бесед Гучкова с Базили, в этой же коллекции хранится стенограмма под названием «Беседа с А. М. Гучковым», датированная 10 февраля 1936 года. Следовательно, запись произведена за три дня до смерти. Последний год жизни Гучков был тяжело болен. В 1935 г. у него обнаружили рак кишечника. 21 октября его поместили в клинику Мирабо в Париже, где в декабре он перенес тяжелую операцию, но быстро оправился. Гучков не подозревал, от какого недуга страдает, и твердо верил в выздоровление. У его постели постоянно находились жена и дочь, В. Трейл⁷³

О своей смертельной болезни он узнал за неделю до кончины и начал готовиться, «методически приводя в порядок свои дела и отдавая предсмертные распоряжения»⁷⁴. Умирающий до последнего дня принимал посетителей, около него сидела стенографистка. «Беседа» представляет собой стенографическую запись на 3 1/2 листах (машинопись). Каждый лист подписан В. Б. Ельяшевичем, его же рукой сделана правка «Беседы». Это позволяет нам считать его последним интервьюером Гучкова⁷⁵.

В предсмертных воспоминаниях Гучков коснулся эпизода, о котором ранее не упоминал. Речь идет о смерти генерала Крымова, об обстоятельствах которой ему сообщил подъясаул Кульгавов, адъютант генерала. Надо заметить, что к этому сюжету он обращался и ранее. В нашем распоряжении имеется запись беседы Николаевского с Гучковым 2 апреля 1929 г., содержащая некоторые детали выступления Корнилова. В частности рассказ адъютанта излагается так: «После паникеры подошел адъютант Крымова, который сказал, что Кр[ымов] перед смертью просил его рассказать мне все подробности дела. Дело было, оказывается, так. Крымов был на фронте у Деникина; последний как-то его позвал и говорит, что Крымова скоро должен будет вызвать Корнилов и поручить ему поход на Птб; Ден[икин] советовал Крымову за это дело не браться, т. к. оно очень ненадежно. Тем не менее Крымов, когда получил предложение, взялся (в остальном ничего нового)»⁷⁶. В записи же 1936 г. сказано: «Адъютант Крымова передал А. И., что, когда он раненный лежал на полу, он сказал: «Если бы мне попался в руки Корнилов, я бы его собственноручно пристрелил». В тексте это место взято в квадратные скобки, а на полях запись: «Не для опубликования»⁷⁷. Это дополнение позволяет по-новому взглянуть на содержание не дошедшего до нас последнего письма Крымова Корнилову, о котором известно из воспоминаний Лукомского.

Рассказывая об истории возникновения стенограмм, хотелось бы сделать несколько замечаний о Гучкове как мемуаристе. После окончания

гражданской войны, оказавшись в эмиграции, он продолжал довольно активно заниматься политической деятельностью⁷⁸. Написание же мемуаров, по-видимому, не входило в его первоочередные планы. Первые из имеющихся у нас стенограмм воспоминаний Гучкова относятся к марту — апрелю 1929 года. Записи его рассказов были организованы Николаевским и Элькиным в Берлине. Затем уже упоминавшиеся беседы в 1932 — 1933 гг с Базили и в 1936 г. с Ельяшевичем. По всей вероятности, Гучков не очень был расположен записывать воспоминания, что и подтверждают хорошо знавшие его люди. Так, Николаевский писал, что Гучков «очень любит говорить о прошлом, но не говорить для печати. Он мечтает о том, чтобы написать воспоминания, подвести итоги, — и колеблется, боится взять непосильную ношу»⁷⁹. У Николаевского было «много разговоров с Гучковым, он хотел, чтобы я написал по его рассказам его воспоминания. На основе рассказов я составил очень подробный план, который испугал Гучкова, так как роль Гучкова, как я узнал позднее от его жены, в моем плане вырисовывалась как чересчур революционная. В нем веками намечен весь жизненный путь Гучкова»⁸⁰.

Судя по этим свидетельствам, он отдавал предпочтение устным рассказам, причем знавшие его люди отмечали определенные отличия в его рассказах. Николаевский писал: «А. И. разным людям свои взгляды представлял по-разному»⁸¹. Милюков об оставшихся после Гучкова стенографических записях, продиктованных в разное время разным людям, подчеркивал, что об одних и тех же событиях он говорил с неодинаковой степенью подробности⁸². Это надо учитывать при анализе воспоминаний. Следует отметить и очень цепкую память Гучкова на отдаленные по времени события. Ряд фактов он воспроизводит с поразительной точностью и мельчайшими подробностями.

Примечания

1 *Челноков Михаил Васильевич* (1863—1935) — член II—IV Государственной думы от Москвы, кадет, потомственный почетный гражданин из купцов, домовладелец и владелец четырех кирпичных заводов при ст. Мытищи В 1914—1917 гг — московский городской голова и (до апреля 1917 г.) Главноуполномоченный Союза городов. Умер в эмиграции в Панчево (Сербия) В ноябре 1933 г им написаны воспоминания (Из воспоминаний Московского городского головы М. В. Челнокова. Прием у Государя в 1915 г — Русский голос, №№ 145, 146, 14, 21.1.1934).

2 *Федоров Михаил Михайлович* (1858—1949) — финансист, кадет, в 1907—1908 гг — редактор газеты мирнообновленцев «Слово». Товарищ министра торговли и промышленности в правительстве Витте. Во время первой мировой войны возглавлял областной комитет Союза городов и Земско-городского союза, член Центрального военно-промышленного комитета Во время гражданской войны — председатель Национального центра, содействовал созданию Добровольческой армии на юге России. В эмиграции, в Париже, активно участвовал в общественно-политической жизни В 1922 г — глава ЦК по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей. Один из организаторов и вице-председатель (1921 г) Национального комитета, ставившего целью объединение различных течений в эмиграции. Вместе с В. Л. Бурцевым, С. П. Мельгуновым, П. Я. Рыссом и Т. П. Польшнером входил в редакцию издававшегося в 1926—1927 гг. в Париже журнала «Борьба за Россию» (см. *Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа* (Библиотека Колумбийского университета, Бахметьевский архив, коллекция В. Л. Бурцева, ящ. 2)

3 *Савич Никанор Васильевич* (1869—1942) — октябрист, член III и IV Государственной думы от Харьковской губернии. Секретарь фракции октябристов Ближайший сотрудник Гучкова. В III и IV Думе — товарищ председателя комиссии по государственной обороне. Участник московского Государственного совещания в августе 1917 года. В мае 1918 г. уехал на юг России, входил в состав Особого совещания при Деникине, был Государственным контролером в правительстве Врангеля. Эвакуировался с белой армией в Константинополь, где возглавил ее Ликвидационную комиссию. С февраля 1921 г. до 1942 г. жил в одном из предместь Парижа Автор воспоминаний «Три встречи» (Архив русской революции. Т. 10. Берлин 1923) и «Воспоминания» (Грани, Франкфурт-на-Майне, 1983, №№ 127, 129, 130)

4. На заседании Думы 1 ноября 1916 г Милюков выступил с речью, в которой, не имея достаточно достоверных оснований и опираясь на данные зарубежной прессы, обвинил правительство Б. В. Штюрмера и дворцовые круги в подготовке сепаратного мира с Германией. Характеризуя политику правительства, Милюков несколько раз повторил риторический вопрос: «Измена это или глупость?» Выступление Милюкова произвело на общественность сильное впечатление. В книге А. Я. Авреха «Масоны и революция» (М 1990) на с. 214—216 приводится рапорт на имя генерал-квартирмейстера штаба армий Юго-Западного фронта от начальника русского отдела союзнического бюро в Париже генерала А. А. Игнатьева, в котором он сообщает, что текст этой речи распространялся в России и за границей в литографских оттисках, а в январе 1917 г. она была напечатана во французских газетах.

5 *Вяземский Дмитрий Леонидович* (не Д. М., как в машинописном варианте стенограмм) — князь, коллежский ассессор в звании камер-юнкера Начальник 17-го передового отряда Красного Креста.

6. Гучков реагирует здесь на приводимое С. П. Мельгуновым свидетельство Терещенко о непосредственном участии генерала Крымова в заговорщической группе Гучкова, Некрасова, Терещенко, Вяземского и других. В интервью, данном после самоубийства Крымова, Терещенко свидетельствовал, что для участия в исполнении их плана генерал был в первых числах марта 1917 г. вызван в Петроград, но время уже ушло (см. *Мельгунов С. На путях к дворцовому перевороту. Париж. 1931, с. 150*).

В. С. Дякин считает, что расхождение между версиями Гучкова и Терещенко об участии Крымова в заговоре объясняется, возможно, тем, что Гучков с 13 октября по 20 декабря 1916 г. находился на лечении в Кисловодске и мог быть не в курсе дела (Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л. 1967, с. 300—301). Нам представляется такое объяснение неправомерным. Отрицая участие Крымова в заговоре, Гучков, скорее, намеренно преуменьшает практическое значение и последствия заговора, затушевывая тем самым и свое (монархиста, по его собственной оценке) участие в заговоре против монарха. С момента своей отставки с поста военного министра (судя по первому его выступлению — показанию в апреле 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства) и до самой смерти (что видно из стенограмм) в выступлениях и заявлениях Гучкова прослеживается четкая тенденция к преуменьшению как практического значения подготовки дворцового переворота, так и своего непосредственного в нем участия.

7. *Хатисов А. И.* (1870—1945) — кадет, затем один из лидеров партии Дашнакцутюн. В 1910—1917 гг. — городской голова Тифлиса, в 1918—1920 — министр иностранных дел, затем председатель дашнакского правительства в Армении. Эмигрант в Париже; председатель комитета армян-беженцев при Лиге наций.

8. *Рукавишников К. В.* — московский городской голова до 1905 года Меценат. Его дом до революции был местом встреч деятелей искусства. Дочь его, Дмитриева Е. К. (1874—1958), умерла в СССР. Она автор воспоминаний, хранящихся в Отделе рукописей Российской Государственной библиотеки.

9. *Оболенский Алексей Дмитриевич* (1855—1933) — член Государственного совета (группа центра), сенатор В 1905—1906 гг. обер-прокурор Св. Синода. Один из ближайших сотрудников С. Ю. Витте при разработке октябрьских актов 1905 года.

10. *Хрусталева-Носарь (Переяславский) Г. С.* (1877—1918) — помощник присяжного поверенного, из крестьян, член Союза Освобождения, адвокат Союза печатников. В 1905 г. председатель Петербургского Совета рабочих депутатов. Арестован и в 1906 г. сослан в Сибирь, откуда бежал за границу. Вернулся в 1917 г. в родной Переяславль. Оборонец, антибольшевик. Расстрелян большевиками.

11. *Кузьмин-Караваев В. Д.* (1859—1927) — генерал-майор, гласный Тверского земства, активный участник съездов земских и городских деятелей, член I и II Дум от Тверской губернии. До 1905 г. профессор Военно-юридической академии. В эмиграции принимал участие в различных общественных начинаниях, в частности в Русской академической группе и в Институте русского права (некролог — Возрождение, 18.II.1927)

12. *Ксюнин Алексей Иванович* (1880—1938) — журналист. Начинал журналистом-криминалистом в «Петербургском листке», «Новом времени», «Вечернем времени». Вместе с Гучковым входил в совет Товарищества «Новое время», на протяжении многих десятилетий поддерживал с ним дружеские отношения, участвовал во многих его начинаниях. В 1918 г. эмигрировал в Белград, в 1919 г. — в ОСВАГе у Деникина. В Белграде входил в монархический совет. В 30-е годы собирал для Гучкова информацию об СССР. Узнав о предательстве генерала Скоблина, застрелился.

13. *Хомяков Н. А.* (1850—1925) — октябрист, в 1886—1896 гг. — уездный предводитель дворянства в Смоленской губернии. В 1896—1902 гг. — директор Департамента земледелия в Министерстве земледелия и государственных имуществ. Депутат II, III и IV Дум от Смоленской губернии. Председатель III Думы до 6 марта 1910 года.

14. Н. Берберова пишет, что М. С. Маргулис в своем докладе, прочитанном в Париже в 1925 г., упоминает петербургскую «Военную ложу», в которую входили Гучков, генерал В. И. Гурко, Половцов и еще человек десять высоких чинов (см. также: *Свитков Н.* Военная ложа. — Владимирский вестник (Сан-Паулу), 18/31. V. 1953, № 23, с. 5—8).

15. *Потанов Николай Михайлович* (1871—1946) — генерал-лейтенант Будучи генерал-квартирмейстером Главного управления Генераль-

ного штаба (ГУГШ), с июля 1917 г. сотрудничал с Военной организацией большевистской партии при Петроградском комитете. С Н. И. Подвойским и М. С. Кедровым Потапов был хорошо знаком еще до Октября. Соученик Потапова, видный член Военки Кедров вспоминал, что «после июльских дней генерал Потапов Н. М. ...предложил через меня свои услуги Военной организации большевиков (и оказывал их)» (От Февраля к Октябрю. М. 1957, с. 174). Позднее Потапов сыграл видную роль в операции «Трест», которую провели органы ВЧК — ОГПУ. В ноябре 1917 — мае 1918 г. Потапов — начальник ГУГШ и одновременно помощник управляющего Военным министерством и управляющий делами Наркомвоена (с декабря 1917 г.) В июне — сентябре 1918 г. — член Высшего военного совета. С лета 1918 г. — постоянный член, с июня 1919 г. — председатель Военного законодательного совета (совещания) при Реввоенсовете, с сентября 1921 г. — помощник главного инспектора Всевобуча. Затем на военно-научной и преподавательской работе (см. Военно-исторический журнал, 1989, № 10, с. 75)

16. *Коновалов Александр Иванович* (1875—1948) — фабрикант, член IV Думы от Костромской губ., товарищ председателя Думы от фракции прогрессистов. Министр торговли и промышленности в Временном правительстве. Во Временном правительстве последнего состава был заместителем министра-председателя. С конца 1917 г. в Париже (в 1940—1947 гг. — в Нью-Йорке). В эмиграции входил в состав республиканско-демократической группы партии Народной свободы (кадетов). Председатель правления газеты «Последние новости». После смерти Г. Е. Львова в течение нескольких лет был председателем Российского земско-городского комитета. Один из главных инициаторов и организаторов Русского музыкального общества в Париже и русской консерватории при этом обществе.

17. *Шаховской Дмитрий Иванович* (1861—1939) — земский деятель, член ЦК кадетской партии. Депутат I Государственной думы от Ярославской губ., секретарь Думы. Осужден по делу о Выборгском воззвании. В мае — июне 1917 г. министр государственного призрения во Временном правительстве. В 1917 г. — один из руководителей Союза возрождения России. С 1920 г. работал в кооперации, занимался литературной деятельностью.

18. *Труфанов Сергей Михайлович*, иеромонах Илиодор (1880—1952) — потомственный почетный гражданин Области Войска Донского. Монашество принял в 1903 г., в 1905 г. окончил Петербургскую духовную академию. С 1907 г. в Саратове при епископе Гермогене. В 1909 г. Илиодор впервые встретился с Распутиным у епископа Феофана (ректор Петербургской духовной академии и одно время духовник царской семьи), благоволившего к нему. С 1911 г. становится врагом Распутина. Одно время пользовался расположением Александры Федоровны и Распутина, но в 1912 г. за открытое выступление против Распутина попал в немилость и был переведен из Саратова в монастырь в Гродненскую губернию. В декабре 1912 г. лишен по собственной просьбе монашеского сана. После неудавшегося покушения на Распутина 29 июня (12 июля) 1914 г. Труфанов, считавшийся одним из участников этой акции, бежал за границу. По дороге он на несколько дней остановился в Мустамяках, где встречался с Горьким и читал ему находившиеся при нем письма и документы, компрометирующие царскую фамилию и изобличающие Распутина. Горький одобрил намерение Труфанова разоблачить в печати изнанку жизни династии Романовых, обещал в этом содействии и помог Труфанову пересечь через финско-шведскую границу. По поводу издания книги о Распутине («Святой Чорт. Записки о Распутине») встречался в 1914 г. в Христиании (Осло) с В. Л. Бурцевым, но смог издать ее только перебравшись в США в 1915 году.

19. *Баронесса Исккуль фон Гилленбанд Варвара Ивановна* — председательница Комитета Общества сестер милосердия им. М. П. Кауфмана (в стенограмме ее фамилия ошибочно пишется Исккуль).

20. Здесь память изменяет Гучкову (или, что в данном случае менее вероятно, В. Д. Бонч-Бруевич неверно информировал Гучкова о сделанном им заключении касательно религиозной принадлежности Распутина). В 1912 г. Бонч-Бруевич счел «своим долгом открыто заявить, что Г. Е. Рас-

путин-Новых является полностью и совершенно убежденным православным христианином, а не сектантом» (Бонч-Бруевич В. Как же веруешь? По поводу толков о сектантстве Г. Е. Распутина-Новых. — Современник 1912, № 3, с. 356) Бонч-Бруевич продолжал заниматься вопросом религиозной принадлежности Распутина и после опубликования этого своего заключения.

21. *Давыдов Л. Ф.* (инициалы установлены по имеющейся у Базили, в том же ящике, что и стенограммы, записи карандашом на листках (с оглавлением стенограмм) Очевидно, бывший директор Кредитной канцелярии Министерства финансов, затем видный банковский деятель В начале 30-х годов был в эмиграции в Париже, с ним (работая над своей книгой) собирался встретиться Базили, с тем чтобы задать ему ряд вопросов о последних годах правления Николая II и жизни царской семьи

22. *Гегечкори Евгений Петрович* (1879—1945) — адвокат социал-демократ, депутат III Думы от Кутаисской губернии. В 1918—1921 гг. министр иностранных дел в меньшевистском правительстве Грузии После захвата власти в Грузии большевиками эмигрировал во Францию

23. *Новоселов Михаил Александрович* — публицист, печатался в «Миссионерском обозрении» и «Церковных ведомостях» В 90-е годы XIX в. толстовец. Редактор-издатель «Религиозно-философской библиотеки» издававшейся в Москве в 1910-е годы (коллекция Николаевского ящ. № 129, п. 1; Воспоминания и дневники XVIII—XX вв. Указатель рукописей М. 1976, с. 54) О кружке, собиравшемся у Новоселова, который посещали среди прочих Д. Ф. Самарин и Н. С. Грубецкой, см. *Фудель С. И.* У стен церкви В кн. Надежда Христианское чтение Вып. 2 Франкфурт-на-Майне. 1979, с. 280; *Арсеньев Н. О* московских религиозно-философских и литературных кружках и собраниях начала XX в. — Современник Тонто, 1962, № 6, октябрь, с. 34

24. В январе 1912 г. Новоселовым была написана брошюра «Григорий Распутин и мистическое распутство» Брошюра печаталась в Москве но была конфискована, и печатание не окончено Машинописная (76 с.) копия с нее хранится в коллекции Николаевского (ящ. № 129, п. 1) Еще раньше, в 1910 г., в «Московских ведомостях» было напечатано несколько статей Новоселова о Распутине (№ 49 — «Духовный гастролер Григорий Распутин», № 72 — «Еще нечто о Григории Распутине»)

25. См. *Тарсаидзе А.* Четыре мифа Нью-Йорк 1969 (главы «Дело Мясоедова», «Дело Сухомлинова»)

26. *Звегинцев Александр Иванович* (1869—ок. 1915) — землевладелец, земский гласный и депутат III и IV Дум от Воронежской губ. октябрь, в III Думе председатель комиссии по старообрядческим вопросам, в IV Думе — товарищ председателя фракции октябристов

27. *Князь Бярятинский Владимир Владимирович* (1874—1941) — драматург, журналист. Воспитывался вместе с сыновьями Александра III Окончил Петербургский морской кадетский корпус (1893) Служил в Гвардейском морском экипаже В 1904 г. вышел в отставку Сотрудничал в различных журналах демократического направления. В начале первой мировой войны выехал в Европу Жил в Париже Печатался в эмигрантских газетах, особенно активно в «Последних новостях» Автор памфлетов «Догоревшие огни» (Париж 1934)

28. *Боткин Виктор Сергеевич* — подполковник, штаб-офицер для поручений при военном министре Свойственник Гучкова (его брат Николай был женат на дочери П. Д. Боткина учредителя товарищества чайной торговли «П. Боткин и сыновья»)

29. *Альтшиллер (Альтшулер) Александр Оскарович* — австро-венгерский подданный, обосновался в Киеве в начале 70-х годов XIX в. директор сахарного завода в Бердичеве, председатель правления общества Южно-Русских машиностроительных заводов. За благотворительную деятельность был назначен почетным австрийским консулом в Киеве (эта должность не имела ничего общего с функциями дипломатического консула) (см. Wilcox E. H. Russia's Ruin New York. 1919, pp. 45—46) В литературе он обычно рассматривается как консул враждебной державы, с якобы присущей такой должности шпионской деятельностью Со времени службы Сухомлинова в Киеве Альтшиллер был с ним близко знаком что и

послужило позднее одним из оснований для обвинения Сухомлинова. Кроме слухов, никаких фактических данных о шпионской деятельности Альтшиллера ни в 1912, ни в 1917 г. (во время процесса над Сухомлиновым) приведено не было. Не подтверждается также и сказанное Гучковым по поводу переезда Альтшиллера вслед за Сухомлиновым в Петербург. В марте 1914 г. Альтшиллер покинул Киев и уехал в Австрию. Его сын и брат, как австрийские подданные, были после начала войны высланы в Сибирь (*Тарсаидзе А. Ук. соч.*, с. 288—292)

30. *Суворин Борис Алексеевич* — журналист, редактор газеты «Вечернее время» Младший сын редактора и основателя «Нового времени» А. С. Суворина Участник белого движения, написал очерки о начальном его периоде (*Суворин Бор. За Родину. Героическая эпоха Добровольческой армии 1917—1918 гг. Впечатления журналиста Париж 1922*)

31 *Богров Дмитрий Григорьевич* (1887—1911), помощник присяжного поверенного 1 сентября 1911 г. смертельно ранил Столыпина во время торжественного спектакля в Киевском оперном театре в присутствии Николая II После казни Богрова в прессе появились сообщения о его связях с Киевским охранным отделением (в дальнейшем они были подвергнуты сомнению) Принимавшие участие в казни Богрова Сергеев и Кузнецов впоследствии были приговорены советским судом к 5 и 3 годам заключения соответственно (*Известия, Одесса, 30.X 1927*)

32 Так в тексте

33 Разговор Николая II с Коковцовым вошел в публикацию «Из воспоминаний А. И. Гучкова» (*Последние новости, 2.IX.1936*), что вызвало немалозначительную реакцию Коковцова В письме в редакцию он отрицал приписываемую ему фразу, а также указывал, что в период с сентября по декабрь 1911 г. с Гучковым не встречался (*Письмо графа Коковцова — Последние новости, 6.IX.1936*)

34 Здесь имеется в виду разгоревшаяся в парижской эмигрантской прессе полемика по поводу прочитанного Коковцовым 19 января 1936 г. в общем собрании «Союза ревнителю памяти императора Николая II» доклада «Была ли возможность спасти Государя и его семью в условиях между его отречением в Пскове и роковой развязкой в Екатеринбург?» С небольшими сокращениями доклад был напечатан в «Последних новостях», 21, 22, 23 I 1936 под заглавием «Возможен ли был выезд имп Николая II за границу?» Коковцов утверждал, что Временное правительство, вступив давлением Петроградского Совета и отложив предполагавшийся в первые дни революции отъезд царской семьи в Англию, несет часть ответственности за ее гибель Первым, еще при жизни Гучкова, на выступление Коковцова отреагировал Милюков Он писал, что помешал отъезду за границу отказ со стороны Англии по требованию премьер-министра Ллойд Джорджа, вопреки ранее данному согласию на предоставление убежища царской семье (*Милюков П. Кто виноват? (По поводу доклада графа В. Н. Коковцова) — Последние новости, 26.I.1936*).

В последние дни своей жизни Гучков занимался составлением письма, в котором собирался поддержать Коковцова. Это письмо, даже если оно и было закончено, опубликовано не было. Племянник Гучкова — П. Н. Гучков, сын его брата Николая, бывшего Московского городского головы (1905—1913), умер в эмиграции в 1934 году.

Историей несостоявшегося отъезда царской семьи в Англию интересовался Базили, собирая материалы для книги. На эту тему он беседовал с Лукомским, Гучковым, Керенским, Марковым, обращался с письмами к дочери английского посла в России М. Бьюкенен и Милюкову (Архив Гуверовского института Коллекция Базили. Ящ. 17 (беседа с Лукомским 24.III.1933 г.), ящ. 24 (личные записи Базили), ящ. 1 (Базили — Милюкову, 24 XI.1932, Базили — Керенскому, 6.II 1933, Базили — Н. Маркову, 1 V 1934)

35 На полях рукописи против этого места сделана запись «Не для опубликования».

36. В 1927 г. Маклаков выразил печатно свое мнение по поводу подписания великим князем Михаилом Александровичем манифеста об отречении Уступая требованию членов думского Комитета, писал Маклаков, ве-

ликий князь подписал 3 марта «странный и преступный манифест», который, по существующей конституции, не имел права подписывать, даже если бы был монархом. Игнорируя мнение думского большинства и наперекор Основным законам, он передал Временному правительству (впредь до выборов в Учредительное собрание) власть абсолютного монарха, которой не обладал. Возникшая в результате этого акта анархия, по мнению Маклакова, была навязана сверху, но вскоре использована правительством для оправдания своей слабости. Сначала Временное правительство якобы само нарушило конституционный порядок, а потом посчитало, что сохранить этот порядок — выше человеческих сил. «Придя к заключению, что борьба невозможна, — продолжает Маклаков, — правительством первым уступило в борьбе с анархией» (Маклаков В. Предисловие к кн. *La Chute du Regime Tsariste — interrogatoires*. P. 1927, p. 12). При этом упущено, что с точки зрения существовавших законов передача власти Николаем II брату (с отказом за наследника) была тоже непропорциональной.

37. Архив Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета. Коллекция Н. А. Базили (далее — Коллекция Базили), ящ. 6, 7. В коллекции также имеются стенограммы бесед с государственными, политическими и военными деятелями дореволюционной России — В. В. Вырубовым, А. С. Лукомским, В. В. Буймистровым (ближайшим сотрудником принца А. П. Ольденбургского во время первой мировой войны), М. В. Челноковым (опубликована в книге: *Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники*. Париж. 1988, с. 500—502), бывшим министром народного просвещения графом П. И. Игнатьевым, датированные 1932—1935 годами.

38. *Николай Александрович Базили* (1883—1963) — в 1914—1917 гг. вице-директор и директор) дипломатической канцелярии при Верховном главнокомандующем. Статский советник, член Совета МИД. По поручению генерала М. В. Алексеева составил проект акта об отречении Николая II, который был подписан последним с некоторыми изменениями (*Nasega wa Ts. The February Revolution*. Petrograd. 1917 Seattle. 1981, pp. 502, 506, 514). В мартовские дни 1917 г. Базили по делам службы посетил Петроград (удостоверение № 2527 от 4 марта 1917 г. за подписью генерала Алексеева. — Коллекция Базили, ящ. 5). В столице сделал доклады М. В. Родзянко, Г. Е. Львову, П. Н. Милокову, А. И. Гучкову. С этого времени начинается его сближение и дружба с последним. В июне 1917 г. Базили становится советником Российского посольства в Париже. В 1918—1919 гг. принимал участие в создании и деятельности Русского политического совещания, направленной на объединение всех антибольшевистских сил в России и за границей. После окончания гражданской войны занимался литературной деятельностью. С осени 1939 г. жил в Америке, служил в крупном банке (*National City Bank of New York*). С 1942 до конца 50-х годов работал в представительстве этого банка в Монтевидео (Уругвай) (Коллекция Базили, ящ. 21).

39. *Basili Lascelle Meserve de. Memoirs of a Lost World*. Stanford 1975

40. Кроме этого, он выпустил книгу «Россия под советской властью» (Париж. 1937). В 1938 г. она издана на английском и французском, а в 1940 г. — на итальянском языке. Никакого отношения к упомянутому замыслу она не имела. Им были также написаны мемуары, опубликованные посмертно: *Basili N. Diplomat of Imperial Russia. 1903—1917 Memoirs* (Stanford. 1973). В книге воспроизведены также два рассказа Гучкова: о поездке его к Шульгина к Николаю II и об отказе от престола Михаила Александровича (pp. 127—131, 143—145). Однако они были записаны Базили позже, чем стенографировались беседы с Гучковым. 28 декабря 1933 г. в письме Руманову он отмечал, что в стенограммах бесед «остались неосвещенными» как раз эти два эпизода и что к ним предстоит еще вернуться (Коллекция Базили, ящ. 5).

41. Там же, ящ. 1, 2.

42. Там же, ящ. 9, 24, 25.

43. Там же, ящ. 2, 24.

44. *Руманов Аркадий Вениаминович* (1878—1960). Выпускник юридического факультета Петербургского университета. С 1903 г. — сотруд-

ник различных газет С 1907 г. — постоянный корреспондент «Русского слова», с 1911 г. возглавлял Петербургское отделение газеты. Директор правления товарищества издательского и печатного дела «А. Ф. Маркс». В эмиграции жил в Париже, являлся представителем издательства Я. Е. Поволоцкого, с которым Базили заключил договор на книгу по истории императорской России (письмо Базили Руманову от 28 декабря 1933 г.) Через Руманова Базили смог устроить интервью и наладить переписку с рядом бывших общественных и политических деятелей России, в частности с Путиловым, Керенским, Бурцевым и др. (Коллекция Базили, ящ. 1, 2) Перед смертью Бурцев передал Руманову свой архив, следы которого затерялись. Николаевский подозревал, что последний передал его советским представителям (после второй мировой войны Руманов принял советское гражданство, одно время писал статьи для газеты «Советский патриот», но позднее «рассоветился». См. *Валентинов Н.* Два года с символистами. Стэнфорд. 1969, с. 240 (Коллекция Базили ящ. 7).

45 *Оболенский В. А.* (1869—1951) — князь, земский деятель, кадет, депутат I Думы от Тверской губернии. Был осужден по делу о Выборгском воззвании В юности увлекался марксизмом. Зимой 1899—1900 гг в Пскове на квартире Оболенского собирался марксистский кружок, который посещал прибывший после сибирской ссылки В. И. Ленин. Короткое время сотрудничал в «Искре». В 1910—1917 гг. — член ЦК партии кадетов (левое крыло). Во время первой мировой войны был уполномоченным санитарного отряда Союза городов. В 1915 г. на фронте познакомился и сблизился с Гучковым. Во время гражданской войны находился в Крыму. Состоял председателем Земской управы Таврической губернии при правительстве С. С. Крыма и генерала Деникина. Входил в комиссию по выработке земельного законодательства при правительстве генерала Врангеля. После эвакуации из Крыма жил в Париже, много и часто публиковался в эмигрантской прессе. Автор ряда работ о деятельности органов земского самоуправления в годы первой мировой и гражданской войны, в частности воспоминаний «Очерки минувшего» (Белград. 1931).

46 Коллекция Базили, ящ. 1, письма: Базили — М. В. Бернацкому Бурцев — Руманову, Оболенский — Челнокову, 1932—1935 гг.; ящ. 24, личные записи Базили, 5 июня 1934 года.

47 Там же, ящ. 1—2.

48 Там же, ящ. 24, наброски карандашом рукой Базили вопросника Гучкову, б/д.

49 Там же, ящ. 1, Базили — Милюкову, 24.XI.1932.

50 Там же, ящ. 7, Базили — Милюкову, 24.XI.1932.

51 Там же, ящ. 1, Базили — Карташеву, 23.V.1934; Архив Гуверовского института, Коллекция Николаевского, ящ. 775, п. 14, Николаевский — Изюмову, 26.V.1936.

52 Там же, ящ. 2., Изюмов — Базили, 12.V.1936.

53 Там же, ящ. 14. В тексте этого раздела использованы воспоминания Гучкова.

54. Последние новости, 9, 12, 16, 19, 23, 26, 30.VIII; 6, 9, 13, 16, 19, 23, 26, 30.IX.1936.

55 Последние новости, 8.VIII.1936.

56 Коллекция Базили, ящ. 7; Menashe L. Alexander Guchkov and the Origins of the Octobrist Party: The Russian Bourgeoisie in Politics. N. Y 1966, p. 238.

57 Коллекция Базили, ящ. 1, Оболенский — Базили, начало августа 1934 года.

58. Там же, Базили — Оболенскому, 12.VIII.1934.

59 Там же, Гучков — Базили, 14.VIII.1935.

60. Там же, Базили — Гучкову, 30.VIII.1935.

61. Последние новости, 8.VIII.1936.

62. Menashe L. Op. cit., p. 62.

63. Коллекция Базили, ящ. 2, И. Н. Коган — Базили, 23.III; Базили — Когану, 26.III.1936.

64. Архив Гуверовского института. Коллекция Б. И. Николаевского, ящ. 775, папка 14, Николаевский — Изюмову, 1936.

65. Элькин Борис Исаакович (1887—1972) — адвокат, редактор по-

смертно изданного второго тома воспоминаний Миллюкова (*Миллюков П. Н. Воспоминания. 1859—1917. Нью-Йорк. 1955*). Друг и душеприказчик Миллюкова (и Гучкова). Адвокат в судебном деле по вопросу о наследстве между сыном Миллюкова (от первого брака с Анной Сергеевной, умершей в Париже в 1935 г.) и его второй женой (Ниной Васильевной).

66. Коллекция Базили, ящ. 6.

67. «Вопросы для А. И. Гучкова. 1. Генезис недоверия А. И. к левым. 2. Практическое отграничение А. И. от левых. 3. Разочарование в Николае II и письмо к нему. 4. Сношения с Алексеевым и письмо к нему. 5. Сношения Львова с Алексеевым и поездка в Ставку. 6. План переворота. 7. Генезис Временного правительства (заседание в декабре. Откуда Некрасов, Терещенко, Керенский. Легенда о масонах). 8. Почему в Пскове был принят Михаил Александрович, вместо Алексея Николаевича. 9. Роль Рузского. Его отношение к клике Распутина. 10. Отречение Михаила Александровича. 11. Генезис Совета Рабочих Депутатов. 12. Приказ № 1 — его происхождение. Как А. И. был вынужден его принять. 13. Заседание Временного правительства, на котором Корнилов предложил ликвидировать большевиков. Когда это было. 14. Почему Временное правительство не сохранило Думу. 15. Вопрос об отбытии Николая II в Англию.

Дополнительные вопросы для А. И. Гучкова. 1. События, непосредственно предшествующие первой революции. (Последнее записанное — попытка дворцового переворота и заседание у Федорова.) 2. Первые дни революции и поездка в Псков. Отречение Николая II и Михаила Александровича. Образование Врем. правительства. 3. Запрос о смерти Столыпина. 4. Хатисов и великий князь Николай Николаевич. 5. Чхендзе. 6. Почему Временное правительство упразднило Думу. 7. Образование личности и взглядов Гучкова. (То, что Александр Иванович уже вкратце рассказывал Н. А. Базили за завтраком в клубе.) Сухомлинов. Гурко»

68. Руманов А. В. А. И. Гучков о терроре. — Последние новости, 8.IX.1936.

69 Коллекция Базили, ящ. 24.

70. Данная стенограмма отсутствует. Поскольку в нашем распоряжении есть вопросник, который Базили предложил Гучкову, то видно, что в имеющихся у нас стенограммах отсутствуют ответы по сюжетам, связанным с масонами. Можно предположить, что беседа 30 января 1933 г. касалась именно этого.

71 Там же, ящ. 2.

72. Gleason W. Alexander Guchkov and the End of the Russian Empire Philadelphia. 1983; Menashe L. Op.cit.

73. Трэйл (Трайл) Вера Александровна (1906—1986). В первом браке за Петром Сувчинским (музеевед, вдохновитель и основатель евразийского движения в русской эмиграции). В 1932 г. вступает во Французскую компартию, после чего отношения с отцом изменились. В это же время Трэйл близко сходитя с К. Родзевичем, сотрудничавшим с ОГПУ. В 1936 г. участвовала в вербовке добровольцев в интербригады. Второй ее муж, шотландский коммунист Р. Трейл, погиб в Испании в июле 1937 г. (от этого брака родилась дочь). До Испании он работал в Москве. Трэйл участвовала в разборе архива отца. В 1936 г. выехала в СССР — на следующий день после того, как в Париже был убит И. Рейсс, бывший резидент НКВД, порвавший с этой организацией. По рассказу Трэйл, она была знакома и с наркомом внутренних дел Н. И. Ежовым, который помог ей избежать ареста, предупредив ее за несколько часов перед этим. Вторая мировая война застала ее в Париже, в числе других нежелательных иностранцев она была отправлена в концентрационный лагерь, где у нее завязался роман с немецким антифашистом, ветераном интербригад Бруно фон Заломоном (умер несколько лет спустя от туберкулеза). Из лагеря бежала через Испанию в Лиссабон. В Англию перебралась при помощи А. Я. Гальперна (меньшевик, масон). После войны вышла из компартии. Некоторое время в качестве переводчицы сопровождала В. Кравченко (сотрудник закупочной комиссии товаров по лендлизу, оставшийся на Западе, автор книги «Я выбрал свободу»). В 60-е годы посетила СССР в качестве переводчицы делегаций английских лейбористов. Была знакома с С. Аллилуевой. На погребении Трэйл присутствовала внучка Сталина.

(Берберова Н. Люди и логи. Нью-Йорк. 1986, с. 200—206. Здесь же опубликована справка-письмо Вольского-Валентинова Николаевскому «Шпионская сеть около А. И. Гучкова»; Бросса А. Агенты Москвы. Edition Galimard, 1988, гл. «Групповой портрет с дамой». — Иностранная литература, 1989, № 12).

74. Последние новости, 14.II.1936.

75. Архив Гуверовского института. Коллекция Струве, ящ. 5, п. 43, переписка. Василий Борисович Ельяшевич (Эльяшевич) — юрист, до эмиграции преподавал в петроградском Политехническом институте. Занимался изучением земельных отношений в России с древнейших времен (опубликованы два тома его труда, доведенные до середины XIX в.). В эмиграции жил в Париже. В 20-е годы работал в парижском кредитном обществе «Кожа» и преподавал гражданское право в русском отделении Парижского университета; активный участник общественной жизни русской эмиграции. Умер после 1950 года.

76. Коллекция Николаевского, ящ. 775, п. 14, беседа Гучкова с Николаевским, 2.IV.1929.

77. Коллекция Базили, ящ. 6, беседа с Гучковым 10.II.1936.

78. Им была налажена конспиративная сеть через генерала Скоблина (тайно сотрудничавшего с НКВД) и М. М. Шранге (вернулся в СССР) для связи со своими агентами в СССР. В начале 30-х годов часто бывал в Берлине (Коллекция Николаевского, ящ. 507, п. 3; Иностранная литература, 1989, № 12, с. 244, 245; Берберова Н. Ук. соч., с. 200—202).

79. Коллекция Николаевского, ящ. 775, п. 14. Из письма Николаевского редактору нью-йоркской газеты «Forward» А. С. Кагану, 29.I.1935.

80. Там же, Николаевский — Л. О. Дан, 9.III.1957.

81. Там же, Николаевский — Изюмову, 26.V.1936.

82. Последние новости, 8.VIII.1936.

Содержание

Предисловие	3
Завись беседы А. И. Гучкова с Н. А. Базили	7
Комментарии	128
Примечания	133

Александр Иванович Гучков рассказывает...
Редактор В. В. Поликарпов

Подписано в печать 24.05.93. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,56. Тираж 50.000 экз. Заказ 295.

© ТОО Редакция журнала «Вопросы истории»
103781, Москва, М. Путинковский пер., 1/2.

Типография ИПО Профиздат, 109044, Москва, Крутицкий вал, 18.

«ВОПРОСЫ ИСТОРИИ»

*К. А. ДУЧЕВЫЙ,
Воеводный министр и временно морской.*

